Российская Академия наук
Институт восточных рукописей

На правах рукописи

Гусарова Екатерина Валентиновна

Царь Эфиопии Такла Гиоргис I: эпоха и личность

(Эфиопская средневековая монархия в конце XVIII в.)

Специальность – 07.00.03 «всеобщая история (средние века)»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Французов Сергей Алексеевич

Санкт-Петербург
2015

Оглавление

Введение ……. 3
Основная часть …….. 17
Глава 1. Предпосылки воцарения Такла Гиоргиса I …….. 17
1. Кризис гондарской монархии в конце XVIII в.: причины и последствия ……. 17
2. Воцарение Такла Гиоргиса I …….. 31
Глава 2. Борьба с мятежами и походы против оромо …….. 41
1. Попытки свержения Такла Гиоргиса I Кэнфу Аддамом: мятежи Цадалу и Гадлу ……. 41
2. Походы Такла Гиоргиса I в земли оромо ……. 74
3. Поход Такла Гиоргиса I в земли Волло и Вучале и завершение его первого царствования …….. 83
Глава 3. Между троном и изгнанием: марионетка или несломленный борец? …… 109
1. Такла Гиоргис I в междоусобных распрях эфиопских феодалов …….. 109
2. Последнее восхождение Такла Гиоргиса I на трон …….. 132
Экскурсы ……. 141
Экскурс 1. Хроника царствования Такла Гиоргиса I: особенности содержания, языка и стиля……. 141
Экскурс 2. Где находилась столовая гора Вахни? Проблемы исторической географии средневековой Эфиопии…… 152
Экскурс 3. Государственная и церковная иерархия в позднесредневековой Эфиопии……... 159
Экскурс 4. Иоасаф II, митрополит Эфиопии……... 177
Заключение……. 188
Библиография……. 194
Источники……... 194
Рукописные источники…… 194
Опубликованные нарративные источники……... 194
Картографические материалы……... 196
Исследования……. 197
Список сокращений……... 205
Таблица. Генеалогия царей Гондарской династии (начало XVII – конец XVIII вв.)……... 207
Карта 1 …….. 208
Карта 1а …… 209
Карта 2 ……. 210
Карта 3 ……. 211

Введение

Предметом настоящего диссертационного исследования является история Эфиопского христианского царства в конце XVIII в., на переломном этапе позднего средневековья, рассматриваемая в достаточно традиционном ключе через призму деятельности его правящего монарха, по преимуществу военно-политической.

В качестве **объекта** исследования было выбрано правление царя Эфиопии Такла Гиоргиса I, который в период с июля 1779 г. по июнь 1800 г. шесть раз возводился на престол и свергался с него – уникальный случай в мировой истории! Его пребывание у власти пришлось на начальную фазу эпохи политической раздробленности, которая по своей продолжительности (с 1769 по 1855 гг.) и масштабам не имела аналогов в истории этой африканской страны. Фигура данного монарха заслуживает самого пристального внимания хотя бы потому, что позволяет на конкретном примере поставить и попытаться решить одну из ключевых проблем исторической науки, касающуюся роли личности и ее субъективных характеристик в развитии стран и народов и влияния объективного хода событий на ее намерения, практические действия и их результаты.

Хронологические рамки работы полностью укладываются в границы средневековья, если принять в расчет неравномерность исторического развития различных регионов мира. Как известно, вопрос о демаркации рубежей между различными периодами в истории стран Востока в течение долгого времени остро стоял перед учеными-востоковедами всего мира и особенно нашей страны и до сих пор не потерял актуальности[1]. В настоящее время стало ясно, что нельзя рассматривать и изучать историю

[1] В этой связи нелишним будет вспомнить, например, горячие дискуссии о периодизации истории Востока, разгоревшиеся в 1955–1956 гг. на заседаниях исторической секции Ученого совета Института Востоковедения АН СССР. В ходе оживленной полемики различные отрезки истории стран Дальнего и Ближнего Востока сопоставлялись с основными вехами в развитии европейских держав, проводились аналогии, которые в большинстве случаев оказывались несостоятельными (Вобликов 1956).

отдельных регионов Востока, опираясь на некие универсальные методы, выработанные на западном (в первую очередь, европейском) материале, в том числе применительно к периодизации. Исторический процесс в Эфиопии шел в значительной мере независимо от других регионов, поскольку на протяжении тысячи лет, с середины I тысячелетия н. э. по середину XVI в. страна была практически полностью изолирована от окружающего мира. Этот фактор предопределил самобытное развитие народов Африканского Рога, где государственность сформировалась и развивалась во многом по своей собственной модели.

Принято считать, что в Эфиопии средние века продолжались, по меньшей мере, до середины XIX в.[2], а, возможно, вплоть до окончательного объединения страны Менеликом II в конце XIX в. Рассматриваемый в диссертации хронологический отрезок представляет собой начальный этап эпохи политической раздробленности христианского государства со столицей в городе Гондаре, известного как Гондарское царство. В традиционной эфиопской историографии ее принято называть *Замана Масафэнт* «Эпохой Судей» по аналогии с описанным в соответствующей книге Ветхого Завета домонархическим периодом в истории Израиля, когда его двенадцать колен были разобщены и подвергались притеснениям со стороны соседних народов. Отправной точкой для нее в достаточной степени условно принято считать 7 мая 1769 г., когда царь Эфиопии Иоас I был задушен по наущению всесильного временщика Михаила Сэхуля («Хитроумного»); выйти же из нее Эфиопии удалось лишь в 1855 г., после того, как царь Феодор II огнем и мечом добился объединения страны.

В истории средневековой Эфиопии периоды относительного единства страны в рамках христианского государства, политическая структура

---

[2] Проблема периодизации истории Эфиопии рассмотрена, в частности, эфиопским исследователем Сейумом Волдэ. Во вступлении к своей статье об изучении христианского искусства средневековой Эфиопии он, сопоставив различные точки зрения, выделяет три основные эпохи в развитии страны: «древность», «средние века» и «современный период», – и принимает за нижнюю границу эфиопского средневековья середину XIX в. (Seyoum Wolde 1989, p. 165).

которого отличалась большей или меньшей степенью централизации, сменялись периодами смуты и раздробленности, наступлению которых способствовали мультиэтнический и поликонфессиональный состав ее населения, климатические условия[3] и перипетии ее социально-экономического развития. Разнообразные теологические споры внутри Эфиопской Церкви, доходившие подчас до расколов, также приобретали со временем региональную окраску, благодаря чему из фактора, обеспечивающего единство государства, она превращалась в одну из сил, способствовавших его распаду. Впрочем, в рассматриваемый в диссертации период эфиопской истории Церковь выступала в более привычной для себя роли интегрирующего начала, а раздирали страну на части, главным образом, амбиции крупных феодалов.

Актуальность диссертационного исследования определяется тем, что проблема сохранения единства страны по-прежнему остро стоит для Эфиопии, которая в начале 90-х гг. XX в., по завершении дорого стоившего ей социалистического «эксперимента», оказалась на грани распада, инициаторами которого наряду с эритрейскими сепаратистами выступили те самые оромо, против которых Такла Гиоргис I предпринял несколько победоносных походов и частично покорить которых он сумел, успешно сочетая методы принуждения и взаимовыгодного сотрудничества и добиваясь интеграции их вождей в государственную структуру Эфиопского царства. В общеисторическом плане рассматриваемая в работе эпоха представляет интерес для установления причин процесса нарастания центробежных тенденций, вылившихся в глобальный кризис, поставивший под вопрос само существование Эфиопии как государства, и для выявления способов преодоления подобной смуты, с точки зрения поиска вероятных параллелей в истории других стран, в том числе России. Кроме того,

[3] Два ежегодных сезона дождей прочно изолировали друг от друга различные области этой страны, парализуя сообщение между ними. Из царских хроник мы видим, как царь был вынужден «зимовать» или пережидать сезон дождей в определенном месте, причем военные походы и иные перемещения по стране царя со свитой в это время года, как правило, не совершались.

изучение феномена политической раздробленности в контексте истории одной из древнейших держав Востока, возникшей около двух тысяч лет тому назад, позволяет по-новому подойти к осмыслению таких понятий, как восточный феодализм и традиционная восточная монархия.

Научная новизна диссертации заключается в том, что ранее ни в отечественной, ни в мировой эфиопистике царствование Такла Гиоргиса I не становилось объектом специального изучения. Внимание, притом довольно беглое, уделялось лишь отдельным, как правило, второстепенным, аспектам его деятельности в контексте противостояния могущественных группировок, возглавлявшихся крупными феодалами. Более того, впервые монографическое исследование посвящено эфиопскому монарху XVIII–XIX вв., т. е. периода упадка и крушения Гондарского царства.

Источниковой базой работы являются произведения поздней эфиопской историографии, в которую наряду с пространными царскими анналами органично вписались жизнеописания выдающихся военно-политических деятелей, не принадлежавших к правящей династии, таких как Михаил Сэхуль и Хайла Микаэль[4]. Центральное место в ней занимает собрание царских и «княжеских» хроник, известное как «Сборник *деджазмача* Хайлу»[5], который был составлен в 1785 г. историографом Абагазом на средства двух знатных вельмож: Хайлу Йоседека и Хайла Микаэля Эшате[6], – и впоследствии дополнялся. Наибольший интерес для настоящего исследования представляет входящая в него хроника Такла Гиоргиса I, охватывающая первый период его правления (июль 1779 – февраль 1784 гг.)[7] и опубликованная в 1922 г. Гербертом Велдом Бланделлом[8]. К сожалению, издание этой хроники и примыкающих к ней сочинений из «Сборника Хайлу» было осуществлено на совершенно не

---

[4] См. о этом подробнее: Чернецов 1991, с. 311-319.
[5] См. его общую характеристику в: Kropp 1989.
[6] См. о этом подробнее: Chernetsov 2003; Chernetsov, Red. 2005.
[7] Общую характеристику этого произведения эфиопской царской историографии см. в **Экскурсе 1**.
[8] Chronicle (Blundell) 1922, p. 19-70 (текст); 230-303 (перевод).

удовлетворительном уровне, поскольку сам Г. В. Бланделл являлся путешественником и естествоиспытателем, но не филологом[9]. В этом издании на каждой странице эфиопского текста обнаруживается пять–десять опечаток, а его английский перевод, выполненный, судя по всему, несколькими эфиопскими книжниками разной степени образованности, изобилует неточностями и прямыми ошибками[10], например, превращением имен нарицательных в топонимы и наоборот. Поэтому при подготовке диссертации решено было опираться не на издание Г. В. Бланделла, а непосредственно на соответствующие рукописи.

«Сборник Хайлу» дошел до нас в пяти списках. Два из них, входившие в состав коллекции Британского музея, хранятся ныне в Британской библиотеке. Речь идет о двух роскошных рукописях на белом пергамене, Orient. 820 и Orient. 821, захваченных англичанами при взятии крепости Магдала (Макдала) в 1868 г. и ранее находившихся в собрании царя Феодора II[11]. Сравнение полученных нами копий этих двух списков показало, что они почти полностью повторяют друг друга в том, что касается интересующего нас периода[12], за исключением отдельных знаков и слов, никак не затрагивающих содержание. С учетом того, что Orient. 821 как более полная была положена в основу издания Г. В. Бланделла, она была использована как один из основных рукописных источников при подготовке нашей диссертации[13]. В Национальной библиотеке Франции хранятся еще

---

[9] См. о нем Ofcansky 2003.

[10] Например, фрагмент, где речь идет о том, как Такла Гиоргис скорбел «…и более всего о том, что разбит на куски наш алтарь топором и молотом рукой язычников» (**ወእምኩሉ፡ ዘየዓቢ፡ ተሰብሮተ፡ ታቦትነ፡ በማኅቴ፡ ወበመፍይሕ፡ በእደ፡ አረማውያን፡**), переводится у Г. В. Бланделла как: «…and all that great breaking up of our Tābots in Makhtsē and Mafatsch by the hands of pagans» (Chronicle (Blundell) 1922, p. 277); Такла Гиоргис остался в Аринго «со слугами его» (**ምስለ፡ ደቀ፡ ጽርሑ፡**) «in the house of his children» (Chronicle (Blundell) 1922, p. 371); «*гра-азмача* Адьямо» (**ግራ፡ አዝማች፡ አድያሞ፡**) называет «Dajazmach Adeyamo» (Chronicle (Blundell) 1922, p. 288) и т. п.

[11] Wright 1877, p. III-IV; детальное описание этих рукописей см. в: Ibid., p. 314-318.

[12] Первая из них доходит до 1808 г., вторая до 1830 г. (Wright 1877, p 315, 318).

[13] Та часть Orient. 821, которая включает «Сборник Хайлу» (л. 30-595), охватывает период от правления Менелика, легендарного сына царя Соломона, до Сахла Дэнгэля (1832–1840;

два списка интересующего нас сборника: Eth. 143 на серой восточной бумаге в красном кожаном переплете мусульманского типа и d'Abbadie 118 на белом пергамене[14]. Второй из них был переписан в течение двух лет по заказу выдающегося исследователя Эфиопии Антуана д'Аббади (1810-1897) во время его странствий по этой стране в 1837–1848 гг. с не дошедшего до нас оригинала[15]. Первый, судя по оформлению, попал во Францию через восточных христиан (скорее всего коптов). При сравнении полученной нами копии Eth. 143 с Orient. 821 обнаружилось немало разночтений, подчас затрагивающих содержание, исходя из чего этот список также решено было использовать в качестве одного из источников нашего исследования. Что касается d'Abbadie 118, то она носит вторичный характер и, кроме того, ее использование затруднено тем, что она не микрофильмирована и получение ее копии сопряжено со значительными трудностями, в том числе материального характера. Поверхностное знакомство с ней позволяет предположить, что ее основной текст весьма близок к Eth. 143. Особый интерес в ней представляет заключительная часть, отсутствующая в других списках «Сборника Хайлу», но она была опубликована в 1917 г. Карло Конти Россини[16], а пятью годами позже – независимо от него Г. В. Бланделлом. Наконец, в Университетской (бывшей городской) библиотеке Франкфурта-на-Майне хранится список Rüppell 18, привезенный выдающимся натуралистом и путешественником Эдуардом Рюппелем (1794–1884) из его поездки в Эфиопию в 1831–1833 гг. Эта рукопись также была переписана специально для него гондарским книжником *ликом* (старейшиной) Аткумом (т. е. Ацку) в 1833 г.[17] и, как отмечал В. Райт, в основном совпадает с Orient.

1841–1855). Интересующий нас временной интервал в этом списке начинается с правления царя Такла Хайманота II (1769–1777) и доходит до начала XIX в. (л. 432-587).

[14] См. их детальное описание в Zotenberg 1877, p. 216-221; d'Abbadie 1859, p. 133-136.

[15] d'Abbadie 1859, p. 133-134.

[16] Cronaca (Conti Rossini) 1917. Это издание было использовано при подготовке заключительных разделов **Основной части** работы.

[17] См. ее детальное описание в Goldschmidt 1897, s. 63-67.

821[18]. На основании всего изложенного выше в основу данного диссертационного исследования было положено два списка: Orient. 821 из Британской библиотеки и Eth. 143 из Национальной библиотеки Франции[19]. Тексты хроники, посвященной первому периоду правления Такла Гиоргиса и написанной *алакой*[20] Габру[21], за исключением некоторых неточностей и пропусков, совпадают. Тексты же истории Хайла Микаэля, а также *раса*[22] Али и Такла Гиоргиса содержат значительные разночтения и могли быть скопированы с различных источников.

Помимо указанных выше хроник, от царствования Такла Гиоргиса I сохранились ценные документальные источники, представляющие собой жалованные грамоты на земельные наделы. Речь идет о документах № 67–69 из так называемой «Книги Аксума»[23] и еще о четырех актах, обнаруженных в виде приписок к эфиопским рукописям в различных лондонских собраниях[24]. При всей своей краткости они подтверждают и существенно дополняют сведения, почерпнутые из летописной традиции.

Свидетельством культурной жизни Эфиопии рассматриваемого периода служат колофоны переписанных в те годы рукописей, в которых упоминается Такла Гиоргис I и другие правители *Замана Масафэнт*.

Особого рода источник представляют собой картографические материалы разного рода и прилагаемые к ним указатели топонимов (*газетиры*), выделенные в Библиографии в отдельный раздел. Значительный

---

[18] Wright 1877, p VI-IX. Ее заключительную часть частично использовал в своем издании, в дополнение к d'Abbadie 118, К. Конти Россини (Cronaca (Conti Rossini) 1917, p. 782 (6)).

[19] Разумеется, при подготовке критического издания хроники Такла Гиоргиса I и сопутствующих ей сочинений из «Сборника Хайлу» планируется использовать и другие его списки.

[20] Об этом титуле см. примеч. 7 к **Экскурсу 1**.

[21] Orient. 821, л. 446-510об.; Eth. 143, л. 288-322. Ее всесторонней характеристике посвящен **Экскурс 1**.

[22] Об этом титуле, высшем в феодальной иерархии позднесредневековой Эфиопии, см. **Экскурс 3**, примеч. 54.

[23] См. ее издание с французским переводом в: Liber Axumae (Conti Rossini) 1909; Liber Axumae (Conti Rossini) 1910.

[24] Взяты из текста неизданной диссертации эфиопского исследователя, обнаруженной в библиотеке С. Б. Чернецова (Haddis Gebre-Meskel 1992).

интерес вызывают карты, на которых отмечены торговые пути, проходившие по Эфиопии в первой половине XIX в.[25] – период, не слишком далеко отстоящий от рассматриваемых в диссертации событий. Очевидно, именно эти трассы использовались для передвижения войска царя и его противников. К сожалению, в работах С. Б. Чернецова привязке упоминаемых в хрониках топонимов к местности уделялось недостаточное внимание, что подчас приводило к досадным недоразумениям[26]. Составленные в процессе работы над диссертацией карты 2 и 3, на которых отмечены наиболее показательные военные кампании Такла Гиоргиса, призваны восполнить этот досадный пробел в отечественных эфиопистических исследованиях.

Отражение в источниках некоторых эфиопских реалий. Что касается летоисчисления, то в хрониках используется типичный для эфиопской рукописной традиции способ датировки. Основные события, такие как воцарение нового монарха, важнейшие вехи в жизни царя и вельмож, наступление очередного года и т. д., помечаются числом и месяцем по эфиопскому календарю[27] и годом по одной из принятых в Эфиопии эр, чаще всего годом от Рождества Христова, которое, следуя одной из византийских систем летоисчисления, эфиопы относят к 7 г. н. э., либо годом от Сотворения мира. Иногда для датировки использовалось сразу несколько эр. Как правило, события также датировались по дням недели. Название месяца приводится только при упоминании первых чисел очередного месяца, а иногда лишь в первый его день. Возможно, это объяснялось необходимостью экономии места на листе пергамена.

В геэзе, как и в амхарском языке, существуют слова для обозначения времен года, которые иногда переводят как «весна», «лето», «осень», «зима», но они не совпадают с нашими представлениями об этих сезонах. Местная лингвистическая традиция в этом смысле отвечает реальной климатической

---

[25]См., в первую очередь: Carte d’Abyssinie (Salt) s. a., – а также Carte de l’Abyssinie (Combes, Tamisier) 1838; Carte d’Éthiopie (d’Abbadie) 1867, 1866, 1867.

[26] См, например: **Экскурс 2**.

[27] За исключением названий месяцев, эфиопский календарь полностью совпадает с коптским. См. о нем подробнее: Fritsch, Zanetti 2003.

ситуации в этой стране[28]. Эфиопский климат отличается наличием двух дождливых сезонов, малого и большого. «Сезон малых дождей», называемый *балг*, может выпадать в различные годы на осень, зиму или весну. «Сезон больших дождей», называемый *кэрамт*, дословно «зима», или «сезон непроходимых (трудных) дорог», как правило, длится с июня по сентябрь. В этот период, выпадающий на наше лето, на большей части территории Эфиопии дождь идет каждый день почти постоянно. Дороги превращаются в ручьи, и сообщение между городами становится затрудненным, а зачастую и абсолютно невозможным. С прокладкой относительно развитой системы современных дорог ситуация изменилась, но в рассматриваемую эпоху дело обстояло именно так. До начала «зимы» люди старались добраться до нужного им пункта назначения, где можно было переждать дождливый сезон.

Степень изученности темы. В национальной эфиопской историографии Такла Гиоргису I, как и прочим монархам той смутной эпохи, отведено весьма скромное место. В фундаментальном труде по истории Эфиопии с аксумских времен и до правления императора Хайла Селласе (Хайле Селласие) включительно, вышедшим из-под пера крупнейшего эфиопского историка Текле-Цадыка Мекурия (1915–2000), в главе, посвященной «Эпохе Судей», акцент сделан на междоусобной борьбе влиятельных военачальников; правления марионеточных царей того времени у него вообще не рассматриваются по отдельности[29].

Необходимо подчеркнуть, что интерес исследователей, занимавшихся изучением периода политической раздробленности в конце XVIII в., в первую очередь, привлекали видные деятели эфиопской элиты, выступавшие в качестве главных действующих лиц грандиозной исторической драмы, разворачивавшейся на Африканском Роге, в частности, Хайла Микаэль

[28] См. об этом подробнее: Kneller 2003.
[29] Текле-Цадык Мекурия 1960, с. 379-397.

(Хайлу) Эшате, которому посвятили обстоятельные статьи Текле-Цадык Мекурия[30] и С. Б. Чернецов[31].

В общих работах, связанных с изучением *Замана Масафэнт*, личность Такла Гиоргиса оставалась «за кадром», что ничуть не умаляет их значимость для понимания тех процессов, которые происходили в Эфиопии на протяжении этого времени[32]. Так, в одной из лучших статей по данному вопросу, принадлежащей современному эфиопскому ученому Шиферау Бекеле, наряду с общей характеристикой «Эпохи Судей» подробно рассматриваются события ее последних десятилетий[33].

Заметным вкладом в изучение источников по царствованию Такла Гиоргиса явилась другая статья этого исследователя, посвященная его хронике[34]. А вот в монографии Мартина Кроппа о «Сборнике Хайлу» Такла Гиоргис упоминается крайне редко, поскольку основное внимание в ней уделено хроникам выдающихся эфиопских монархов XVI–XVII вв., которые составляют ядро этой рукописной компиляции[35].

Синтез накопленных эфиопистикой сведений о царствовании Такла Гиоргиса I наглядно представлен в краткой статье о нем в «Эфиопской энциклопедии», принадлежащей знатоку позднесредневековой истории Эфиопии Дональду Крамми[36].

Следует отметить, что в работах отечественных исследователей Такла Гиоргис I практически не упоминался[37], за исключением перевода «Хроники Хайла Микаэля», выполненного С. Б. Чернецовым[38].

---

[30] Tekle-Tsadik Mekouria 1989.
[31] Чернецов 1991а.
[32] Особо хочется выделить работы отечественных авторов, в которых детально рассмотрена заключительная фаза «Эпохи Судей» (Цыпкин 1980; Цыпкин 1988; Цыпкин, Ягья 1989).
[33] Неслучайно она открывает часть II, озаглавленную *The Life and Times of Téwodros*, в сборнике *Kasa and Kasa* (Shiferaw Bekele 1990).
[34] Shiferaw Bekele 2004.
[35] Kropp 1989.
[36] Crummey 2010c.
[37] См., впрочем: Цыпкин, Ягья 1989, с. 25.
[38] Хроники (Чернецов) 1991, с. 264-298.

Целью диссертационной работы является исследование правления царя Эфиопии Такла Гиоргиса I в контексте начального этапа эпохи политической раздробленности, который пришелся на конец XVIII в., на основе всех имеющихся источников, в первую очередь, произведений традиционной эфиопской историографии, а также изучение характерных черт его личности, сформировавшихся под влиянием сложившейся в стране политической обстановки и в свою очередь оказывавших обратное воздействие на нее. Указанная цель определила следующие **задачи диссертационного исследования**:

- восстановить историческую канву всех шести периодов пребывания у власти Такла Гиоргиса I, скрупулезно следуя за ходом повествования в релевантных хрониках, выделив при этом ключевые события его царствования;

- дать максимально более полную характеристику его личности, отбросив по возможности пристрастный подход, неизбежно присущий летописцам, фиксировавшим деяния монарха;

- вписать личность Такла Гиоргиса I в контекст эпохи, показав, насколько предпринимавшиеся им действия определялись внешними обстоятельствами, а в какой мере шли с ними вразрез;

- через конкретные события, связанные с правлением Такла Гиоргиса I, выявить основные тенденции военно-политического и социально-экономического развития Эфиопии в конце XVIII в., которые определили деградацию эфиопской христианской государственности и фактический распад страны в первой половине XIX в.;

- показать специфику взаимоотношений Такла Гиоргиса I как последнего царя Гондарской династии, обладавшего остатками реальной власти, с представителями светской и церковной элиты Эфиопии.

Методология и методы исследования. В основу диссертационного исследования положен принцип историзма, составляющий одну из основ отечественной гуманитарной науки, а также концепция

взаимоотношений позднепервобытных и классовых обществ, детально разработанная, прежде всего, на африканском материале с привлечением данных по средневековой эфиопской истории, одним из ярчайших представителей отечественной африканистики Вячеславом Михайловичем Мисюгиным (1923 или 1924 – 1998)[39].

При работе с источниками использовался традиционный историко-филологический метод их интерпретации, детально разработанный петербургской школой классического востоковедения. При анализе полученных данных широко применялся сравнительно-исторический метод работы с материалом, а также проблемно-тематический подход к рассмотрению явлений и процессов, происходивших на Африканском Роге в рассматриваемый период.

Использованная в диссертации **система транслитерации** является облегченной, свободной от диакритики, что объясняется исторической, а не филологической специализацией данного исследования. По возможности эфиопские имена собственные, топонимы, этнонимы и термины (в основном обозначавшие титулы и должности) приводятся в том виде, какой они обрели в трудах выдающегося отечественного эфиописта-историка Севира Борисовича Чернецова (1943–2005). Точная научная транслитерация, разработанная на основе латинской графики в процессе подготовки «Эфиопской энциклопедии», применяется в редких случаях при детальном филологическом анализе отдельных геэзских и амхарских слов.

Немногочисленные арабо-мусульманские имена собственные, такие как Идрӣс, следуют точной научной системе транслитерации, разработанной великим российским арабистом И. Ю. Крачковским.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в докладах и сообщениях, представленных на конференциях и иных научных мероприятиях разного уровня, от вузовских до международных:

---

[39] См., в первую очередь: Мисюгин 1998.

- на международной конференции «Ориенталистика и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. Актуальные проблемы и перспективы» (Санкт-Петербург, 4–6 апреля 2006 г.);

- на 16th International Conference of Ethiopian Studies (Trondheim (Норвегия), July 2–6, 2007);

- на Второй ежегодной конференции по иудаике и востоковедению в Петербургском институте иудаики, секция А (Санкт-Петербург, 17 декабря 2012 г.);

- на XXIII, XXIV и XXV ежегодных богословских конференциях Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, зимняя сессия, секция «История и литература Христианского Востока» (Москва, 22 января 2013 г., 20 января 2014 г., 20 января 2015 г.);

- на XXVII международной научной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива. “Традиционализм” и “революционизм” на Востоке», секция 11: Секция африканистов «Чтения памяти Д. А. Ольдерогге». Этнография, искусство, словесность народов Африки (Санкт-Петербург, 25 апреля 2013 г.);

- на международной конференции «Христианский Восток: взаимодействие с другими культурами» (Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, 4–6 сентября 2014);

- на XXVIII международной научной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире», секция африканистов: «Чтения памяти Д. А. Ольдерогге» (Санкт-Петербург, 23 апреля 2015 г.).

Структура диссертации определяется характером изучаемого материала, обращение к которому предполагает наряду с анализом общих проблем детальное рассмотрение частных вопросов, для которого в некоторых случаях рамки подстрочных примечаний оказываются слишком тесны. В этой связи заслуживает внимания структура докторской

диссертации М. Б. Пиотровского по раннесредневековой истории Йемена, защищенной в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР в 1985 г., и монографии, в основу которой она легла[40]. Обе они разделены на две равнозначные части: «Общие процессы» и «Экскурсы», – причем последние представляли собой своего рода статьи, посвященные ряду специфических проблем йеменского общества раннего средневековья, не укладывающихся в последовательное изложение событий соответствующей эпохи. К сожалению, данная инициатива не нашла продолжателей, хотя такого рода структура подошла бы многим востоковедным работам, авторам которых приходится отвлекаться от основной канвы повествования на разъяснение реалий историко-географического, терминологического, биографического и иного свойства.

В соответствии с указанным выше образцом настоящая диссертация включается в себя **Основную часть**, состоящую из трех глав, и четыре **Экскурса**. Кроме того, в нее входят **Введение**, **Заключение**, **Библиография**, в которой проведено четкое разделение между источниками и исследованиями, а также **таблица** «Генеалогия царей Гондарской династии (начало XVII – конец XVIII вв.)» и четыре **карты**, две первые из которых (1 и 1а) взяты из эфиопского атласа[41], а остальные две (2 и 3) составлены в процессе работы над диссертацией.

---

[40] См. Пиотровский 1985.
[41] National Atlas, 1988. [Map] 73.

Основная часть

Глава 1

Предпосылки воцарения Такла Гиоргиса I

1. *Кризис Гондарской монархии в конце XVIII в.: причины и последствия*

В истории средневековой Эфиопии периоды относительного единства страны в рамках христианского государства, политическая структура которого отличалась большей или меньшей степенью централизации, сменялись периодами смуты. Наступлению таких периодов способствовали как полиэтнический и поликонфессиональный состав ее населения и особенности ее социально-экономического развития, так и климатическо-ландшафтные условия. Восшествие на трон Такла Гиоргиса I выпало на период феодальной раздробленности, получивший в Эфиопии среди начитанных в Священном Писании просвещенных людей название *Замана Масафэнт*[1] «Эпоха судей» по аналогии с периодом ветхозаветной истории, на протяжении которого Израиль, лишенный постоянной центральной власти, подвергался нападкам и разорению со стороны соседних народов.

[1] См. об этом периоде: Dege 2014. Впервые в эфиопских литературных источниках термин *Замана Масафэнт* встречается в краткой хронике царского историографа *алаки* Ламлама, сохранившейся в рукописи Кориандер 8 (= Эф. 30) из коллекции ИВР РАН (Тураев 1906, с. 89). См. об этой хронике: Тураев 1911. Выдающийся петербургский востоковед-африканист, знаток эфиопской рукописной традиции, В.М. Платонов (1941-2012) посвятил личности и творчеству *алаки* Ламлама, незаурядного эфиопского священнослужителя и историографа, скончавшегося между 1902 и 1904 гг., в том числе его хронике, свою кандидатскую диссертацию, которую, к сожалению, в силу жизненных обстоятельств и состояния здоровья, так и не успел защитить. По словам ныне покойного С.Б. Чернецова (1943-2005), это диссертационное исследование было дописано и лежало в одной из папок среди его бумаг. Остается надежда ее обнаружить, т.к. архив В.М. Платонова пока полностью не разобран.

Среди основных черт, характеризующих этот исторический период в Эфиопии, можно выделить крайнюю регионализацию и политическую децентрализацию, обострение уже существующих меж- и внутриконфессиональных конфликтов.

Для этого периода была характерна политическая нестабильность, которая оставила глубокий след и во многом повлияла на дальнейший ход исторического процесса в стране. Эфиопия, избалованная культурным и экономическим процветанием предшествующего гондарского периода[2], тяжело переживала это время. Предпосылкой для *Замана Масафэнт* стало свержение в 1769 г. *аце*[3] Иоаса I (1755-1769)[4] *расом* Михаилом Сэхулем[5], которому удалось взять под свой контроль торговые пути, ведущие к побережью Красного моря и, таким образом, сконцентрировать в своих руках достаточное количество огнестрельного оружия, которое в Эфиопии в тот период использовалось относительно редко и было, безусловно, необходимо для удержания власти. Этот год условно принято считать отправной точкой мрачной эпохи феодальной раздробленности в Эфиопии, которая длилась почти столетие, вплоть до коронации в 1855 г. Феодора II (1855-1868)[6], выдающегося борца за объединение страны и ее модернизатора. С начала *Замана Масафэнт* развернулась широкомасштабная борьба между

---

[2] Этот период берет начало с основания царем Василидом новой постоянной столицы государства в г. Гондаре. Датой основания Гондара принято считать 1636 г., хотя эфиопские монархи обосновались в районе этого удобно расположенного населенного пункта несколько ранее.

[3] Еще один термин, частично заменивший в средневековой Эфиопии более привычный «царь царей»; может переводиться как «император». См. **Экскурс 3**.

[4] Его тронное имя Адьям Сагад. См. о нем: Natsoulas, Nosnitsin 2007. Его генеалогию см. в **Таблице** в конце работы.

За свержением Иоаса I последовало его убийство (посредством удушения), организованное Михаилом Сэхулем (см. ниже примеч. 5). К этому моменту при дворе уже во всю плелись заговоры, а власть в Эфиопии переходила в руки сильнейших, без учета прав царствующей династии и морали.

[5] До нас дошла хроника его «правления». То обстоятельство, что такого рода произведение, традиционно составлявшееся для царствовавших особ, было посвящено человеку, формально не занимавшему трон, является для классической эфиопской историографии исключительно редким и показывает, что Михаил Сэхуль обладал непререкаемым авторитетом в Эфиопии в описываемый период. См. о нем: Abbink 2007.

[6] См. о нем: Crummey, Nosnitsin, Sokolinskaia 2010.

региональными правителями[7], сконцентрировавшими в своих руках власть и богатство и поддерживаемыми вождями местных племен, и крупными военачальниками, опиравшимися на многочисленное царское войско[8]. Борьба эта имела своей конечной целью управление Эфиопией посредством влияния на царствующего монарха, превращения его в чисто формального правителя-марионетку в своих руках. На протяжении этого продолжительного периода не всегда легко восстановить хронологию пребывания на троне различных царей, представителей правящей династии. Дестабилизация зашла настолько далеко, что в стране одновременно могло быть более одного «официального» монарха. Таким образом, к середине XVIII в. царь обладал видимой властью лишь в столице государства Гондаре, при дворе, а все остальные дела и события государственного значения задумывались и реализовывались без его практического участия руками и умами влиятельных особ. Сама столица к этому времени потеряла свой статус центра, как политического и общественного, так и религиозного, а, следовательно, и политическая структура государства приобрела иную форму с несколькими достаточно сильными «центрами»[9]. Вследствие этого пришли в упадок знаменитые гондарские культура и искусство, а вместе с ними начался закат эфиопской литературы на языке геэз, который впрочем перестал быть разговорным языком еще в конце Аксумского царства в VIII-

---

[7] Большинство высокопоставленных региональных правителей и борцов за власть в Эфиопии в эпоху политической раздробленности возводили свою генеалогию к правящей династии Соломонидов. Таблицы некоторых таких генеалогий см. в Tekle-Tsadik Mekouria 1989, p. 191, 192 (*рас* Хайлу Эшате), 196 (*рас* Михаил Сэхуль), 201 (*рас* Гошу), 206 (*рас* Гугса).

[8] Царь к тому времени не имел собственного войска как такового. Для той или иной вооруженной кампании он был вынужден созывать армии лояльно настроенных региональных наместников. Это позволяло им и военачальникам оказывать желаемое влияние и в какой-то степени контролировать действия монарха.

[9] Несмотря на то, что официальная историография в течение достаточно продолжительного времени тщетно пыталась маскировать этот факт, восхваляя «царя-батюшку» и подчеркивая его центральную роль в государстве. Со временем историографы были вынуждены писать хроники уже не царей, а местных правителей (см. выше примеч. 5), все дальше отходя, таким образом, от традиций классической историографии (эта тенденция продолжалась до восшествия на трон в 1855 г. Феодора II).

IX вв., уступив постепенно свое место амхарскому языку[10]. Стоит отметить, что никто из влиятельных особ, бравших в свои руки бразды правления, не пытался лично занять эфиопский трон. Объясняется это, по всей видимости, тем, что право династии Соломонидов на власть, которое подтверждалось династическим трактатом *Кэбра нагаст* «Слава царей», было непререкаемым в сердцах эфиопов. Она имела статус богоизбранной и легитимной. Члены царской семьи к тому времени находились у власти около пяти столетий, с 1270 г., когда Йэкуно Амлак, совершив государственный переворот, якобы восстановил Соломонидов на троне, занятом представителями династии Загвеев (Загве), объявленных узурпаторами[11], так чтобы ни у кого не могло возникнуть мысли о незаконности ее свержения.

Кроме того, стали четче проявляться изменения в этническом составе населения страны, в частности, возрастало влияние на государственном уровне различных несемитских этнических групп многонациональной Эфиопии[12]. Особенно ярко это выражалось в укреплении положения народа оромо, сыгравшего некогда роковую роль в истории Эфиопии, на политической арене. Его присутствие ощущалось при дворе и физически, поскольку кушитский язык оромо начал активно проникать в столицу, в том числе в ближайшее окружение царя.

Феодализм в Эфиопии возник на основе существовавшего в стране права собственности на землю, представленной в двух основных формах, *гульт*[13] и

---

[10] Впрочем, геэз оставался языком историографии до конца XIX в., когда были составлены последние официальные тексты (царские хроники) на этом языке, посвященные правлению Иоанна IV. Первым полноценным историографическим сочинением на староамхарском языке стала хроника Феодора II, составленная в середине XIX в.

[11] На самом деле он просто основал новую династию. Никаких свидетельств того, что Соломониды находились у власти в аксумский период, не существует.

[12] На передний план выходят такие исторические провинции, как Годжам, Тиграй и Бегемдер со своим этническим составом, в противоположность «чистокровным» амхара из Гондара и его области и северно-эфиопских тиграйцев, традиционно рассматривавшихся как потомки коренного населения великого Аксумского царства и имевших большой вес в государстве. В этих провинциях концентрировались материальные ресурсы, вооруженные силы, там же строились новые города.

[13] Данный термин обозначает форму владения землей в Эфиопии, при котором земельные наделы предоставлялись за службу, как правило ратную, как простым воинам, так и правителям целых областей, могли сдаваться в аренду и подлежади налогообложению.

рэст[14], как минимум с XIII-XIV вв. Само Эфиопское государство, за неимением других материальных источников, опиралось на доходы, получаемые от крестьян[15], зачастую натуральными продуктами. Стоит отметить, что средневековое эфиопское хозяйство было по преимуществу натуральным, по крайней мере, с конца XIII в., после династического переворота, приведшего к власти Соломонидов[16]. Землевладельческая элита была представлена высокопоставленными государственными деятелями или знатными особами, носившими разного рода титулы или занимавшими (зачастую исключительно номинально) различные государственные должности[17]. Царь Эфиопии исторически не был самостоятелен и любые свои действия совершал, опираясь на надежных людей, правителей на местах в различных областях страны[18]. Земля подлежала обложению налогами, и жители страны в этом смысле делились на тех, кто платит налоги и тех, кому они предназначаются. И хотя все жители Эфиопии, за исключением немногочисленных рабов, занятых в домашнем хозяйстве, имели статус свободных людей, они были обязаны выполнять предписания, касавшиеся налогообложения, кормить многочисленные войска царя, когда при проведении военного похода войскам случалось проходить через те или иные территории или, что еще хуже для крестьян, останавливаться на привал или на постой. Кроме того, из числа крестьян царская администрация могла набирать рекрутов в войско, не учитывая личные интересы и пожелания «призывников». Все это привело к тому, что уже как минимум с XVII в. «самостоятельность» и независимость крестьян в Эфиопии, прежде всего в

Тем не менее, к XIX в. *гульт* переходит в форму постоянного наследственного владения землей наравне с *рэстом* (см. ниже примеч. 14). См. Crummey 2005. Эта форма землевладения была упразднена лишь в 1966 г. при Хайле Сэлласе I.

[14] Данный термин, обозначающий форму владения землей или, точнее, сам факт владения или наследования, произошел от геэзского глагола *вараса* (наследовать). См. Crummey 2010.

[15] Имеются в виду как земледельцы, так и скотоводы.

[16] Мы можем делать такого рода утверждения, по крайней мере, в силу того обстоятельства, что предшествующий период чрезвычайно скупо освещен в источниках.

[17] См. Гусарова 2014, а также **Экскурс 3**.

[18] Недаром царская титулатура именует эфиопского царя *нэгуса нагаст*, то есть «царь царей».

экономическом плане, была условной и носила по большей части номинальный характер.

Из вышесказанного можно заключить, что феодализм в Эфиопии *de facto* существовал, но несколько иной, нежели в Европе. Причем считать его недоразвитым по сравнению с европейским нет оснований. В связи с этим можно привести цитату из работы замечательного африканиста В. М. Мисюгина «Становление цивилизации. О вещах и представлениях», досконально изучившего этнографию Африканского континента и пути исторического развития населявших его народов. В этом труде автор делает меткие, лаконичные и порой поражающие оригинальностью выводы. В. М. Мисюгин так характеризует феодализм в Эфиопии: «Читателю исторических трудов, построенных на переводах и анализе эфиопских письменных памятников, но совершенно не касавшемуся африканской этнографии, средневековая Эфиопия представляется мало чем отличающейся от средневековой Европы, т.е. исполненной рыцарей-феодалов, воинов, попов и монахов, ремесленников и купцов, крестьян и рабов, эксплуатируемых высшими сословиями; страной с замками, городами, дорогой, с непрерывной враждой феодалов, с интригами придворной знати, с частым отпадением вассалов и их усмирением монархом («силою господа нашего Иисуса Христа» и т.п.), с церковными догматическими спорами и расколами, с нападениями соседей и с победоносными походами на них эфиопских христианских императоров («царя царей»). Но этнографические (и географические) материалы способны сильно изменить это представление... Не было в средневековой Эфиопии ни каменных церквей и соборов, ни, естественно, многолюдных городов вокруг них, ни крепостей или замков феодалов, да и сами феодалы вместе с монархом, если бы наш современник мог взглянуть на них в жизни, могли бы быть приняты им за кочевников-завоевателей, живущих в постоянном состоянии военных походов по стране...»[19].

---

[19] Мисюгин 1998, с. 103, 104.

Налоги поступали не напрямую в царскую казну, а через посредников в лице феодалов на местах. Эти последние, прекрасно сознавая невозможность четкого контроля со стороны центральной власти, неплохо обогащались сами, стараясь сэкономить на царской казне и скрыть доходы (что не являлось редкостью и в других странах во все времена). Это, в свою очередь привело к возвышению феодалов, скопивших достаточно крупные состояния. Владение материальными средствами открывало возможность приобретения оружия, в том числе огнестрельного, которое покупалось изначально у арабо-мусульманских купцов, а затем и у европейских держав. Владение огнестрельным оружием давало многочисленные преимущества, в провинциях организовывались собственные локальные войска, а зачастую и армии. В благополучные времена в случае необходимости цари использовали такие образования на пользу государству, созывая местных феодалов с их отрядами для участия в военных походах. Но к середине XVIII в. ситуация эта фактически «перевернулась», и уже местные, наиболее влиятельные, феодалы стали использовать номинальную царскую власть для достижения своих личных целей и удовлетворения своих постоянно возраставших амбиций. Данному явлению суждено было стать основной предпосылкой наступления новой эры в истории Эфиопии, отмеченной не виданной прежде феодальной раздробленностью, называемой в литературе на языке геэз *Замана Масафэнт* «Эпохой судей».

Царская власть в Эфиопии, даже в этот смутный период ее истории, несомненно, опиралась на армию. В течении *Замана Масафэнт*, как и ранее, царь традиционно, в случае необходимости, созывал войско из различных лояльных ему областей страны. Он, как и прежде, по меньшей мере, со времен прихода к власти династии Соломонидов, опирался на так называемых *чева (чава, цева) лиджоч*, своеобразное сословие внутри эфиопского общества, обладавшее некоторыми чертами этноса (например, своим языком – амхарским), но при этом формировавшееся из представителей различных этносов, населявших Африканский Рог.

Этимология этого термина не совсем ясна[20], но уже с 1270 г. так стали называться царские войска, которые селились в разных областях страны, преимущественно на границах государства[21], и при необходимости выходили биться на стороне царя. Несмотря на то, что они говорили на амхарском языке и, вероятнее всего, были этнические амхара[22], сам этноним «амхара» в источниках к ним не применялся. «Амхара» в средние века использовался исключительно в качестве топонима[23]. Внутри этого сословия отмечена высокая социальная мобильность, а какая-либо наследственная феодальная иерархия в нем, судя по всему, напрочь отсутствовала.

После правления царя Василида (1632–1667), восстановившего институт царской тюрьмы, которая теперь располагалась на столовой горе (*амбе*) Вахни (Чернецов 1990, с. 193)[24], все представители династии Соломонидов мужского пола изолировались от окружающего мира и помещались на эту

---

[20] В современном амхарском языке так называют людей, выделяющихся физическими и умственными способностями. Также этот термин связан с понятием свободного человека, при противопоставлении его несвободным, рабам. Обычно люди этого сословия были неграмотны, что было естественным для эфиопского общества, в котором грамоте обучались исключительно будущие священнослужители, а основное население Эфиопии не владело ни чтением, ни письмом. Благодаря этому у выражения *чева лиджоч*, или просто *чева*, появилась новая смысловая нагрузка, а именно, так стали называть людей неграмотных и людей, не принадлежащих к духовному сословию.

[21] Распределение войска по различным областям страны вдали от столицы было обусловлено не только вопросом безопасности, но и экономическим фактором. Царское войско традиционно содержалось за счет местного населения той области, в которой оно вставало на постой. Поэтому удаление зачастую достаточно многочисленного войска от центра государства предотвращало излишний расход средств и натурального продукта, взымаемого с крестьян, и так обнищавших под гнетом податей местным феодалам и царскому двору. См. о *чева лиджоч*: Crummey 2003.

[22] Этноним амхара для определения одной из этнических составляющих Эфиопии стал использоваться лишь в последней четверти XX в. Ранее он применялся к людям не в смысле этнической принадлежности, а для обозначения амхароязычного населения, христиан, людей знатного происхождения, или, ранее, жителей областей Годжама, Гондара и Манзе. Вопрос происхождения и эволюции данного этнонима имеет сравнительно долгую историю изучения среди отечественных и иностранных исследователей. В качестве кратких очерков, обобщающих историю изучения этого вопроса, см.: Chernetsov 1993 и Levine 2003.

[23] В хронике Такла Гиоргиса, например, «Амхара» засвидетельствован лишь как топоним, для указания в первую очередь на то, что тот или иной деятель происходит из провинции Амхара, или для пояснений географического характера (как, например, «вернуться из Амхары» или «встать лагерем в Амхаре»).

[24] Находится в 50 км к юго-востоку от Гондара. О локализациии этой столовой горы (*амбы*) см. **Экскурс 2**.

гору. В случае необходимости влиятельные государственные деятели поднимались на Вахни и, по собственному выбору, обусловленному как интересами страны, так и их собственными предпочтениями, спускали с нее того или иного претендента на престол. Если до начала периода политической раздробленности нового царя выбирали в связи с кончиной действующего монарха, то теперь паломничество на *амбу* стало частым занятием местных феодалов, которые то и дело избирали того или иного удобного претендента на престол, руководствуясь собственной выгодой.

На фоне марионеточных царей этой эпохи заметно выделяется фигура царя Такла Гиоргиса I, амбициозного правителя, пытавшегося, вопреки обстоятельствам, сохранить единство вверенного ему царства[25]. И хотя в большинстве случаев его усилия остались тщетными, незаурядная личность этого монарха и драматические обстоятельства его царствований достойны внимательного изучения.

Тем не менее, не стоит полагать, что в это смутное для Эфиопии время страна полностью погрузилась во тьму и невежество, не имея ни реальной центральной власти, ни политического и экономического курса. Такое мнение, вероятнее всего, сложилось позднее, в ходе заключительной фазы периода феодальной раздробленности, когда Феодор II использовал в своей политике по объединению разрозненной Эфиопии патриотические чувства эфиопов. Он подчеркивал важность легитимности главы государства, вынося, таким образом, на первый план значимость богоизбранной династии Соломонидов и противопоставляя этому хаос, царивший в стране в то время, когда ею с переменным успехом пытались управлять различные крупные феодалы. Говоря о царствовании Такла Гиоргиса I, стоит отметить что, несмотря на беспорядок в стране, в ней продолжали строиться церкви, в том числе по воле царя. Церковь продолжала жить своей жизнью, а ее

[25] В этой перспективе не кажется удивительным тот факт, что его шесть раз свергали и возводили на престол, так что периодами его правления считаются июль 1779 – февраль 1784, апрель 1788 – июль 1789, январь 1794 – апрель 1795, декабрь 1795 – май 1796, январь 1798 – май 1799, март – июнь 1800 гг.

выдающиеся деятели активно участвовали в жизни государства. Не прекращала развиваться и культура, которая традиционно существовала независимо от светского правительства, будучи тесно связанной с Церковью. Несмотря на то, что былой рассвет культурной жизни и искусств в Эфиопии, наблюдавшийся в ранний гондарский период, когда вокруг новой столицы государства сложились разного рода ремесленные и образовательные центры и монархи могли себе позволить выписывать мастеров из Европы, подошел к концу, в стране продолжали действовать монастырские школы, создавались и переписывались рукописи, зачастую украшенные рукой талантливых художников, в церквях расписывались алтари, писались иконы и пр. Этот факт также подтверждается дошедшими до наших дней рукописями, содержащими колофоны, в которых указано (или из которых становится ясно), что они были переписаны в этот период[26], и владельческие приписки, в которых (в частности в качестве владельца или донора) рукописи упоминается, например, царь Такла Гиоргис[27]. Таким образом, некорректно было бы говорить об упадке культуры в целом, скорее, она видоизменилась и начала развиваться несколько в иных направлениях. В это время, кроме прочего, была создана компиляция хроник царей Эфиопии, получившая название «Сборник Хайлу», составленная по повелению просвещенного и влиятельного феодала, *раса* Хайлу Эшате, о котором будет говориться далее.

Кроме того, «Эпоха судей», явившаяся тяжким испытанием для христианской Эфиопии, временно отвлекла внимание ее монархов от проблемы мусульманских образований (султанатов) на юго-востоке страны, с которыми традиционно вели активную борьбу эфиопские цари, начиная с

---

[26] Например, книги религиозного содержания, представленные в электронном ресурсе Digital Oriental Manuscript Library: MSM-001 (монастырь Манабайти Дабра Сион Кэддэст Марйам, Тиграй, Эфиопия), л. 160об.; MKL-005, (монастырь Лакай Кидана Мэхрат, Тиграй, Эфиопия) колофон на л. 103об.; BnF. Eth. 36, л. 43, 66об., 72об. и т.д.

[27] Например, в приписке к рукописи, содержащей житие Такла Хайманота: Digital Oriental Manuscript Library: DZ-019, из монастыря Дабра Зайт Кэддэст Марьям на л. 3 и 74 упоминается Такла Гиоргис, а также в рукописи содержащей текст Синаксаря: Digital Oriental Manuscript Library: DD-017 на л. 183об. мы встречаем формулировку «наш царь Такла Гиоргис».

Амда Сиона (1314-1344). Это вынужденное перемирие позволило исламским государствам на Африканском Роге развиться и реализовать экспансию, как территориальную, так и религиозную[28].

Феодальная система в Эфиопии сохранялась вплоть до конца 40-х гг. XX в., в частности благодаря тому обстоятельству, что сама структура эфиопского общества не претерпела существенных изменений в период с начала XIX до первой половины XX в. Таким образом, лишь к середине прошлого столетия, в основном благодаря усилиям Хайле Сэлласе I, в Эфиопии удалось практически полностью покончить с реалиями феодальной системы и заложить основу будущего централизованного современного государства, соответствующего европейским аналогам нашего времени[29].

Данный экономический базис способствует центробежным тенденциям в политической жизни. Однако почему-то именно в конце XVIII в. Эфиопия вступила в период не виданной прежде феодальной раздробленности. По всей видимости, значительную (если не решающую) роль здесь сыграл так называемый субъективный фактор, связанный с ролью личности в истории. Судьба такой формы государственного устройства, как монархия, зависит от него чрезвычайно сильно. Так, две страны Магриба, находившиеся вплоть до середины 50-х гг. XX в. под протекторатом Франции, Тунис и Марокко, представляли собой монархические государства (бейлик и султанат соответственно), но в первой из них монархия была бескровно ликвидирована в 1957 г., а во второй сохраняется до сих пор и пользуется огромным авторитетом у подданных. Дело в том, что султан Марокко Мухаммад V (1927–1961), мужественный человек и талантливый политик,

---

[28] Abir 1968.

[29] Именно при Хайле Сэлласе I страна перешла от экономической системы, основанной на натуральном продукте, к развитому денежному обороту и сбору налогов посредством наличного расчета. Также в борьбе с местными вельможами и бывшими феодалами большую роль сыграл развитый бюрократический аппарат, оказавшийся полным новшеством для Эфиопии.

стал подлинным знаменем борьбы марокканцев за независимость[30], а последний наследственный правитель Туниса Ламин-бей (1943–1957) оказался абсолютно бесцветной личностью[31]. В Эфиопии упадок Гондарской династии, не имевший под собой столь ярко выраженной, как в вышеупомянутых случаях, экономической подоплеки и иностранного вмешательства, был во многом предопределен невиданным в истории этой страны преступлением, а именно расстрелом отрекшегося от престола Иясу I Великого (1682-1706)[32] по наущению его старшего сына Такла Хайманота I в 1706 г. Дело в том, что одна из наложниц царя, Малакотавит, опасалась, что ее сын Такла Хайманот будет отстранен от власти, а сыновья Иясу I от других наложниц смогут в будущем занять эфиопский престол (чему суждено было сбыться). Весной 1705 г. здоровье Иясу I ухудшилось, и он был вынужден покинуть Гондар и оставить вместо себя сына Такла Хайманота. Тогда же упокоилась Кэддэста Крэстос, одна из любимых наложниц Иясу I, и царь поехал на остров Антония на озере Тана оплакивать ее смерть. Воспользовавшись обстоятельствами, Малакотавит в феврале 1706 г. организовала государственный переворот и с помощью влиятельных придворных возвела на трон своего сына, который вынудил отца отречься от престола. Однако Иясу I категорически отказался отправиться на гору Вахни, оставшись на острове Чыкла-Мэнзо на озере Тана. Тогда при дворе было принято решение убить отрекшегося царя, исполнить которое взялись брат Малакотавит Павел и его сообщник Дэрмэн. Они прибыли на остров, застрелили отрекшегося монарха и попытались сжечь его тело.

Так начался период нестабильности в политической жизни страны, который можно охарактеризовать как затяжную смуту[33]. Дальнейшие

---

[30] См. об организованном французами государственном перевороте в Марокко при султане Мухаммаде бен Юсефе (Мухаммаде V): Луцкая 1973, с. 296-329; Сергеев 2001, с. 122-156.

[31] О правившей в Тунисе династии Хусейнидов и об этом бее см.: Видясова 2005, I, 1, с. 294–298; I, 2, с. 377–379.

[32] См. о нем: Bosc-Tiessé 2007.

[33] См. Bosc-Tiessé 2007, p. 250.

события развивались следующим образом: убийство из мести Такла Хайманота I, правление откровенно слабых Феофила (1708–1711) и Давида III (1716–1721), между которыми вклинился узурпатор Юст (1711-1716)[34], даже не пытавшийся приписать себе фиктивное родство с Соломоновой династией. Во время некоторого усиления царской власти при Бакаффе (1721–1730), которого принято называть последним самостоятельным монархом из числа гондарских царей, в Эфиопии еще сохранялась экономическая стабильность и даже процветание. Это был второй период рассвета культуры в Гондаре (первый пришелся на время после его основания, когда новая столица стала центром учености, ремесел и искусств)[35]. Известно, что царь Бакаффа выписывал из Европы высококвалифицированных ремесленников. 25 лет, следующие за его воцарением, были годами династической стабильности, обусловленной тем, что, поставленный на трон представителями царской стражи, он поспешил отстранить их от двора и, таким образом, взял реальную власть в свои руки. Последовало правление Иясу II «Малого» (1730–1755)[36], находившегося всецело под влиянием своей матери Ментевваб и ее сородичей из кварской этнической группировки. Оно окончательно подорвало и без того упавший авторитет Гондарской монархии. Во время его правления в Гондаре и окрестностях появился некий текст на большом листе пергамена (но не на свитке!) с сатирическим рассказом (пародийной хроникой) о его военных

---

[34] В краткой хронике вопрос о «несоломонидстве» Юста вообще обходится молчанием, впрочем, весьма красноречивым (см. Ṭānāsee 106 (Dombrowski) 1983, fol. 34vb.12-36vb.18 (эфиопский текст); s. 259-263 (немецкий пер.)). См. о нем также: Crummey 2014.

[35] Былое величие Гондара можно наблюдать и сегодня по монументальному дворцовому комплексу, большинство каменных замков в котором достаточно хорошо сохранилось до наших дней. В Эфиопии существует всего несколько городов, заслуживающих внимания с исторической и архитектурной точки зрения. Среди них центральное место занимают Аксум, где некогда находился возведенный сразу после христианизации страны храм Богоматери Сионской и где до сих пор, по преданию, хранится ветхозаветный Ковчег Завета, Лалибэла и Гондар. Остальные города возникли гораздо позже и представляют интерес, прежде всего, как места, где разворачивались важнейшие исторические события (например, Адва). См. Merid Wolde Aregay 1989.

[36] См. о нем: Chernetsov, Nosnitsin 2007, а также генеалогию царей Гондарской династии в **Таблице** в конце работы.

походах. Судя по приведенным в нем топонимам, получалось, что Иясу II ходил военным походом только по территориям вблизи столицы, что вызывало смех у придворных и местного населения[37].

Для *чева лиджоч* были очень важны военные походы царя, особенно дальние, т.к. они приносили военную добычу[38]. А Иясу II, как уже было сказано выше, в походы практически не ходил, не считая «небольших и недалеких походов на кочевников балау, живших на границе с Сеннаром» в начале 40-х гг. XVIII в. Вот *чева лиджоч* и стали идти на службу не к бессильному монарху, а к могущественным местным лидерам типа вышеупомянутого Михаила Сэхуля. Таким образом, падение авторитета Гондарской монархии предопределило ослабление центральной власти и привело к феодальной раздробленности, а не наоборот.

Подобный подход расходится с экономическим детерминизмом на протяжении более полувека фактически господствовавшим в нашей исторической науке. Конечно, экономические факторы могут играть важную, подчас определяющую роль в истории. Так, закат Аксумского царства был предопределен резким сокращением объема красноморской транзитной торговли из-за падения спроса на благовония в Средиземноморье в результате гибели античной цивилизации и разрыва коммерческих связей из-за сасанидской экспансии в регионе, а затем великих арабских завоеваний[39]. Но такого рода четкая причинно-следственная связь выявляется далеко не во всех случаях. Нередко причины упадка и даже гибели государств прямо с экономикой не связаны. Нет сомнений в том, что господство натурального хозяйства сделало возможным распад Эфиопского христианского

---

[37] См. Bruce 1791, p. 745. Ср. Чернецов 1991б, с. 306. См. также: Чернецов 1991б, с. 306

[38] В подтверждение этому см. начало главы о походах Такла Гиоргиса против племен оромо. Телохранители высокопоставленных церковных деятелей причитали следующим образом: «Какая польза (прибыль) от службы телохранителем при священниках, ибо мы не ходим в военные походы, как телохранители военных людей два раза в год» (Orient. 821, л. 465об., стлб. 1, стк. 16-24; Eth. 143, л. 298об., стлб 2, стк. 8-11).

[39] См. об этом, например: Munro-Hay 1991, p. 93, 194–195, 260.

государства в «Эпоху судей», но отнюдь не оно стало тем решающим фактором, который вверг страну в состояние политической раздробленности.

2. ***Воцарение Такла Гиоргиса I***

Правление царя Такла Гиоргиса I распадается на шесть отдельных периодов[40] – случай в мировой истории уникальный. Тем не менее, для Эфиопии это не было исключительной ситуацией. Достаточно вспомнить царя Наода, который был поставлен на престол в ноябре 1478 г., по смерти его отца Баэда Марьяма, в то время как его старший брат Александр ушел в военный поход. По его возвращении Наода свергли, и воцарился Александр. После неожиданной смерти последнего в мае 1494 г. влиятельные вельможи воцарили не его сына, как следовало бы согласно принципу престолонаследия, а вновь его младшего брата Наода. По прибытии военачальника Амдо, Наод был смещен и на его место поставлен сын Александра Амда Сион II, который был еще младенцем и через семь месяцев умер. Только тогда с третьей попытки на трон Эфиопии взошел Наод и на этот раз царствовал 16 лет[41].

Это указывает на то, что царствование Такла Гиоргиса I оказалось весьма неспокойным, как и ситуация в стране в целом. Такла Гиоргису I было суждено попытаться найти решение нелегкой задачи по управлению страной накануне периода ее наибольшей политической раздробленности, когда влиятельные феодалы пытались брать бразды правления в свои руки, выдвигая на престол то одного, то другого представителя Гондарской династии, и вели между собой открытую борьбу, часто сопровождавшуюся кровопролитными битвами, чем вводили Эфиопию в смуту и раздор. Это

---

[40] См. выше примеч. 25.

[41] Подробности восхождений на престол Эфиопии царя Наода описаны не столько в официальной историографии, которой свойственно было приукрашивать события, сколько в монастырской традиции, в рамках которой составлялись так называемые «краткие хроники». См. об этом: Чернецов 1982, с. 152-153, 158-159, 162-163.

видно и из официальной хронологии царствований[42], хорошо представленной в одном из приложений к работе Г. Велда Бланделла[43]. В данной главе нами будет рассмотрена хроника первого периода правления Такла Гиоргиса I, самого продолжительного и насыщенного событиями, представляющая наибольший интерес с точки зрения ее формы и содержания[44]. Он охватывает четыре года и восемь месяцев, с июля 1779 по февраль 1784 гг. Этот период правления оказался довольно продолжительным для начавшейся в 1769 г. «Эпохи судей»[45].

Такла Гиоргис I являлся сыном царя Эфиопии Иоанна II (10 мая – 15 октября 1769)[46] и внуком Иясу I Великого. Иоанн II вступил на престол, когда ему было уже около 72 лет и, следовательно, Такла Гиоргис был одним из его последних, младших детей. Этим может объясняться и особенная любовь к сыну, о которой говорит историограф *алака* Габру. Непосредственными предшественниками Такла Гиоргиса на троне были Иоас I (1755–1769)[47], Иоанн II, Такла Хайманот II (1769–1777)[48], старший

---

[42] Эта хронология не может быть безупречно точной, так как на протяжении «Эпохи судей» поочередно (а иногда и одновременно) правило до 23 монархов, если не больше. По этому поводу можно привести цитату из хроники, описывающую период, непосредственно следующий за окончанием правления Такла Гиоргиса I, датируемый 1801 г.: «*Аце* Иона был в земле Ласта, *аце* Соломон в Тигрэ, *аце* Баэда Марьям в Сэмен, все – чада царей, рассеянные, как пыль пред лицом ветра» (Orient 821, л. 579, стлб. 1, стк. 21 – стлб. 2, стк. 3; Eth. 143, л. 361об., стлб. 2, стк. 3-7). Речь идет, в частности, о Соломоне II и Баэда Марьяме II (см. **Таблицу** в конце работы).

С целью обеспечения порядка в престолонаследии в Эфиопии существовал институт царской тюрьмы (см. подробнее начало **Экскурса 2**).

[43] Chronicle (Blundell) 1922, p. 509–510 (Appendix D). При небрежной передаче текста, изобилующей опечатками, и неточном, а зачастую просто неверном, переводе, эта работа ценна своими приложениями, которые заслуживают особого внимания.

[44] См. о ней подробнее: **Экскурс 1**.

[45] См. выше примеч. 1. Есть точка зрения, что она началась еще раньше в 1762 г.

[46] Иоанн II был возведен на трон в весьма преклонном возрасте после гибели Иоаса I. Всего через 5 месяцев, 18 октября, новый монарх был убит, став очередной жертвой этого всесильного временщика. Кроме того, его право на власть остается предметом дискуссий, так как к моменту его воцарения у него не было одной руки (отрубленной по приказу его брата Бакаффы). Как известно, человек, имеющий столь серьезный физический дефект, не мог претендовать на царский трон в традиционных монархиях (см. об этом: Tekle-Tsadik Mekouria 1989, p. 197).

[47] Тронное имя Адьям Сагад. См. о нем: Natsoulas, Nosnitsin 2007.

[48] Тронное имя Тэбаб Сагад, старший сын Иоанна II и Абала Марйам и отец Соломона I.

брат Такла Гиоргиса, и Соломон I[49] (1777–1779)[50]. Кроме того на непродолжительный период времени на трон возводился *аце* Сисиний, сын Иясу II. После этого на трон взошел Такла Гиоргис I, известный также под прозвищем *Фэццаме мангэст* («тот, кто заканчивает/завершает царствование»[51]).

Такла Гиоргис I стал последним монархом, которому удалось удержать в своих руках, пусть ненадолго, реальную власть в стране. После его последнего низложения так называемая «Эпоха судей» в полной мере вступила в права, и в Эфиопии началось наиболее смутное время на протяжении всей ее истории.

Весьма знаменательно, что в зачине хроники царствования Такла Гиоргиса этот монарх сравнивается с Александром Македонским, а также отождествляется с Феодором, мессианским правителем, упоминаемым в эфиопской апокалиптической литературе[52]. Здесь четко проявилась милленаристская идея, согласно которой праведный царь явится на землю в Судный День и в мире наступит период справедливого царствия. Автор хроники явно стремился внушить читателю, что на эту роль может

---

[49] Иногда в научной литературе обозначается как Соломон II, если учитывать тот факт, что Соломоном I считался Соломон, царь Израиля, к которому возводит свой род династия Соломонидов в Эфиопии. Кроме того, Соломоном I иногда именуют второго представителя этой династии Ягбиа Сиона (Йагбэ'а Цэйон) (см. Crummey 2010a), а в династии Загвеев некоторые монархи также носили имя Соломона. Об этом говорит, кроме прочего, приписка к так называемому «Золотому Евангелию» из Дабра Либаноса, в которой упоминается правящий царь Соломон (Derat 2010, p. 25). Поэтому мы считаем некорректным называть этого правителя Соломоном II и при нумерации эфиопских монархов будем принимать во внимание только царей из династии Соломонидов, носивших одинаковые имена.

[50] Сын *абето* Адиго и внук Иясу II (о его родственных связях см. http://www.cyclopaedia.fr/wiki/Salomon_II ; обращение 18.09.2014 г. в 11.10). Он был поставлен на трон вместо Такла Хайманота II руками влиятельных деятелей Эфиопии того времени, а именно *раса* Хайлу Йоседека из Годжама, *деджазмача* Хайлу Эшате, Кэнфу Аддама и Ванда Бавасана из Бегемдера. Этот последний, представитель народа оромо и их предводитель, в свое время, наравне с другими влиятельными людьми в Эфиопии, помешал Михаилу Сэхулю взять под свой контроль обширные земли Бегемдера, выставив своих воинов против гондарских властей.

[51] См. Текле-Цадык Мекурия 1960, с. 382-383.

[52] Речь идет, прежде всего, о сочинении *Фэккаре Ийасус* («Разъяснение Иисуса»), изданном с переводом на русский язык и комментарием в: Вайнберг 1907.

претендовать в соответствии со своими добродетелями, Такла Гиоргис, и, если отбросить преувеличения и стилистические украшения, столь характерные для эфиопской историографии, во многом оказался прав. Со временем имя самого этого царя стало символом борьбы за единство Эфиопии: не случайно наместник Ласты Гобазе[53], попытавшийся подхватить эстафету объединения страны после гибели Феодора II в 1868 г., принял тронное имя Такла Гиоргис II.

Перед тем, как к Такла Гиоргису I обратились, чтобы возвести его на престол Эфиопии вместо его брата, Такла Хайманота II, марионеточного царя, полностью находившегося в руках влиятельного раса Михаила Сэхуля, он, как подобало всем членам царской семьи мужского рода, находился в заточении на *амбе* Вахни[54]. *Алака* Габру сообщает, что там будущему монарху не давали вдосталь пить и есть. Связано это было с желанием Кэнфу Аддама, влиятельного человека в стране[55], назначенного правителем Дамота еще царем Соломоном I, сделать Такла Гиоргиса своим ставленником на троне, на что Такла Гиоргис, по-видимому, не соглашался. Причины этому могли быть разные. Во-первых, в случае провала планов заговорщиков он рисковал жизнью, кроме того, ему, вероятно, совсем не хотелось соперничать с собственным братом, занимавшим в это время престол Эфиопии, да и перспектива быть номинальным царем во власти влиятельных вельмож не казалась ему привлекательной и не сулила ему ничего хорошего. Судя по тексту хроники, чтобы заставить его принять это предложение, морили голодом не только его, но и его родичей, угрожали убить или пытать их. В этом безвыходном положении, будучи человеком набожным и добродетельным, Такла Гиоргис приносит себя в жертву ради остальных членов семьи, которые, по мнению заговорщиков, по той или иной причине не подходили на роль царя Эфиопии. Приняв выдвинутые ему условия, он, еще в совсем юном возрасте, спускается с Вахни, но вскоре возвращается

[53] См. о нем: Sohier 2010.
[54] См. **Экскурс 2**.
[55] См. о нем подробнее: Sokolinskaya 2007.

туда по воле Такла Хайманота II, которому удалось удержать власть благодаря поддержке вступивших между собой в союз трех влиятельных феодалов Фасила, Гошу и Хайлу Эшате после того, как в 1772 г. Михаил Сэхуль утратил всякое влияние[56]. С этого момента Такла Гиоргис пребывал в страхе перед возможной расправой. Как известно, традиционно царем становился человек, не имевший физических дефектов. Поэтому устранить соперника можно было просто нанеся ему увечья, несовместимые с возможностью претендовать на царский престол[57].

Итак, в 1777 г. Такла Хайманот II под натиском таких влиятельных особ того времени, как Хайлу Эшате и *рас* Хайлу Йоседек, которые подступили со своими войсками к Гондару, сдался и отрекся от престола, уединившись в одном из монастырей Вальдеббы. В этом же году *деджазмач* Ванд Бавасан, известный своими мятежами, предпринимал попытку свести с Вахни и воцарить Такла Гиоргиса. Замысел этот не увенчался успехом, а 2 тахсаса (9 декабря 1777 г.) *деджазмач* Ванд Бавасан погиб, упав с лошади. Сразу после его смерти *азаж* Йе-Селласе Барья предпринял новую попытку воцарения Такла Гиоргиса и вновь свел его с Вахни. На этот раз Такла Гиоргису пришлось отступить под натиском царя Соломона I и собравшихся к нему на подмогу сановников и бежать в область Тигрэ. Через полгода, в месяце сане (6 июня-5 июля 1778 г.), собрав значительное войско, Такла Гиоргис вернулся из Тигрэ. Судя по всему, у него было много сторонников, ибо к нему примкнуло немало людей из Гондара. Царствующий на тот момент Соломон I, не был готов дать отпор сопернику, в страхе покинул столицу и позволил Такла Гиоргису беспрепятственно войти в город. Через некоторое время из различных областей собрались военачальники и сановники, поддерживавшие царя Соломона I. Тогда он пошел на Гондар, и между ним и Такла Гиоргисом состоялась кровопролитная битва. В результате силы Такла Гиоргиса были разбиты, а сам он схвачен и отправлен обратно на Вахни.

---

[56] См. Crummey 2010b, p. 835–836.

[57] В таких случаях превентивными мерами было ослепление или отрубание одной или двух рук или ног.

Сильно пострадал Гондар, многие постройки были разорены и разграблены. В это время страна погрузилась в нечто похожее на гражданскую войну. Среди соперников были такие деятели, как Валда Сэлласе, Кэнфу Аддам и *рас* Хайлу. В решающей битве сошлись *рас* Хайлу и Кэнфу Аддам. Хайлу потерпел поражение, царь Соломон I был схвачен, и образ *Кур'ата Рэ'эсу*[58], который будет неоднократно упоминаться в хронике Такла Гиоргиса, достался мятежникам. Государство погрузилось в смуту. Мятежники то воевали, то мирились друг с другом. В борьбу за власть вступил и Гадлу. Тогда, с неясной нам целью, царь Соломон I, находящийся во власти Кэнфу Аддама, приказал спустить Такла Гиоргиса с Вахни. Этот последний выход Такла Гиоргиса из царской тюрьмы стал отправным моментом его восшествия на престол.

В месяце сане 1771 г. милости (6 июня – 5 июля 1779 г.), на второй год правления царя Соломона I, Кэнфу Аддам вновь поднялся на Вахни в сопровождении большого количества князей и других деятелей. По всей видимости, он в очередной раз пытался воздействовать на Такла Гиоргиса I голодом, жаждой и угрозами, пока последний не согласился сойти с Вахни. Хронист сообщает, что замыслы Кэнфу Аддама были коварными, но «Господь поменял эти замыслы и сотворил радость подобно тому, как поменял он книгу смерти Бахрана рукой архангела Михаила[59], чтобы сделать ее книгой жизни и радости»[60]. Затем он привел Такла Гиоргиса I и царя Соломона I в землю Дамот, где его брат Адара Хайлу был правителем с титулом *деджазмач*. Хронист умалчивает о том, что именно происходило с Такла Гиоргисом в это время. Месяц спустя в землях меча[61] и в Дамоте

---

[58] Образ Христа в терновом венце. См. о нем подробнее: Cerulli 1947; Chojnacki 1985; Balicka-Witakowska 2007.

[59] Ссылка на Бахрана, героя одного из коптских преданий о чудесах, совершенных архангелом Михаилом ради тех верующих, которые сугубо почитали его, здесь не случайна: как известно, 12 числа каждого месяца в Эфиопии отмечается праздник этого архангела и именно к 12 сане приурочена память о чуде, совершенном им для Бахрана (см., например: Французов 2008а, с. 195).

[60] Orient 821, л. 447, стлб. 1, стк. 5-14; Eth. 143, л. 288об., стлб. 2, стк. 11-15.

[61] Одна из этнических групп (племен) народа оромо.

поднялось народное волнение. Если судить по словам царского историографа, то по божественному проведению люди заявили, что не станут подчиняться и платить налоги, если Такла Гиоргис не взойдет на трон. В таких обстоятельствах, под влиянием этого восстания, Кэнфу Аддам отдает власть в руки Такла Гиоргиса. Произошло это 12 числа месяца хамле 1771 г. милости (17 июля 1779 г.) в военном лагере Йабаба, который временами служил резиденцией эфиопских монархов в сухой сезон, так как он стратегически выгодно располагался на пути из Гондара в земли к югу от реки Аббай (популярном в отношении военных походов направлении)[62]. На этот день пришлось поминовение архангела Михаила, и весть о новом царе разошлась от границы до границы государства и повсеместно вызывала радость, которая была обусловлена тем, что Такла Гиоргис был знаком людям, многие из них знали его с детства с хорошей стороны и видели, как он рос[63]. Людям стало бы спокойнее, если бы на троне оказался добродетельный человек, от которого они знали, чего ожидать. Отец Такла Гиоргиса I, по сведениям хрониста, больше любил его, чем своего старшего сына, находившегося у власти. Именно это послужило причиной того, что Такла Гиоргис I взошел на престол под тронным именем Фэкр Сагад («Любовь поклонилась»).

Царствование Такла Гиоргиса началось с того, что он отправился в район Такусса, расположенный к западу от озера Тана[64], для устройства дел. Там он провел шесть месяцев, не имея возможности войти в Гондар, столицу и царскую резиденцию. Причиной тому был Кэнфу Аддам, который, не

---

[62] Видимо, по причине того, что в лагере Йабаба нередко устраивались диспуты между сторонниками «соединения» и «помазания» в Эфиопской Церкви, проходившие с участием монахов и других религиозных деятелей, С. Б. Чернецов ошибочно называет Йабаба монастырем (Чернецов 1990, с. 211).

[63] Этот факт, изложенный царским историографом в данной хронике, кажется нам сомнительным, так как царские сыновья, традиционно жившие на столовой горе, вряд ли могли быть хорошо знакомыми народу. Возможно, хронист подобным риторическим приемом пытался подтвердить легитимность появления данной кандидатуры на троне и восславить малознакомого своим подданным Такла Гиоргиса I.

[64] Об этом районе, простирающемся от горы Абраччочч на севере до горы Ганди на юге, и его точных границах см.: Tsega Endalew Etefa, Gascon 2010; EAE, 4, p. 855 (карта), – а также карту 2 к диссертации.

решался провести церемонию возведения на трон, всячески препятствуя ей. Вхождение члена царской семьи в Гондар, столицу государства, означало бы его воцарение. Такое событие сопровождалось массовым ликованием и торжественными обрядами, как среди жителей города, так и среди придворных и высокопоставленных церковных деятелей. Кроме того, номинально в это время в стране существовал другой царь, а именно Соломон I, и предложение поставить нового царя могло бы обострить отношения Кэнфу Аддама с другими высокопоставленными деятелями, сторонниками Соломона. В такой ситуации нужно было быть готовым к вооруженному конфликту и потому взвесить все за и против.

В этот начальный период своего царствия Такла Гиоргис I не был самостоятельным правителем и полностью зависел от человека, поставившего его на трон, что было привычным делом на протяжении последних десятилетий. Первым его самостоятельным шагом было сооружение церкви в Йабаба, где он был объявлен царем Эфиопии, «дабы Господь ввел его в ставку отцов его и в чертог царствия его»[65]. Эта церковь, которая, несомненно, имела большое символическое значение для царя, была посвящена святым апостолам. Как многие из его предшественников, этот монарх старался снискать расположение Церкви в этом мире (и спасти свою душу в мире будущем), строя новые храмы и щедро одаривая уже существующие церкви и монастыри земельными наделами и ценными предметами культа[66]. Стоит отметить знаковую последовательность действий царя. В первую очередь он налаживает отношения с Церковью, а уже затем со знатными и влиятельными вельможами и феодалами. Хронист живо передает эмоциональный настрой царя, растроганного тем, что он смог войти во владения своих отцов в качестве монарха. В то время как Кэнфу Аддам

---

[65] Orient. 821, л. 447, стлб. 3, стк. 15–18; Eth. 143, л. 289, стлб. 1, стк. 8-10.

[66] Необходимо подчеркнуть, что сооружение храмов относилось к важнейшим аспектам деятельности эфиопских царей, укреплявших свой авторитет среди подданных. Достаточно вспомнить о возведении Атронса Марьям Баэда Марьямом I (1468–1478) и Тадбаба Марьям Клавдием (1540–1559) и о роли этих грандиозных церковных комплексов в истории страны (см. Чернецов 1982, с. 142–143, 243, 245–246; Чернецов 2001).

готовился проводить свою политическую линию, прикрываясь марионеточным царем, Такла Гиоргис, еще совсем юный, размышлял, как на деле взять бразды правления в свои руки и тем самым разрушить утвердившуюся в эпоху феодальной раздробленности порочную практику отстранения монархов от реальной власти.

Лишь 29 тахсаса 1772 г. (6 января 1780 г.), на Рождество Христово, Кэнфу Аддам позволил ему войти в столицу. Совпадение этого события с основным церковным праздником делает его символичным, свершившимся по божественному проведению, которое смягчило сердце жестокого вельможи. Жители города радостно встречали царя песнями и плясками на улицах (хотя описание этого торжественного события могло быть приукрашено автором хроники).

Через несколько дней, как и следовало ожидать, царь отправил своего предшественника на троне Соломона I вместе с женой и детьми на гору Вахни, с которой сам был низведен несколькими месяцами ранее. Этот жест избавлял его от излишней угрозы, так как потенциальные претенденты на престол Эфиопии обычно помещались подальше, в царскую тюрьму. Царь был человеком с доброй душей и вместо жестокой расправы из страха или зависти, он облачил их в парадные одежды и проводил на Вахни с большими почестями. Затем правители всех областей разошлись по своим землям, а *деджазмачу* Хайлу и его людям было оказано особое внимание, после чего они также покинули столицу.

Этой зимой Такла Гиоргис послал за *вейзаро*[67] Энкой Лул, которая приходилась сестрой *деджазмачу* Бакату из Бегемдера. А *деджазмач* Бакату был сыном покойного *деджазмача* Ванд Бавасана, который совершил первую попытку возведения на трон Такла Гиоргиса. Ей суждено было стать

[67] В современном амхарском языке это слово стало употребляться в значении «госпожа», изначально же данным титулом именовали всех женщин, имевщих отношение к царской семье, близких и дальних родственниц эфиопских царей.

царской наложницей[68]. Доподлинно не известно, был ли царь с ней венчан. Тем не менее, она находилась при вдовствующей царице во дворце в Гондаре и в дальнейшем историограф именует ее царевной наравне с другими особами женского пола, кровными родственницами царя. А в месяце хамле (6 июля – 4 августа 1780 г.) царь впервые провел церемонию назначения на государственные должности и смещения с них[69]. При этом Кэнфу Аддам, еще продолжавший в это время поддерживать дружеские отношения с новопоставленным царем, обратился к нему с просьбой назначить некого Цадалу на какую-нибудь достойную должность, т.к. последний получил в жены дочь Кэнфу. Царь вознаградил Кэнфу Аддама за то, что тот сделал для его воцарения и назначил Цадалу на должность *эккабета*[70], дав ему при этом почетный титул *баджеронда*[71] и облачив его в парадные одежды. Цадалу же впоследствии предал царя (рядовая ситуация для эпохи феодальной раздробленности). Он уже являлся управляющим внутренних покоев дворца и занимал должность *кантиба*, отвечая за распределение провизии. Получив желаемые назначения, он отправился к Кэнфу Аддаму, за ним последовали Асахель и его друг Мехрока, вступившие в сговор против монарха. Это обстоятельство стало началом продолжительной вражды между царем и поставившим его на трон Кэнфу Аддамом, которая затем вылилась в вооруженный конфликт.

---

[68] В Эфиопии у царей обычно, по политическим соображениям, было несколько жен и наложниц, за что их безуспешно порицала и осуждала Эфиопская Церковь. См. об этом, в частности, в начале **Экскурса 2**.

[69] О должностях, титулах и иерархии см. **Экскурс 3**.

[70] Стража, охрана. В данном случае – начальник стражи.

[71] Титул царского мажордома, который был ответственным за дворцовое хозяйство. См. Хроники (Чернецов) 1991, с. 323, а также **Экскурс 3**.

Глава 2

Борьба с мятежами и походы против оромо

1. *Попытки свержения Такла Гиоргиса I Кэнфу Аддамом: мятежи Цадалу и Гадлу*

Кэнфу к тому времени осознал, что он недооценил личность Такла Гиоргиса I и ошибся в выборе человека на изначально задуманную пассивную роль царя. Бурная реакция населения, сопровождавшая его восшествие на престол, также не входила в его планы. Тогда, чтобы открыто самому не вступать в политическую борьбу, он ввел еще одного участника в эту игру за власть и пообещал Цадалу все земли царского домена[72] в обмен на свержение только что собственноручно им поставленного монарха.

Несмотря на начавшийся сезон дождей, в январе 1781 г. Цадалу с собранными им воинами из племени меча[73] отправился в Алафа (местечко на побережье, к западу от озера Тана). Вопрос о свержении царя не терпел отлагательств. Убрать непокорного монарха нужно было как можно быстрее, пока он не собрался с силами и не завоевал доверия и сочувствия подданных. Именно поэтому Цадалу не остановил дождливый сезон, не случайно называемый в Эфиопии «сезоном непроходимых дорог».

Навстречу ему выступил *кэньазмач* Васан, сын сестры царя. Вооруженное столкновение произошло на второй год правления Такла Гиоргиса I. Войско Цадалу было разбито, а его церемониальные барабаны

---

[72] Земля в Эфиопском царстве находилась в распоряжении монарха: именно он предоставлял за службу наделы *гульт* и подтверждал право владения наследственными наделами *рэст*, а также одаривал земельными участками церкви и монастыри (см. выше примеч. 13, 14). При этом некоторая часть сельскохозяйственных угодий находилась в частной собственности царя, составляя его домен.

В соответствии с текстом хроники, в конце XVIII в. относящиеся к домену земли простирались до пересыхающей в засушливые сезоны реки Каха, подходящей к Гондару с северо-востока и впадающей в реку Мегеч (см. о ней: Chronicle (Blundell) 1922, p. 540; EAE, 1, p. 264; 2, p. 839 (карта), – а также карту 2 к диссертации). Следовательно, эти земли были сравнительно не велики по площади.

[73] См. выше примеч. 61.

(*нагарит*)[74] взяты в качестве трофеев и отосланы к царю. Спустя некоторое время царь отправился в Берахела, где и разбил свой военный лагерь. С этого момента начались военные походы Такла Гиоргиса, под знаком которых прошел весь первый период его царствования. Путь царского войска можно с достаточной точностью проследить по топонимам, по традиции скрупулезно перечисляемым историографом. Оно продвигалось по одной из дорог, ведущих на север. Двигаться по непроторенным путям было невозможно в условиях гористого ландшафта с реками, протекающими по глубоким ущельям. Воспоминания о трудностях передвижения по дорогам на севере Эфиопии, едва ли не полностью совпадающие с описаниями прохождения царского войска в эфиопских летописях, оставили многие европейские путешественники. Царское войско, наравне с регулярной армией и *чева лиджоч*, о которых речь шла выше, включала *зарафи*, то есть отряды так называемых «грабителей», которые не только воевали за царя, но и обеспечивали войско продовольствием и фуражом. Из столицы в царский лагерь доставляли лишь незначительную часть провизии, а основные средства пропитания нужно было добывать у местного населения (обязанность кормить царское войско во время военных походов была своего рода «налогом»), которое далеко не всегда было готово добровольно отдавать в поте лица добываемый хлеб. Царский историограф неоднократно описывает ситуации, когда царскому войску приходилось вступать в вооруженные столкновения с местным населением тех или иных деревень. Для этих целей в походы и брали отряды *зарафи*.

В Берахела Такла Гиоргис встретился с *деджазмачем* Бакату (с которым прежде он был в ссоре) и заключил с ним мир. Затем царь подобрал себе

---

[74] Барабаны в Эфиопии имели широкое распространение и использовались в церквях в качестве сакральных предметов культа, а также в ходе военных действий, когда они выполняли роль, сходную с той, которую в европейской традиции играет боевое знамя, и при различных официальных церемониях гражданского характера. По сути дела они служили символами власти, неотъемлемым атрибутом ряда должностей высшего звена государственной иерархии. Высокопоставленных чиновников и военачальников хоронили вместе с их барабанами. См. подробнее: Tse Kimberlin 2007.

опытных воинов, а именно Калу, Голджа и Габра Иясуса. После этого царь вернулся в Гондар, а *деджазмач* Бакату в свою землю, где он остался ждать вызова со стороны Такла Гиоргиса, чтобы идти в военный поход. Такла Гиоргис, как и многие влиятельные люди в государстве, не хотел, чтобы конфликт с Кэнфу разгорался сильнее. Однако усилия *азажа* Якова и *лика губаэ* Зена по примирению враждующих сторон оказались тщетными. Находясь в столице, Такла Гиоргис I назначил из числа выбранных им воинов Калу на должность *тэкакэн балатенгета*, Голджа *баламбарасом* и *йа-шалака* в земле Йаджу[75], а Габра Иясуса на должность *эккабета* с титулом *баджеронда*, которую совсем недавно царь пожаловал Цадалу, продемонстрировавшему свое вероломство, и *йа-шалака* земли Ласта. Так он сформировал основу государственного аппарата из близких, специально подобранных лиц.

Начавшийся военный поход царя отличался большой мобильностью войска. Каждый день хронист пишет о новом месте, в которое прибывает царское войско. Некоторые упомянутые хронистом топонимы, через которые проходил военный поход царя, расположены неподалеку от Гондара, другие, как, например, Йаджу, удалены от столицы на 350 и более километров и, учитывая горный ландшафт, могли быть достигнуты лишь после долгого и трудного пути. В ходе похода царь оказался приблизительно в 200 км от столицы по прямой в направлении на север. Тем не менее, если проследить его маршрут по населенным пунктам, расположенным вдоль торговых трасс, единственно возможных для передвижения в этой зоне, общая протяженность его марша составляла около 400 км в одну сторону.

Тем временем ряды Кэнфу пополнились еще одним могущественным мятежником, известным под именем Гадлу, который прибыл и осадил

---

[75] Исторический район на севере Волло, к востоку от озера Тана. Именно из Йаджу вышел клан, в этническом отношении представлявший собой смесь оромо и амхара, а в религиозном – христиан и мусульман, который стремился оказывать влияние на монархов, что явилось одним из факторов, вызвавших феодальную раздробленность.

Джанвару[76]. Узнав об этом, царь послал к нему глашатая с сообщением, чтобы тот уходил в земли, которые были ему даны[77]. На все попытки царя мирно разрешить конфликт Гадлу и его приближенные отвечали вызывающе агрессивно. Остается неизвестным, какого содержания были послания Гадлу к царю, но их тон явно был недопустимым в общении с монархом, так что царь Такла Гиоргис I, отличавшийся терпимостью и мягкостью по отношению к своим подданным, после получения очередного послания от мятежника вышел из себя. Хронист испуганно пишет о гневе царя и о том, что на следующий же день, «5 числа месяца тэрр, в четверг…он пустился в путь… и светился как лампа и блестел как солнце»[78]. Он вызвал к себе для поддержки *деджазмача* Васана, только что вернувшегося в свою землю. Царь покидал Гондар в сопровождении своей верной свиты, состоящей из сановников и военачальников, среди которых были *рас* Айадар (известный государственный деятель еще во времена правления царя Соломона I), когда он был назначен расом *бахт-вададом*, *бэлатен-гета* Адагах, *азаж* Мече, *фитаурари* Йа-Селласе Барья (который предпринял вторую неудачную попытку поставить на трон Такла Гиоргиса), *лика* Бацалоту, паша Мэнйэваб, *кантиба* Кэнфу, *нагадрас* Йалемту, *азаж* Завду и *азаж* Данфа. К этому моменту в Гондар по приказу царя прибыл и *алака* Габру, царский историограф и автор хроники Такла Гиоргиса I, который торопился и поэтому шел три дня без остановок и отдыха. С собой он принес икону Христа в терновом венце, известную как *Кур‘ата Рэ’эсу*, одну из величайших христианских святынь Эфиопии[79]. Прибыли также *деджазмач* Езекия, *деджазмач* Габру Кидан, *лика макуас* Габру, *азаж* Иконьян Васе,

---

[76] Поселение, расположенное к югу от Гондара, на проходившем западнее пути из столицы к озеру Тана.

[77] В хронике отсутствует информация о каких-либо наделах, данных Гадлу. Стоит догадываться, получил ли он их раньше от одного из предшественников Такла Гиоргиса I, или царский историограф не упомянул это событие.

[78] Orient 821, л. 448, стлб. 3, стк. 21 – 448об., стлб. 1, стк. 1; Eth. 143, л. 289об., стлб. 1, стк. 33 – стлб. 2, стк. 1.

[79] См. примеч. 58.

афа нэгус[80], который собственноручно устанавливал царский шатер на реке Ангараб[81], *баджеронд* Зена Габриэль, *паша* Валда Кидан, *деджазмач* Йа-Марьям Барья, *кэньазмач* Зогу, *кантиба* Кабте и многие другие. Среди собравшихся присутствовала личная охрана царя, те, кто был назначен на должности или снят с них, сыны знатных людей из племени меча[82] и области Дамот и воины царя. Число собравшихся было весьма велико, не менее нескольких сот человек[83]. Все это говорит о чрезвычайности сложившейся в царстве ситуации и о критичности момента. В столицу были стянуты все лояльные царю вельможи со своими войсками. В современных терминах такую ситуацию можно назвать мобилизацией.

В этот день царь встал лагерем в Косоге[84] и на следующий день, 6 тэрра (12 января 1781 г.), продолжил путь. В местечке Энгаш его встречал *бэлатен-гета* Калу. Там к нему присоединились несколько его подданных со значительным по величине царским войском. Тем же вечером царь взошел на гору и взглянул на лагерь мятежного Гадлу. Увиденное произвело на царя удручающее впечатление: в лагере находилось значительное войско, много шатров, лошадей, огнестрельное оружие и кольчуги. Царь стоял на горе со своими верными подданными и молился. Ни о какой военной операции пока не было речи. Такла Гиоргис был еще не опытен в ведении военных действий и не мог без тщательной подготовки начать открытый бой. Он переночевал в Энгаше, а на следующее утро перешел с лагерем в Мэхуртач. Там к нему

---

[80] Дословно «уста царя», тот, кто говорит или выносит вердикт от лица царя, его доверенное лицо. См. Bairu Tafla 2003.

[81] Известно две реки с таким названием: приток Атбары и приток реки Мегеч, впадающей в нее в районе Гондара с северо-запада в том же месте, что и река Ḳаха (см. выше примеч. 72, а также Mulatu Wubneh 2003). Здесь имеется в виду приток реки Мегеч по близости от Гондара.

[82] См. выше примеч. 61.

[83] Единственное упоминание численности войск встречается в исследуемом источнике в хронике Хайла Микаэля. В ней дана информация о 1000 человек воинов, что может считаться крупным войском, которое в средневековой Эфиопии ходило в военные походы (Orient. 821, л. 487, стлб. 1, стк. 7-8; Guidi 1902, p. 9; русск. пер.: Хроники (Чернецов) 1991, с. 266; в рукописи Eth. 143 данный фрагмент отсутствует).

[84] Селение, расположенное к северу от Гондара, близ реки Аргеф (см. Chronicle (Blundell) 1922, p. 540).

присоединился *кантиба* Кэжэнват, а затем многие другие, включая всех людей из Сакалт, и в течение следующих двух дней, 8 и 9 тэрра (14 и 15 января), царь не предпринимал каких-либо действий. Он собирался с силами и обдумывал свои дальнейшие действия. Царь решил начать с того, чтобы сжечь дом Акале, поручив это Абьятару, что и было выполнено. Вероятно, была осуществлена показательная расправа над имуществом одного из мятежников, который впоследствии мог совершить попытку низложить царя.

10 тэрра (16 января), в среду, на рассвете войско царя отправилось в путь. Дорога в гору была непростой, узкая тропа проходила по ущельям. Шли пешим ходом до полудня. Немалое число людей и вьючных животных[85] сорвалось в пропасть и погибло. В арьергарде маршировали *фитаурари* Йа-Селласе Барья и *азаж* Кабте, приближенные Такла Гиоргиса. Обязанности *фитаурари*, командира авангарда[86], в этом военном походе исполняли *баламбарас* Голджа и *баджеронд* Габра Иясус[87]. Лишь на следующий день царское войско добралось до местечка Дерадера и, разбив лагерь, устроило стоянку. К тому же на этот день выпал праздник Крещения Господня. Как уже было сказано выше, царское войско выступило в поход, взяв с собой икону *Кур‘ата Рэ’эсу*. И когда, в этот день, в лагерь пришел человек из царского войска по имени Габра Абиб, который принес шатер, захваченный у людей мятежника Гадлу, царь отдал указ поместить в него *Кур‘ата Рэ’эсу*[88].

Приближение царского войска вызвало панику в рядах людей Гадлу. Новый царь, поначалу ошибочно воспринимавшийся как очередная марионетка, стал представлять реальную угрозу влиятельным феодалам,

---

[85] В Эфиопии в качестве вьючных животных использовали в основном мулов и ослов.

[86] Как видно из этого контекста, термин *фитаурари*, первоначально обозначавший, должность командира авангарда, превратился в военный титул, прообраз воинского звания. В тексте хроники он употребляется в обоих этих значениях.

[87] Из текста хроники следует, что в военном походе должен был присутствовать *фитаурари*, но так как находящийся на этой должности Валда Арагави в поход не вышел, оставшись в своей родной области, на его место поставили двух заместителей.

[88] К иконам в Эфиопии того времени относились с уважением, сравнимым с уважением к высокопоставленному человеку. Им могли выделять особое жилище, бережно хранили и брали с собой в качестве талисмана. *Кур‘ата Рэ’эсу* в данном случае, очевидно, рассматривалась как равноправный член военного похода царя, подчеркивая его набожность.

привыкшим держать власть в стране в своих руках. На следующий день, без промедления, царь тронулся в путь с *баджерондом* Габра Иясусом во главе войска и дошел до местечка Бантаро. 13 тэрра (19 января), он достиг Царакуха под предводительством *балатенгета* Кало. В это время, идущие отдельным отрядом члены царского войска под предводительством *деджазмача* Васана остановились лагерем на реке Ангараб. 14 тэрра (20 января), в субботу, царское войско встало лагерем в Адит, где был устроен привал на весь следующий день[89]. В течение него в царский лагерь прибыл Корма, один из приближенных монарха, который на следующее утро в походе шел в арьергарде. Такла Гиоргис вслед за этим издает указ и посылает глашатая сообщить, что все жители Цагаде, которые занимают земли отцов своих, обязаны в трехдневный срок предстать перед ним. Судя по всему, этот народ выступал против царя и был замешен в организованной мятежниками смуте, направленной на свержение Такла Гиоргиса[90].

В понедельник, 16 тэрра (22 января), царь вновь отправился в путь. Сообщается, что в этот день царское войско совершило набег и добыло

---

[89] Следующим днем было воскресенье. Царь не выходил в поход по воскресеньям и старался в этот день не вести военных действий по религиозным соображениям, за исключением особенно чрезвычайных ситуаций. Зачастую к воскресенью, как ко дню отдыха, приравнивалась и суббота. На протяжении средневековой истории в Эфиопии проблема почитания субботы являлась одним из ключевых вопросов в политической и религиозной жизни страны.

Суббота в эфиопской церковной традиции обозначается на языке геэз как *санбата айхуд* (иудейская суббота), *кадамит санбат кадам* или *санбат кадамит* (первая суббота) или *нэ'ус санбат* (малая суббота). В данном случае интересно сравнение с воскресеньем, которое называют *санбата крэстийан* (христианская суббота) или э*худ* (первый день) или еще *абий санбат* (великая суббота) или *санбат*, *санбата эхуд* (суббота первого дня (недели)). Глагол *асанбата в* каузативной породе обозначает, в свою очередь, «почитать или соблюдать субботу». Основываясь на данных, содержащихся в хронике, можно заключить, что в конце XVIII в. ветхозаветная суббота в Эфиопии почиталась. Оба дня: и суббота, и воскресенье, в случае, если они упоминались совместно, в этой хронике обозначались одним словом *санбатат* во множественном числе. Доказательством этому, среди прочих, может служить следующий отрывок, описывающий военные походы царя Такла Хайманота II: «И направились в Энкаш, и отдыхали (там) 3 дня, дабы чествовать (две) субботы» (Orient 821, л. 440об., стлб. 1, стк. 6-9; в Eth. 143 (284об., стлб. 1, стк. 33)об этом кратко). См. о проблеме субботствования: Гусарова 2013.

[90] Хронист отмечает, что, несмотря на соответствующий указ, основной зачинщик мятежа по имени Батрэйос, находящийся в этой местности, не явился к царю.

значительное количество продуктов питания[91]. Путь вновь лежал через гористую местность, и некоторые воины погибли, сорвавшись в пропасть. Ближе к вечеру, царь максимально приблизился к стоянке мятежников, и часть его войска выдвинулась вперед и перешла к наступлению. Битва состоялась в местечке Авушала. Потери со стороны мятежников были значительными, среди убитых был Бойджен, один из заговорщиков. Со стороны царского войска, среди прочих, погиб Села Амса, командир одного из отрядов. Сам Гадлу в страхе бежал[92], что ознаменовало первую победу царя над мятежниками. Это обстоятельство обрадовало и ободрило молодого Такла Гиоргиса и всех придворных. Несколькими днями позже в лагерь прибыли посланники от царицы, его матери.

На следующий день, 17 тэрра (23 января), во вторник, еще один отряд выступил вперед по приказу царя. Царь пошел следом с *баджерондом* Кабте в арьергарде и остановился на ночлег в Табаршэш. За следующий день он добрался до Саркуа, пустынного места, где водилось большое количество змей и диких зверей. Царское войско перебило множество тварей и добыло шкуры леопардов.

В следующую пятницу царь находился на реке Каза, на расстоянии около 100 км к северу от Гондара. Там до него дошли слухи, что войско Гадлу готовится к сражению. Царь тут же объявил о приближающемся сражении. Его воины выразили готовность немедленно вступить в битву с мятежником, они были полны отваги и каждый из них рвался первым пойти в наступление. Ситуация изменилась после переправы через реку Каза.

---

[91] Эфиопская армия в средние века, по крайней мере в те периоды истори страны, что отражены в источниках, существовала за счет постоя на земле крестьян и материальных благ, добываемых в частых военных походах. Во время похода она питалась крестьянским хлебом. У них уводили скот и забирали другую провизию. Это в свою очередь негативно сказывалось на состоянии и без того небогатых крестьян. В данном случае из текста хроники остается неясным, был ли набег совершен на лояльных подданных или на крестьян мятежных областей. По всей видимости, все это явилось одной из причин начавшегося к 1797 г. в стране сильного голода.

[92] Автор хроники недоумевает по поводу того, как человек, который бросает вызов самому царю, приходит в ужас при виде лишь небольшой части его армии под предводительством одного из ни чем не примечательных командиров и среди первых бежит с поля боя. Нам это также кажется странным.

Быстрая вода унесла большое количество копий, а с ними и некоторых воинов царя, и первоначальная решимость уступила место страху и сомнениям, и только царь не находил себе места от желания во что бы то ни стало победить врага. Он восклицал: «Я не останусь здесь на ночь, пока не доберусь до того места, где находится Гадлу!»[93], но его приближенные умоляли его не торопиться и дождаться, пока разрозненное и смущенное войско вновь соберется. Тогда был поставлен шатер, и они остановились на ночлег. А в это время к лагерю подошли два приближенных Гадлу, За-Валде и Себухай, посланные сторожить проход через Ачалако, через который должен был проследовать царь со своим войском, и сделать так, чтобы он не смог проникнуть дальше.

На следующий день, в субботу, царское войско добралось до Афа Варк, куда прибыли посланники от царицы и от *раса* Хайлу. В воскресенье, как подобает, царь отдыхал, а продолжение военного похода было отложено до понедельника. За понедельник царь добрался до Атара. В этот день в лагере произошло неприятное событие. Упал и сломался *варк сакале*[94], царский шатер, расшитый золотом. Расстройство Такла Гиоргиса сменилось радостью, когда он услышал, что в стане его врагов возникли несогласия, мятежники начали воевать друг с другом и разбежались.

На следующий день, 24 тэрра (30 января), царь встал лагерем в селении Адди Кокаб[95], где было обнаружено снаряжение бежавшего войска мятежников, включая ценную утварь (железные сосуды, шатры, барабаны и пр.), продовольствие (мед, масло и вино), бивни слонов, рога носорогов. Следующий день был днем отдыха, когда в лагерь пришел человек Гадлу, носивший титул *бэлатен-гета*, по имени Вадбабо Габра, принесший в дар царю большое количество огнестрельного оружия. В тот же день прибыли люди из племени мадабай. Эти два события ознаменовали ослабление сил

---

[93] Orient. 821, л. 450об., стлб. 2, стк. 4-6; Eth. 143, л. 291, стлб. 1, стк. 1-2.

[94] **ወርቅ፡ ሰቀሌ፡** Так в обеих рукописях. Видимо, имеется в виду **ሰቀላ፡** *сакала* «палатка, шатер».

[95] Населенный пункт около 120 км к северу от Гондара

противника, а начавшаяся в мятежном лагере смута – несогласия между участниками заговора, и часть их решила подчиниться действующему монарху.

Тем не менее, это счастливое стечение обстоятельств еще не означало полную победу Такла Гиоргиса и не обеспечило долгожданной стабильности его положения. Военная кампания продолжалась, и 26 тэрра (1 февраля) на рассвете царское войско вышло из Адди Кокаб и дошло до Ад Деджазмач[96], куда вслед за ним была послана богатая добыча, состоящая из лошадей, огнестрельного оружия, защитных панцирей и др. Также в царскую ставку, расположенную в местечке Далшихоч, прибыл второй царский секретарь *алака* Зена. На следующий день царь прошел до Салава[97], где встретил сопротивление местного населения, которое, как и следовало ожидать, не желало кормить царское войско и терпеть мародерство в своих селах. Конным воинам пришлось вступить с ними в бой, в результате которого сопротивление было подавлено. 28 тэрра (3 февраля), царь дошел до Кабтея (укрепленное горное селение, возможно расположенное на столовой горе). Здесь к нему прибыло доверенное лицо Гадлу с сообщением о том, что сам Гадлу просит прощения и милости царя. На самом деле это был очередной вероломный план, задуманный в стане мятежников. Царь понимал, что нельзя верить этому человеку, так как его доверие уже не раз было обмануто. Такла Гиоргис дипломатично пригласил Гадлу в свою ставку на разговор. После, царь отправился в сторону Адана[98] понаблюдать за тем, что делалось в лагере Гадлу, расположенном неподалеку на столовой горе. Шатер самого

---

[96] Также ‘Ад Даггият. Из этой местности произошел одноименный влиятельный род из Хамасена (области на северо-востоке Африканского Рога, на территории современной Эритреи). «‘Ад» в данном случае означает «принадлежность к роду». Интересно использование этого широко распространенного эфиопского титула в топонимике.

[97] Небольшой район на юго-западе области Тигрэ, ограниченный на севере рекой Ареква (Арекуа), на юге рекой Самре (Самра), на западе районом Абаргалле (Chronicle (Blundell) 1922, p. 541, где Абаргалле (Abargelē) ошибочно указан как восточный предел данного района; ср. Smidt, Pankhurst 2010; EAE, 4, 2010, p. 445 (карта), а также карту 2 к диссертации).

[98] Местечко к юго-западу от реки Каза, а также к северу от нее. Судя по тому, что царское войско переправилось через реку и отправилось на север, это Адана к северу от реки Каза.

Гадлу был поставлен на самом краю Кабтея. Увидев это и поразмыслив, царь послал сказать, что прежде всего он ждет обратно свои военные барабаны, до возвращения которых он не начнет переговоры. Мятежник лицемерно ответил, что барабанов в лагере не было, т.к. их оставили в Беркута[99]. В дополнение к этой лжи он откровенно издевался над Такла Гиоргисом, пытаясь вывести его из себя. Со столовой горы доносились знакомые царскому войску звуки ударов в вышеупомянутые военные барабаны царя.

Чтобы еще больше ввести Такла Гиоргиса в заблуждение и, возможно, войти в доверие к нему, Гадлу послал ему в дар на следующий день 20 коров и 5 овец к царскому столу. Но царь разгадал вероломный замысел мятежника. В той местности, где были устроены военные лагери Такла Гиоргиса и Гадлу, протекала река Каза. Царь отправил своего приближенного *деджазмача* Васана охранять воды реки, которая протекала как раз у подножья столовой горы, места стоянки Гадлу, по всем ее берегам. Тот факт, что мятежники выбрали для своего лагеря и укрепленного места эту гору, был стратегически неверным. С одной стороны, место это служило надежным укрытием и удобным пунктом для наблюдения за противником, находящимся внизу, с другой стороны, гору было легко контролировать и окружить, а река, протекающая у ее подножья являлась единственным источником воды. Это слабое место в планах Гадлу и использовал Такла Гиоргис, являвшийся, видимо, талантливым стратегом и обладавший острым умом. Из этого повествования мы узнаем, что этот царь средневековой Эфиопии не только командовал войсками во время битв и набегов, но и планировал ведение боевых действий. Он рассчитывал свои ходы и старался выиграть битву не только мощью и численностью войска (преимуществами, которыми он, возможно, и не располагал), но и рядом мер и хорошо спланированных уловок. Тем не менее, в отличии от мятежников, ему были незнакомы подлость и обман в ведении боевых действий. Такие приемы

[99] Существует несколько поселений, носящих это название. Здесь имеется в виду местечко на северо-западе Эфиопии, недалеко от границ современной Эритреи.

были ниже его достоинства, и царь показывает себя благородным и справедливым монархом, строго следовавшему средневековому кодексу чести.

Деджазмач Васан со своими людьми незамедлительно отправился исполнять поручение Такла Гиоргиса, но неожиданно, на пути к руслу реки, встретил вооруженных людей Гадлу. Обе стороны вступили в бой. По официальной статистике, приведенной на листах хроники, войско Гадлу понесло множество потерь, тогда как в войске царя они были незначительны (что может быть также преувеличением историографа). Когда царь узнал об этом происшествии, несмотря на благоприятный для него оборот дела, он страшно разгневался. Причиной гнева стал тот факт, что битва эта состоялась в воскресенье, в тот день, когда, согласно религиозным заповедям, христианам не подобает брать в руки оружие. Царь в гневе послал на поле битвы сказать: «Все те, кто сражался в этот день (сегодня) не останется моим подданным, ибо суббота (т. е. воскресенье, христианская суббота) не день ведения боевых действий, а день отдыха и молитвы!»[100] Услышав царский запрет, воюющие незамедлительно прекратили битву и, вернулись в лагерь. Такла Гиоргис еще не знал, что вскоре вся Эфиопия принесет религиозные принципы в жертву амбициям крупных феодалов (что составляло специфику эпохи политической раздробленности).

На следующее утро, в понедельник 30 тэрра (5 февраля), царь провел ряд церемоний по подготовке к битве. Он вывел своего мула, поскакал на предполагаемое поле боя, надел плащ, и началось сражение. Позади шли *бэлатен-гета* Калу, чья фигура напоминала великого Гедеона-завоевателя[101] и *баламбарас* Голджа, походивший на Ионафана[102]. В ход шло огнестрельное

---

[100] Orient. 821, л. 451об., стлб. 1, стк. 19-26; Eth. 143, л. 291об., стлб. 1, стк. 2-4.

[101] Orient. 821, л. 451об., стлб. 2, стк. 17-20; Eth. 143, л. 291об., стлб. 1, стк. 12-13. Спаситель израильского народа, выдающийся вождь («судья»), победивший мадианитян (см. Суд. 7: 1 – 8: 35).

[102] Orient. 821, л. 451об., стлб. 2, стк. 20-22; Eth. 143, л. 291об., стлб. 1, стк. 14-15. Старший сын библейского царя Саула, близкий друг пророка и царя Давида. Всю жизнь провел в борьбе с филистимлянами (см. соответствующие места в 1 и 2 Царств).

оружие, некоторые же воины поражали противника камнями[103] и копьями. Многие талантливые и смелые воины царя принимали участие в этом сражении. За царем шли бедные и богатые, простолюдины и знать, придворные вельможи, люди, принадлежащие к разным народам, населявшим Эфиопию того времени (люди из Йалу, Тигрэ, Ласты, Канисы, племен меча[104] и другие). Царь со своими приближенными был в арьергарде, и каждый из них был полон достоинства и отваги и вызывал ужас врага и восхищение царского историографа *алаки* Габру. Битва продолжалась с утра до полудня, и многие воины царя были убиты или ранены. Гадлу понес небольшие потери благодаря продуманной стратегии данного сражения. Его войско скрывалось в неком укреплении, не выходя из которого воины поражали людей царского войска. Потери были столь велики, что царь на этот раз решил отступить.

Все следующие сутки Такла Гиоргис был угрюм, не притрагивался к еде и воде и в негодовании молился. Подавленный неудачей, он скорбел о том, что Господь отвернулся от него, что враги его беспрестанно нападают на него и ему не дают покоя их мятежи. Традиционно считая себя Божьим помазанником (хотя Такла Гиоргис I, как и многие другие цари Эфиопии, не был помазан на царство), он мечтал о Божьем покровительстве в делах управления страной. В условиях феодальной раздробленности и упадка в Эфиопии конца XVIII в. мечтам и планам такого рода не суждено было осуществиться.

1 йакатита (6 февраля) люди Цадалу и Фикра Микаэля нанесли визит монахам[105] из Дабра Саквар[106], одного из монастырей Вальдеббы[107]. Царь же

---

[103] Orient. 821, л. 451об., стлб. 2, стк. 16-17; ; Eth. 143, л. 291об., стлб. 1, стк. 11-12.
[104] См. выше примеч. 61.
[105] Заметную роль в отношениях между различными группировками, желавшими захватить власть в стране, играло эфиопское монашество, выполнявшее миротворческую функцию.
[106] См. о нем: Nosnitsin 2010b, p. 1113.
[107] Историческая область на северо-западе Эфиопии. Известна своим жарким климатом, традиционно пристанище монастырей. Согласно местной традиции, во время путешествия Святого Семейства в Египет, оно дошло до Эфиопии и остановилось в Вальдеббе. А само

приказал всему своему войску встать в той части реки Каза, которая не была занята противником, и выставить оцепление вдоль ее русла так, чтобы отрезать людям Гадлу доступ к реке, и им нечего было пить[108]. Тогда Гадлу призвал не вполне здравого умом человека, по всей видимости, из числа монахов[109], по имени Валда Микаэль и послал его к царю просить прощения от его имени. Но царь заподозрил неладное в том, что пришедший с этим сообщением человек был странного поведения, и не поверил сказанному. Вслед за этим царь издал указ всем своим людям выстроить жилища[110] и устроить рынок. Замысел этот имел своей целью потянуть время, занять людей, чтобы они не разбрелись, и дождаться удобного момента для нанесения удара по противнику. На следующий день неподалеку от лагеря были пойманы два человека из воинов Гадлу, которые, гонимые жаждой, спустились в поисках питьевой воды. Поймавшие их были награждены почетными одеждами. В тот же день прибыли посланники из Гондара, от царицы. 3 йакатита (8 февраля) царь направил гонцов в Гондар, Тигрэ и к предводителю арабов-мусульман, обитавших на западных окраинах страны, Адрису (Идрӣсу). Затем в лагере состоялась траурная церемония похорон воинов раненых в Регвато и затем умерших. В тот же день в лагерь вернулось два воина, телохранитель Валда Селласе и человек из племени мадабай, убившие несколько людей Гадлу, и в доказательство этому бросили перед

название этой области, также согласно местной традиции, происходит от слова *вали*, названия растения, которое Иисус Христос принес с собой из Рая. См. Nosnitsin 2010b, p. 1112.

[108] Хронист в данном контексте сравнивает мудрость царя при принятии такого стратегического решения с мудростью Александра Великого.

[109] Эфиопское монашество традиционно играло большую роль в политической жизни государства и отношениях между различными группировками, желавшими захватить власть в государстве. Монахи в исключительных случаях могли выступать против монарха, чаще они примиряли враждующие стороны.

[110] Это было несложным делом, так как традиционные эфиопские жилища, *тэкули*, представляют собой хижины округлой формы, сделанные из вертикально установленных деревянных шестов и кустарника, для прочности переплетенных между собой и промазанных землей (а нередко глиной или навозом), с конусообразной крышей из соломы.

царем добытые «трофеи»[111]. За эту выслугу одного из них царь наградил *чуфа*[112], а другому даровал *битава*[113].

4 йакатита (9 февраля) Гадлу вновь послал к царю сказать, чтобы Такла Гиоргис отпустил к нему *бэлатен-гета* Калу и азажа Иконьяна, приближенных царя и выдающихся воинов, которых он будет ждать у ворот Наиба. После этого Гадлу обещал прийти к царю лично, неся над головой камень в знак покорности, и отдать все свое имущество. Царь пошел на уступку, и просьба Гадлу была исполнена. Мятежник спустился со столовой горы, но сдаться и тем самым исполнить свое обещание, как и следовало ожидать, отказался, в очередной раз обманув доверие Такла Гиоргиса. Этим поступком он нарушил клятву, данную под страхом отлучения от церкви. На этот раз он потребовал, чтобы царь публично дал ему прощение заранее, пока он находился за границами царской ставки. Тогда *азаж* Кабте с дружиной

---

[111] Традиция эта имеет многовековую историю. Она встречается в ранних хрониках царей Эфиопии и, по всей видимости, связана с обрядами инициации у народов, населявших Эфиопское нагорье до прихода туда христианства. Подобная форма инициации мужчин для перехода их в последующую возрастную группу и для вступления в брак существовала у многочисленных племен оромо. Отечественный востоковед-эфиопист В. М. Платонов высказал свое мнение, согласно которому уничижительное название народа оромо христианами Эфиопии, *галла*, происходит от амхарского слова ቁላ፡ *кула*, обозначающего мужской половой орган. Насколько эта гипотеза правдоподобна, трудно сказать. Несмотря на то, что геэз на протяжении всего эфиопского средневековья оставался официальным письменным языком, используемым в хрониках, религиозной литературе и литургии, не удивительно, что в текстах хроник и, тем более, в разговорном языке зачастую встречаются «амхаризмы».

У народа оромо действительно была широко распространена традиция ритуальной охоты, например, перед вступлением в брак, когда юноша в доказательство того, что он убил врага или крупное животное, приносил в свою деревню отрезанные гениталии жертвы и бросал их под ноги будущей невесты, тем самым подтверждая свой новый статус и право на вступление в брак. В позднее средневековье таким же образом поступали царские воины, показывая количество убитых ими противников на поле боя. Тем не менее, уже в XII–XIII вв. эта традиция была широко распространена и среди других народов, населявших Эфиопию. Описание ее встречается у арабского географа Йакута (см. об этом: Арабские источники (Матвеев, Куббель) 1985, с. 128-129 (текст); 134-135 (пер.)).

В данной работе мы будем употреблять слово «трофей» для обозначения мужских гениталий, отрезанных у убитого в битве противника.

[112] Одна из разновидностей традиционных эфиопских наград. Полый браслет, украшенный крестами, носимый на локте. О наградах эфиопского войска см. Гусарова 2013б.

[113] Одна из разновидностей традиционных эфиопских наград. Конический браслет в форме манжеты, украшенный орнаментом. См. выше примеч. 112.

обошел столовую гору с правой стороны и встретил телохранителей Гадлу. Один из них по имени Абрахим[114], отличавшийся крупным телосложением и недюжей силой, пал от руки *азажа* Кабте, и многие были взяты в плен. За это Такла Гиоргис наградил своего храброго воина браслетом *битава*[115].

В этот же день прибыли посланники от *алака* Зафара. Вернулись в лагерь и *бэлатен-гета* Калу, и *азаж* Иконьян после разговора с Гадлу. Они сообщили, что мятежник передумал и оставил мысли о перемирие. Такла Гиоргис не был удивлен такому исходу дела, т.к. уже достаточно изучил вероломный характер своего противника.

Тогда царь принялся строить дом, очевидно, чтобы дать пример своим подданным, которым он повелел три дня назад строить жилища. В первый же день были возведены стены. 5 йакатита (10 февраля), в субботу, молодец из числа воинов принес царю «трофей», отрезанный у одного из убитых им людей Гадлу. За это он получил из рук царя почетные одежды. К вечеру послышались военные кличи, облетевшие весь лагерь. Несколько человек из дружины *бэлатен-гета* Калу убили двух слуг Гадлу и привели с собой много пленных. Некоторые сумели бежать и укрыться на столовой горе. Победоносное пребывание царя оказало большое впечатление на население этих земель. Была собрана делегация, пришедшая в лагерь с многочисленными дарами поприветствовать монарха. Стоит отметить, что Такла Гиоргис I пользовался большой популярностью среди народа, уставшего от нестабильности в государстве и произвола богатых феодалов.

---

[114] По всей видимости, это искаженное в эфиопской транслитерации имя Ибра̄хӣм. В таком случае следует признать, что в войске Гадлу присутствовали мусульмане.

[115] В этом контексте хронист заявляет, что Такла Гиоргис был бы рад более щедро награждать своих воинов, но не имел при себе достаточного количества соответствующих ценных вещей. Имущество же его оставалось в столице, которую он был вынужден стремительно покинуть, не успев взять его с собой. На самом же деле, трудно представить, чтобы царское войско, которое ежедневно перемещалось из одних земель в другие, могло унести с собой большое количество личных вещей. К тому же, частично путь лежал через русла рек, которые нужно было переходить вброд, и горные дороги, и присутствие нагруженных обозов затруднило бы передвижение и снизило мобильность царского войска.

Люди видели в его лице надежду на возвращение к былым временам, по которым у большинства осталась ностальгия.

Царь старался сохранить порядок в армии и при дворе. В последующие дни он послал своего приближенного *абба* Дамо, судя по титулу, носящего церковный сан (возможно, священнический), в один из монастырей Вальдеббы, по-видимому, все в тот же Дабра Саквар, куда бежали некоторые из его слуг, вошедшие в сговор с Гадлу, чтобы вернуть их обратно. Можно было ожидать, что они понесут серьезное наказание, но милосердный Такла Гиоргис простил их. Из Гондара 7 йакатита (12 февраля), в среду, прибыла провизия. Войско продолжало сторожить воды реки у подножья столовой горы, а царь, взяв с собой несколько человек, отправился обойти окрестности и изучить местность. Он тянул время, выжидая, пока отряды Гадлу, измученные жаждой, спустятся к нему биться или сдаваться. В полдень[116] прибыли посланники от царицы и *раса* Хайлу. После разговора с ними царь вошел в свой шатер, чтобы обдумать сложившееся положение. Затем *деджазмачу* Васану и Вадбабо Габру был отдан приказ выдвинуться в сторону Баркута[117] и атаковать охрану Гадлу, выставленную у подъема на гору. В это время сам Гадлу задумал поджечь царский лагерь и спустился с горы. В бой с ним вступил *бэлатен-гета* Калу. К несчастью, *деджазмач* Васан отсутствовал в лагере. Группа мятежников была разбита, многие из них погибли в сражении, а сам Гадлу в панике бежал назад, на гору. В его лагере в тот день царил плач. Большинство погибших были близкими друзьями и приближенными Гадлу, он был огорчен и стыдился неудачи. Положение его становилось все тяжелее, время шло, а люди страдали от жажды. Воины же *бэлатен-гета* Калу были вооружены огнестрельным оружием и лучше защищены панцирями.

11 йакатита (16 февраля), в пятницу, пришла долгожданная радостная весть от *деджазмача* Васана о том, что противник был наголову разбит.

---

[116] По эфиопскому счету в шесть часов. В Эфиопии используется свое исчисление времени. Сутки делятся на 2 цикла по 12 часов, начиная с 6 утра.

[117] Населенный пункт близ современной границы с Эритреей.

Растроганный Такла Гиоргис наградил гонца серебряной *чуфа*[118] и пообещал ему различные блага в будущем. Вадбабо Габру вернулся из похода вместе с *бэлатен-гета* Калу с богатой добычей и «трофеями». На следующий день перед царем предстала дружина *деджазмача* Васана и торжественно швырнула ему в ноги «трофеи». Зазвучали победные трубы, подняли полог, за которым укрывался царь, и была устроена аудиенция. Первыми входили в шатер те, кто убил наиболее сильных и опасных врагов, затем те, кто убивал и отличился в бою, каждый швырял на землю перед царем отрезанные у каждого убитого «трофеи» и уходил в свою часть лагеря. Обрадованный царь, по словам его хрониста, не возгордился этому успеху, а напротив, молился и читал наизусть псалмы Давида.

Сам Гадлу остался живым и на следующее утро прислал к царскому столу пять овечек. Тогда был устроен пир для монахов из Вальдеббы[119]. Со столовой горы начал постепенно спускаться народ, приближенные Гадлу, мужчины и женщины. Все они жаловались и утверждали, что люди и скот на горе умирают от жажды. Царь имел доброе сердце[120], был расстроен мучениями людей, но, ради того, чтобы покончить с мятежом окончательно, не снял осаду и смиренно молился. Вечером того же дня прибыли посланники от митрополита[121] и *эччеге* в лице *абето*[122] Димитрия[123] и Адара

---

[118] См. выше примеч. 112.

[119] Интересно, что в этом контексте хронист цитирует (точнее, вольно пересказывает) Евангелие от Луки 14.12 («Сказал же и позвавшему Его: когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния»).

[120] Царский историограф утверждал, что доброту Такла Гиоргис унаследовал от Давида, своего библейского предка. Orient. 821, л. 454, стлб. 3, стк. 25 – 454об., стлб. 1, стк. 1; Eth. 143, л.292об., стлб. 2, стк. 32-33.

[121] В местной эфиопской традиции – *паппас*, также носил почетный титул *абун*. См.: Kaplan 2010 и Чернецов, Муравьев 2000. Вплоть до середины XX в. главой Эфиопской Церкви являлся митрополит. О митрополите Эфиопии во времена правления Такла Гиоргиса см. **Экскурс 4**.

[122] Или *абетохун* (вероятно, происходит из амхарского языка). Это титул, который носили представители мужского пола династии Соломонидов (см. Merid Wolde Aregay 2003, p. 40).

[123] Нам кажется странным, что в это время он не находился на Вахни. Впоследствии он ненадолго займет трон непосредственно перед последним воцарением Такла Гиоргиса в 1799 г.

Габрэ'ела, до которых, по всей видимости, уже донеслась добрая весть о военных успехах царя в борьбе с мятежниками[124]. Стоит отметить, что митрополит Эфиопии рукополагался и направлялся в Эфиопию патриархом Коптской Церкви и до некоторой степени оставался чужд как местной культуре, так и локальной политической системе. Возможно, по этой причине в большинстве случаев он упоминается в хронике совместно с *эччеге*. В конце XVIII в. этот пост занимал *абба* Иоасаф[125]. Судя по тексту рукописи, он неоднократно наносил визиты царю и в той или иной форме поддерживал связь с ним. Но положение митрополита уже не было столь устойчивым, как раньше, и вскоре после того, как подошло к концу последнее из шести царствований Такла Гиоргиса I и тот оказался в изгнании в одном из монастырей Вальдеббы, алчущие власти царевичи и князья в своей борьбе за власть уже не обращали должного внимания на Церковь и ее митрополита.

14 йакатита (19 февраля), понедельник, ознаменовалось началом Великого поста. Перед Такла Гиоргисом предстал *деджазмач* Васан с дружиной, и только один царь знал истинную причину их прихода. Также прибыли многие из слуг Гадлу. В этот день царь слушал чтения из Писания.

15 йакатита (20 февраля) со столовой горы спустился некий Кефла Адонай, по всей видимости, один из людей Гадлу. Между ним и дружинниками царя состоялась беседа об условиях перемирия, после чего он вернулся на гору. Царь, в свою очередь, послал к Гадлу «делегацию милосердия». Узнав об этом, Гадлу был чрезмерно обрадован. Он понимал,

---

[124] Судя по тексту хроники, в государстве была достаточно хорошо отлаженая система коммуникации. Новости сравнительно быстро доходили из одних земель в другие. Тем не менее, не стоит забывать, что сам Такла Гиоргис, по всей видимости, не удалялся от столицы на чересчур большие расстояния, а большинство придворных и высокопоставленных религиозных деятелей, как то митрополит или *эччеге*, находились в Гондаре. Резиденция *эччеге* при царе Василиде вместе с Дабра-Либасносским монастырем переместилась из области Шоа в селение Азазо, расположенное неподалеку от столицы. Тогда появились понятия *бета абун* и *бета эччеге*, «дом митрополита» и «дом *эччеге*», заложенные в самом Гондаре специальные кварталы для этих церковных иерархов. С этого момента они постоянно перемещались между монастырем в Азазо и царским двором в Гондаре.

[125] См. **Экскурс 4**.

что конфликт с Такла Гиоргисом затянулся, и надежда на свержение нежелательного монарха была уже столь мала, что в сложившейся ситуации продолжать вести борьбу было опасно и бессмысленно. Он одарил царского посланника мулом.

На следующий день люди, отправленные с делегацией на столовую гору, вернулись в лагерь и передали следующие слова Гадлу: «Пусть кто-нибудь придет сегодня, чтобы забрать военные барабаны, лошадей и все, чем я владею. И я пришлю свою жену, дочь сестры царя»[126]. Тогда царь отправил к нему *ликабу* (*лигабу*) Ацку. Гадлу водрузил (на мула или лошадь) барабан, подобающе оделся и приготовился провожать военный барабан царя, когда к нему вдруг подошел его слуга, Вад Гадаб, человек нечистых помыслов, и посоветовал ему не отдавать барабана, пока он не получит от царя клятвы под страхом анафемы[127], что тот вернет ему земли его владений, которыми он управлял. В разговор вмешался Кефла Адонай, который попытался возразить. Люди Гадлу начали пререкаться, спорить между собой, и дело это тут же перешло в настоящую битву. Посланники царя, увидев, что ситуация вышла из под контроля, поспешили вернуться и донести обо всем Такла Гиоргису. В ответ, не желая вступать в битву и, возможно, не имея достаточной уверенности в силе своего войска и успехе такого предприятия, он приказал лучше охранять русло реки, чтобы обитатели столовой горы не имели доступа к воде, пока обстановка не прояснится.

17 йакатита (22 февраля) царь послал глашатая сообщить, что он отдал Габра Абибу все права, которые были у его отца. Что касалось людей Гадлу, то он объявил, что все, кто придет к нему в светлое время суток, будет

---

[126] Orient. 821, л. 454об., стлб. 2, стк. 27 – стлб. 3, стк 4; Eth. 143, л. 293об., стлб. 1, стк. 16-19.

[127] Показательно и то, что одним из самых суровых наказаний в Эфиопии, наравне со смертной казнью, отрубанием рук и ног или ослеплением, являлась анафема. И эта мера могла быть использована как со стороны религиозных деятелей (в том числе, в исключительных случаях в отношении царя!), так и со стороны монарха. Часто для наложения такого наказания царь прибегал к религиозным авторитетам и действовал от имени или «устами» одного из них. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры из текста хроники, которые будут приведены далее.

приняты и выслушаны, а те, кто проберется в ночи, не будут приниматься. Тем же днем прибыли посланники от *раса* Хайлу, человека, близкого к царской семье, и *мальака цахай* Ровоама и сообщили, что *рас* Хайлу отказался заключать мир с Кэнфу Аддамом, еще одним влиятельным человеком и соперником Такла Гиоргиса I в борьбе за фактическую власть в государстве, и что между ними состоялась битва, в которой *рас* Хайлу сражался от имени царя.

На следующий день царь вновь отправился осматривать окружающую территорию. После этого ко двору прибыли арабы, присланные от Адриса (Идрӣса). Затем вошли люди *деджазмача* Васана и бросил к ногам царя «трофеи».

Ситуация оставалась напряженной. 19 йакатита (24 февраля), в субботу, *йа-шалака* Валда Селласе и Сури Хаба бились с людьми Гадлу. В этом сражении многие пали и были ранены. Оставшиеся в живых из числа воинов Гадлу разбежались, а царские дружинники принесли в лагерь «трофеи». 20 йакатита (25 февраля), в воскресенье, Гадлу созвал вместе монахов из Вальдебба и, дав им соответствующие наставления, послал их к Такла Гиоргису просить прощения. С ними подчиниться царю пришел Лаке, брат Гадлу. Эбая Дэнгэль также послал к нему за прощением и с мольбой о милости. Но, 22 йакатита (27 февраля) умер от болезни настоятель вышеупомянутого вальдеббского монастыря Дабра Саквар, посольство попало в затруднительное положение, и дело перемирия отошло на второй план. Монахи были поглощены горем, а в царский лагерь продолжали приносить «трофеи», добытые в сражениях с людьми Гадлу. 23 йакатита (28 февраля), в среду, царь отослал прибывших из Вальдеббы монахов на гору Адама для погребения настоятеля. Гадлу передал им свою просьбу молиться за него и за то, чтобы Такла Гиоргис, которого он уже называл своим господином, сжалился и простил ему его бесчинства. На следующий день монахи вернулись в лагерь и пересказали царю полученное ими послание и просили его о милости. Царь смягчился и удовлетворил их прошение. В этой

ситуации монахи выступили истинными миротворцами. Они незамедлительно отправились в лагерь Гадлу передать ответ царя. В пятницу, 25 йакатита (1 марта 1781 г.), в три часа дня[128], Гадлу оседлал коня и устроил (видимо, на прощание) праздник и разгулье на столовой горе. Он пребывал в состоянии сильного алкогольного опьянения[129], был чрезмерно весел, подавлен горем поражения и грузом стыда, и вел себя непристойно. Его люди смеялись над ним, а монахи пришли в изумление.

26 йакатита (2 марта) *афа нэгус* Васе в сопровождении Вадбабо Габру отправились совершить набег на близлежащую территорию. Вернулись они лишь на следующий день, в воскресенье, принеся с собой богатую добычу и «трофеи», которые швырнули пред царем. В это время люди Гадлу зарезали престарелого вальдеббского монаха из Далшаха, принесли и швырнули соответствующий «трофей» перед Гадлу. Гадлу был очень обрадован и в знак признательности одарил убившего его богатыми одеждами, так как ему казалось, что этот поступок был хорош и достоин вознаграждения[130].

28 йакатита (4 марта), в понедельник, в лагерь Такла Гиоргиса прибыли посланники царицы и близкий друг царя рас Хайлу. В этот день царь рассматривал дело монахов из Далшаха, в результате чего было решено

---

[128] По эфиопскому счету в девять часов. См. примеч. 116.

[129] В Эфиопии традиционно существует ряд алкогольных напитков местного производства, различных по крепости.

[130] В данном случае стоит отметить, что Гадлу этим поступком подчеркивал сходство между собой и царем Эфиопии, традиционно по-царски награждая отличившихся воинов. Сами воины также следовали общепринятой в царском войске традиции, принося «трофеи», отрезанные у убитого в бою врага, и швыряя их перед своим господином. Хронист нарочито подчеркивает эту аналогию, свидетельствующую о намерении Гадлу создать видимость собственного положения, равнозначного царственной особе. Далее по тексту хроники приводится неточная цитата из Библии «Изгонят вас из синагог; даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу» (От Иоанна, 16.2). Цитаты из Библии в эфиопской литературе часто были неточными, т.к. тексты Писаний воспроизводились в основном по памяти. Традиционное образование в Эфиопии на начальной стадии включало в себя заучивание наизусть Псалтири, а уже затем, при частом обращении к текстам Библии, религиозные деятели выучивали и остальные священные тексты. Тем не менее, память часто искажала оригинал и цитаты приводились с разной степенью точности. См. подробнее: **Экскурс 1**.

вернуть им земли[131], которые отняли у них *чева*[132]. Затем люди из Дабра Саквар покинули лагерь.

Из столицы периодически доставлялись провизия и другие средства, необходимые царю и его войску в военном походе. В это время к царю прибыл его военачальник Адрис (Идрӣс), который «пришел из страны арабов с большим количеством арабов, среди которых были те, кто умел дрессировать слонов и подчинять львов»[133]. В подарок Такла Гиоргису был преподнесен белый верблюд. На близлежащих территориях эфиопы могли считать арабами мусульман, живших в султанатах на юго-восточных границах страны, а также в султанатах, располагавшихся на территории современного Судана. Судя по тому, что на юго-восточном побережье Африканского Рога не встречаются слоны, можно предположить, что эта делегация к царю прибыла с западных границ государства. Следовательно, царь поддерживал отношения с мусульманами этих достаточно отдаленных от столицы регионов и мог иметь намерения заручиться их поддержкой.

В воскресенье, 4 маггабита (11 марта) состоялось широкомасштабное сражение. Войска были выстроены с четырех сторон столовой горы. Потери в отрядах мятежника значительно превышали потери со стороны царя. Гадлу удалось укрыться на *амбе*. На следующий день был объявлен царский указ, по которому Адрису возвращалась та высокая должность, на которую он был назначен ранее в качестве вознаграждения. Судя по всему, приведенные им арабы внесли свой вклад в успех похода против Гадлу.

Через несколько дней после этого сражения в лагере царя возник пожар в результате которого было уничтожено множество жилищ (палаток). Историограф *алака* Габру, который, как все верующие люди в Эфиопии, верил в знамения и чудеса, замечает: «и когда огонь дошел до того места, где

---

[131] Монастыри в Эфиопии, как и церкви, имели права на владение землей. Их земельные угодия рассматривались как *гульт* (см. выше примеч. 13 к данной главе).
[132] См. выше примеч. 20.
[133] Orient. 821, л. 456, стлб. 1, стк 7-13; Eth. 143, л. 293об., стлб. 1, стк. 30-33.

находился образ Христа в терновом венце, он угас»[134]. Пожары, как в населенных пунктах, так и в военных ставках случались достаточно часто. Это не удивительно, учитывая устройство большинства традиционных эфиопских жилищ круглой формы (*тэкуль*), со сделанными из веток и соломы стенами и соломенной крышей, в центре которой делалось отверстие для выхода дыма от костра, который разводили для приготовления пищи прямо в доме. Такие же, не требующие чрезмерных сил и вложений жилища, сооружали и в военных лагерях. Кроме того, виновником пожара мог быть Гадлу, который давно замышлял поджечь лагерь Такла Гиоргиса.

Ранним утром 9 маггабита (16 марта) Гадлу с пятью соратниками удалось бежать со столовой горы. Они направились в сторону местечка Беркута[135]. На следующий день стало известно о том, что между людьми Гадлу и жителями близлежащих деревень произошли вооруженные столкновения. Победа вновь была на стороне лояльного Такла Гиоргису войска. Некоторые из людей Гадлу были убиты, и царю были доставлены традиционные «трофеи». Сам мятежник все дальше удалялся от царской ставки, оставив своих людей на осажденной столовой горе. Вполне возможно, что он планировал вернуться с подкреплением.

Тогда Такла Гиоргис послал сказать людям, находящимся на горе, что они получили царское прощение и могут спускаться, но в ответ последовал отказ. Тогда, 12 маггабита (19 марта) в царском лагере состоялось совещание. Один из военачальников, Варке со своими отрядами был отправлен в Бегемдер, а *деджазмач* Васан выступил в сторону Беркуты вслед за мятежником.

К этому времени конфликт принял такие масштабы, что к царю стали обращаться религиозные деятели, а именно монахи из монастыря Вальдебба, то есть из Дабра Саквара, с предложением усовестить мятежника и примирить его с царем. Вскоре они направились в сторону Беркуты в

---

[134] Orient. 821, л. 456, стлб. 3, стк 19-21; Eth. 143, л. 293об., стлб. 2, стк. 20-21.
[135] См. выше примеч. 99.

поисках мятежника. 15 маггабита (22 марта) неожиданно в царской ставке появилось несколько человек из охраны Гадлу. Они принесли царю «трофеи», изъятые у диких животных. Царь незамедлительно провозгласил их прощение. Постепенно оппозиция терпела все большие потери: одни уходили из жизни в битвах с царским войском, другие переходили на сторону монарха.

20 маггабита (27 марта) монахи вернулись в ставку и объявили, что соглашение о мире достигнуто. На следующий день в лагерь, прибыли обрадованные новостью посланники от митрополита, *эччеге* и самой царицы. Следом за ними явился второй основной противник Такла Гиоргиса I, Кэнфу Аддам. Явившись под видом примирения, этот последний затеял очередную смуту в столице, вследствие чего царица была вынуждена искать убежища в доме *эччеге*, т.к. в городе стало неспокойно. Царь же, не подозревая о новом заговоре, разослал посланников с сообщениями для мятежников в Гондар и в Беркуту, где они в тот момент находились. Сам же он решил было, после почти двух месяцев осады столовой горы, покинуть Адана, но, отправившись в путь (судя по всему, в столицу), вернулся, ибо до него дошла весть о том, что Кэнфу Аддам находился в Адди Кокаб, приблизительно в 40 км к юго-востоку от Аданы, и имел намерение вернуть Такла Гиоргису захваченный ранее в бою царский военный барабан, что расценивалось как знак долгожданного примирения. В надежде на установление мира он решил простить и мятежника Гадлу. Но, вопреки ожиданиям царя, военный барабан в его лагере так и не появился. Тогда, 24 маггабита (31 марта) военный поход был продолжен. К 26 числу (2 апреля) царь прибыл и встал лагерем в местечке Биламба, располагавшемся в 15-20 км от Адди Кокаб. В Биламбе царь встретил сопротивление местного население, с которым его воинам пришлось вступить в бой. В результате погиб стражник одного из военачальников царя.

С 27 маггабита (3 апреля) военные действия велись нерегулярно. Связано это было с тем, что в этот день эфиопы справляют «фиксированную»

Страстную пятницу[136], а также с приближением обычной Пасхи. Кроме того, в пятницу, 29 маггабита (5 апреля), был праздник Благовещения, который ежегодно празднуется Эфиопской Церковью 29 маггабита, а на воскресенье, 2 мийазйа (8 апреля), пришлось в тот год Пальмовое (в нашей традиции – Вербное) воскресенье. В этот день в царской ставке был устроен пир. Во время страстной недели Такла Гиоргис много размышлял, молился и каялся. Судя по всему, человек он был очень набожный, чего нельзя сказать о мятежниках, ему противостоящих. 7 мийазйа (13 апреля) была обычная Страстная пятница. В субботу к царю прибыли представители духовенства и посланники от царицы. Момент для попытки свержения государя был выбран весьма удачно. Посланники сообщили, что в то время как Такла Гиоргис придавался молитве, Кэнфу Аддам направился в сторону Вахни, чтобы вывести из царской тюрьмы другого претендента на престол. Кроме того, в стране творились и другие бесчинства. Царь был опечален и удручен этими новостями. Внезапно, и без того критическую ситуацию усугубил сильнейший ливень, который смыл и разрушил многие жилища. В знак траура на Пасху царь отказался прервать пост и приказал не резать скот для праздничного пира, за исключением одного буйвола, чтобы угостить людей. В ответ на действия Такла Гиоргиса по отношению к Гадлу, который лишил его самого и его людей питьевой воды при осаде *амбы*, Кэнфу Аддам перекрыл дороги, по которым царскому войску должна была доставляться провизия. Хронист замечает, что на Пасху в лагере царя не было ни соли, ни

---

[136] Эфиопская Церковь, следуя Коптской традиции, приписывает некоторым передвижным праздникам Пасхального цикла фиксированные даты, вероятно, в память о тех днях, на которые пришлись страсти и Воскресение Спасителя. Наряду с этим эфиопы, разумеется, отмечают эти праздники каждый год в разные дни, как и остальные христиане. Великую пятницу справляют как на Пасхальной недели в различные календарные дни в зависимости от года, так и фиксировано 27 маггабита (Colin 1995, p. 426-427). К сожалению, в соответствующей статье в «Эфиопской энциклопедии» ошибочно указано, что 27 маггабита эфиопы отмечают «фиксированную Пасху» (см. Fritsch, Zanetti 2003, p. 671), тогда как на самом деле они это делают 29 маггабита, в Благовещение (Colin 1995, p. 434-437).

Таким образом, в хронике *алаки* Габру сохранилось уникальное свидетельство того, что фиксированные праздники Пасхального цикла действительно отмечались в Эфиопии в конце XVIII в.

масла. Посланники пробирались к царю под покровом ночной тьмы (в Эфиопии, расположенной на экваторе, как известно, очень темные ночи).

По окончании празднований царь, удрученный сложившимися обстоятельствами, принялся выстраивать новую стратегию своих действий. Он старался разузнать о планах мятежников и вскоре выяснил, что Кэнфу Аддам уже спустил с Вахни нового претендента на престол, а именно *аце* Соломона (уже упоминавшегося выше Соломона I), который предшествовал Такла Гиоргису I на троне и был свергнут в 1779 г. 19 мийазйа (25 апреля) царь вызвал к себе всех военачальников, рядовых солдат и *чева лиджоч*[137]. На этом собрании все присутствующие принесли царю торжественную клятву (своего рода присягу) в том, что они сохранят ему верность. «…и клялись именем Господа, а также *Кур‘ата Рэ’эсу* и честным крестом, а также (клялись) под страхом отлучения от церкви царскому священнику (духовнику), что не предадут они царя царей Адьям Сагада»[138].

Таким образом, Такла Гиоргис I обозначен в этой клятве тронным (царским) именем, отличным от того, какое он принял, вступив на престол. Тогда он был Фэкр Сагад, теперь стал Адьям Сагад. Необходимо отметить, что некоторые монархи из династии Соломонидов были известны под двумя или даже тремя тронными именами: Лебна Денгель (Давид и Ванаг Сагад), Василид (Сэлтан Сагад и Алам Сагад), Такла Хайманот I (Абрак Сагад, Леуль Сагад и Гэрум Сагад) и т.д.[139] В случае с Лебна Денгелем можно восстановить обстоятельства, при которых он получил второе тронное имя, означающее «Лев поклонился». Первый элемент этого имени взят из языка харари (второй, как обычно, из геэза): он отсылает нас к победе, одержанной юным Дебна Денгелем над имамом Маḥфӯẓом б. Муḥаммадом[140] в июле 1517 г., в результате которой Маḥфӯẓ пал на поле брани, а султанат Адаль со столицей в Хараре, был покорен христианским царем. В отличие от

---

[137] См. о них выше примеч. 20 к данной главе.
[138] Orient. 821, л. 458об., стлб. 1, стк 4-11; Eth. 143, л. 294об., стлб. 2, стк. 3-7.
[139] Tekle-Tsadik Mekouria 1966, p. 154-155.
[140] См. Kleiner 2007, p. 535-536, Wagner 2007.

дальневосточной традиции, где новый девиз правления заменял собой предшествующий, принятие нового тронного имени эфиопским монархом не отменяло предыдущего. В случае с Такла Гиоргисом I уместно предположить, что имя Адьям Сагад («Пределы поклонились») было ему дано в знак восхищения его победоносными военными действиями против мятежников.

Несмотря на данную клятву, не все сохранили верность царю. В этот переломный период случалось, что люди царя покидали лагерь, чтобы примкнуть к оппозиции. Положение Такла Гиоргиса еще не достаточно укрепилось, и он еще не заслужил должного авторитета среди подданных. Это и не удивительно в свете того, что за год и десять месяцев своего правления ему не удалось подавить мятежи и взять контроль над страной в свои руки.

В последующие дни вспыхнуло восстание в местечке Адди Кабай (не поддается точной локализации, возможно, в более чем 150 км на северо-восток от Гондара), население которого оказало сопротивление царскому войску, не желая его кормить и терпеть грабежи. Восстание было подавлено, деревня сожжена и многие ее жители взяты в плен[141].

Такла Гиоргис не спешил возвращаться в Гондар. Его верный соратник и талантливый военачальник, *деджазмач* Бакату, был отправлен на поиски мятежника. Царь оставался на севере страны, ожидая дальнейших известий о действиях со стороны повстанцев. 6 гэнбота (12 мая) состоялось еще одно широкомасштабное сражение, в ходе которого царское войско понесло ощутимые потери. Царь продолжал оставаться в том же месте. Теперь он дожидался вестей от *деджазмача* Бакату, который должен был вернуться со

---

[141] Стоит отметить, что в Эфиопии было недостаточно природных ресурсов, пригодных для продажи, а царской казне нужны были средства. По этой причине в стране была широко развита работорговля. Торговать могли как черным населением окраинных областей страны (в основном исповедовавшим языческие верования), для захвата которого организовывались специальные рейды, так и людьми, захваченными в плен во время военных походов. Работорговля являлась одним из основных источников притока средств в казну.

дня на день. Время шло и Такла Гиоргис, измученный ожиданием и бездействием, возобновил продвижение своего войска и направился обратно, в сторону столицы, что означало скорую встречу с мятежниками. 11 гэнбота (17 мая) он дошел до Адди Кабай, и двинулся дальше. В войске начало возникать недовольство, вызванное неопределенностью сложившегося положения и неясными перспективами для монарха, что вскоре привело к новым волнениям. Солдаты стали открыто дерзить своим командирам, и царю приходилось вмешиваться и наказывать такое неповиновение. Через несколько дней царь получил весть о приближении *деджазмача* Бакату. 16 гэнбота (22 мая) царь сделал привал в Зарема, на полпути до Гондара. Затем он добрался до Деба Бахр, где люди радушно приняли его и щедро накормили его войско. В хронике сообщается, что 18 гэнбота (24 мая) Такла Гиоргис пешком поднялся на скалу Ламалмо и осматривал окрестности. Он явно нервничал перед предстоящим столкновением с противниками. Стало известно, что Кэнфу Аддам уже покинул Вагара, территории, примыкающие с северной стороны к Гондару, где он пребывал последнее время, и направился в ту сторону, откуда приближалось царское войско. Дистанция между ними стремительно сокращалась. Можно только предположить, какие чувства обуревали Такла Гиоргиса, когда он с высоты осматривал окрестности и не находил взглядом ни вооруженные отряды противника, ни войско своего соратника, чья судьба была ему неизвестна.

Такла Гиоргис стремительно приближался к Гондару. В тот же день он добрался до Дабарека, где к нему присоединился *акабе саат* Такла Хайманот. Здесь они решили ожидать вьючных лошадей, которые должны были доставить войско и поклажу в столицу. Волнения в стане царя продолжались.

В следующую ночь в лагерь пробрался некий человек, который объявил себя бежавшим с поля боя. Он предстал перед Такла Гиоргисом и сообщил ему радостную новость. По его словам, днем раньше в местечке Марьям Ваха состоялось сражение между *деджазмачем* Бакату и Кэнфу Аддамом, в ходе

которого мятежник был разбит и взят в плен вместе со своим сподвижником Ефремом. Тогда, поверив пришельцу, царь возрадовался и послал гонцов к различным сановникам с доброй вестью, а сам отправился в Гондар. Противник был наголову разбит. Царь вернулся из похода, который занял у него около четырех с половиной месяцев, за которые он преодолел в общем около 800 километров пути вместе со своими воинами, лошадьми и вьючными животными, нагруженными различной утварью.

Стоит отдельно остановиться на численности войск, которое ни *алака* Габру, ни другие хронисты этого смутного времени, как правило, не указывают. Единственное упоминание числа дружинников, и то в аллегорическом смысле, называет 1000 человек как очень большое полчище[142]. Следовательно, рядовая армия, насчитывала меньшее количество людей. Кроме того, все войско Гадлу поместилось на столовой горе, а Такла Гиоргис сумел ее осадить, но не без труда. Вряд ли речь шла о многотысячных полчищах. Скорее, это были отряды в несколько тысяч человек.

На данном этапе экспедиции успех Такла Гиоргиса был налицо. Большая часть мятежников была схвачена. Верный ему *деджазмач* Бакату и многие другие военачальники приносили новые многочисленные «трофеи» и добрые вести о победах и подавлении мятежей. Торжественно привели мятежников, которые несли над головами камни в знак покорности и подчинения монарху. Затем, в торжественной обстановке, под восклицания народа и песнопения священнослужителей, Такла Гиоргис вошел в царский дворец. Так закончилась первая экспедиция «царя царей Такла Гиоргиса, вместилища милости и терпения; слава Господу, который спас нас от руки безжалостного врага, во веки веков, аминь»[143].

Чтобы понять, почему столкновения с мятежниками и этот военный поход Такла Гиоргиса происходили или в непосредственной близости от

---

[142] См. выше примеч. 83.

[143] Orient. 821, л. 460об., стлб. 3, стк 15-22; в Eth. 143 (л. 296, стлб. 1, стк. 4-5) о том же самом сказано более кратко.

Гондара, или на севере Эфиопии, в регионе Валкайт, необходимо рассмотреть политическую ситуацию в стране, а именно региональную специфику эпохи феодальной раздробленности. Как известно, столица находилась в Гондаре, севернее озера Тана; именно там возникало противостояние и шла борьба за гегемонию в стране (точнее, в столице и на подконтрольных царям территориях) между монархами и влиятельными феодалами. В это время иная ситуация сложилась в области Шоа, южнее озера Тана, в регионе, в котором через чуть более чем сто лет Менеликом будет основана новая столица государства Аддис-Абеба. Строго говоря, Эфиопия уже к началу XVIII в. разделилась на два лагеря с собственными центрами: Гондарская монархия с одной стороны и независимая провинция Шоа, с другой.

Шоа, сумев сконцентрировать значительное количество материальных средств и, прежде всего, оружия, и превратиться в своего рода отдельное царство внутри страны со своими собственными правителями, которых называли *нэгусами* «царями», мирным путем добилась политической независимости от Гондарской монархии. Оно просуществовало в качестве такового до конца XIX в. Так, в этот период можно проследить настоящие династии правителей Шоа, среди которых были весьма влиятельные и богатые феодалы. Во многом обогащению Шоа помогло ее стратегически выгодное географическое расположение вблизи мусульманских султанатов и на основных торговых путях, ведущих во внутренние районы континента и, в частности, в Гондар. Такла Гиоргис I стал также последним гондарским монархом, которому удалось собрать налоги с этой провинции в ходе наступившей эпохи политической раздробленности[144]. Поэтому, с одной стороны, ни недавно находящийся у власти царь, ни местные феодалы не хотели портить сложившиеся сбалансированные отношения с сильным и независимым соседом, с другой стороны ни у кого из них не было такого

[144] См. Nosnitsin 2010c, p. 556.

количества материальных и военных ресурсов, как у правителей Шоа, и любая агрессия могла привести к опасному дисбалансу власти в стране.

Из выше приведенного повествования о победоносном вступлении Такла Гиоргиса в Гондар можно судить о том, что он добился (пусть и ненадолго) признания как у придворных, так и среди народа. Почему же после продолжительного периода, когда страной фактически правили местные феодалы, а цари подчинялись их воле, именно Такла Гиоргису I удалось взять в свои руки власть и управление государством?

Прежде всего, это связано с субъективным фактором. Во-первых, ушла с политической сцены одна из сильнейших личностей в истории Эфиопии позднего средневековья, а именно *рас* Михаил Сэхуль. Будучи талантливым стратегом как в политических, так и в военных делах, он отличался хладнокровием и властолюбием. С легкостью положив конец Гондарской монархии как реальному центру власти, он не стремился заменить ее ни другой династией, ни другой формой правления.

Возможно, если бы *рас* Михаил сохранил свое влияние или его место занял другой человек такого же сильного характера и острого ума, Такла Гиоргису I не удалось укрепить свои позиции на престоле. Но, в 1771 г., потерпев поражение в битве с Ванд Бавасаном и *расом* Гошу (будущим сторонником Такла Гиоргиса) и находясь уже в преклонном возрасте (около 80 лет), он был посажен под арест на год, а затем послан в область Тигрэ в качестве наместника, где он и скончался в 1777 (или 1778) г.

Кроме того, большую роль в успешном начале царствования Такла Гиоргиса I сыграл сам Такла Гиоргис. Во-первых, на заре своей «карьеры» он заключил выгодный для себя брак с *вейзаро* Энкой Лул (точнее, взял ее в наложницы), вследствие чего породнился не только с ее братом, *деджазмачем* Бакату, но и с его тестем, *расом* Гошу, двумя наиболее влиятельными фигурами в стране, сильными военачальниками и талантливыми политиками. По всей видимости, именно их поддержка сыграла решающую роль в успехе предприятий молодого монарха.

Изначально казалось, что Такла Гиоргис не отличался ни силой характера, ни смелостью, что неудивительно для сложившейся в стране ситуации. Он был спущен с Вахни совсем молодым в июле 1779 г. и постоянно опасался скорой расправы. Через семь месяцев, в январе 1780 г. он возмужал и нашел в себе силы взяться за организацию своего собственного будущего и будущего страны. В сущности, у него не было выбора. Ему оставалось либо превратиться в такую же марионетку, как и его предшественники на троне, и пассивно ждать, когда сильные мира сего отправят его обратно на гору Вахни или, еще хуже, удушат, как царя Иоаса I, либо попытаться действовать и взять инициативу в свои руки. Так он и поступил. Набираясь опыта, сил и храбрости, уже в начале 1781 г. Такла Гиоргис бросил открытый вызов мятежникам, командовал собственной армией и пользовался авторитетом у церковных иерархов, в частности, у митрополита Эфиопии[145] и *эччеге*. Кроме того, Такла Гиоргис I действительно обладал реальной властью в Эфиопии. 1780 и 1781 годами датированы две дарственные, согласно которым Такла Гиоргис отдал земли в районе Гведан *баджеронду* Езекии, а также *деджазмачу* Валда Габриэлю Зогга, Масканеч и Бафаранават (за помощь в военном походе), земли Гунна (за то, что тот содействовал его восхождению на трон, после своего (Валда Габриэля) освобождения из девятилетнего оромского плена), Дабер, Ганта, Данкор и Андабет (чтобы отделить этими землями христиан от оромо после того, как митрополит и *эччеге* произнесли анафему), а также Кань Догамо и Гэра Дагамон (земли его отца Иоанна II)[146].

И все же, судя по отзывам о нем царского историографа *алаки* Габру, приближенного царя, он еще сомневался в успехе, пребывал в нерешительности, часто впадал в своего рода депрессивное состояние, страдал затворничеством. Все изменится позже, когда меньше, чем через два года, в конце мая 1781 г. он одержит победу над мятежниками. К этому

---

[145] О митрополите Эфиопии см. **Экскурс 4**.

[146] Оба документа см. в Haddis Gebre-Meskel 1992, p. 155 (английский перевод), p. 288 (эфиопский текст).

времени он станет сильным главой государства, который через некоторое время бросит вызов воинственным племенам оромо.

2. *Походы Такла Гиоргиса I в земли оромо*

Со второй половины XVI в. Эфиопское христианское царство, как, впрочем, и мусульманские государственные образования на Африканском Роге столкнулись с мощной экспансией племен оромо (галла, галласов), продолжавшейся в течение более чем двух столетий[147]. Постепенно знать этой кушитоязычной народности оказалась инкорпорирована в политическую структуру этой страны. Так, Иоас I, один из предшественников Такла Гиоргиса I на троне, был сыном Иясу II и Вэбит, дочери одного из вождей оромо. Известно, что Иоас I говорил на их языке. При дворе, и на гондарских площадях нередко можно было услышать оромскую речь.

Эфиопские монархи, как в собственных, так и в государственных интересах, заключали браки с женщинами из этих племен, что позволяло удерживать политическое равновесие в стране. Гарнизоны, состоящие из оромо, постоянно стояли в столице. Крупные феодалы также использовали оромо для достижения своих целей, расшатывали политическую ситуацию в стране и, пользуясь моментом, ставили на трон марионеточных царей под прикрытием многочисленных и энергичных оромо.

Тем не менее, не все представители оромо, исконно воинственных племен, совершавшие набеги на христианское население Эфиопии, были лояльны христианскому монарху. Несмотря на династические браки и заключения союзов, грабеж населения продолжался. Такла Гиоргису I, как и его предшественникам начиная с царя Лебна Денгеля, пришлось вести борьбу с разбоем оромо. Это ознаменовало начало очередного этапа царствования этого монарха, прошедшего под эгидой новых военных

---

[147] Впоследствии, в ходе новой и новейшей истории Эфиопии, этот народ окажется отодвинутым на задний план политической сцены и будет вести долгую борьбу за свои права в объединенном государстве.

походов, предпринимавшихся на сей раз в рамках этнополитического противостояния с несемитским населением Африканского Рога.

В земли оромо Такла Гиоргисом было организовано 2 похода. Первый не имел отношения к этому народу, а преследовал все ту же цель покорения мятежников. Он проходил на северной окраине провинции Шоа, южнее озера Тана. Вторая же экспедиция, на этот раз в земли Волло и Вучале[148], стала настоящим походом против язычников.

Следующие за победой над мятежниками полгода никак не отражены в хронике Такла Гиоргиса. Повествование возобновляется 14 тэкэмта (22 октября 1781 г.), в тот день, когда из-под стражи сбежал Кэнфу Аддам. У него было два сообщника из стана царя, которые были, как подобало, наказаны за организацию этого побега (одному из них отрубили руку и ногу, другому только руку). Мятежник укрылся в земле оромских племен меча (мачча), расположенной к юго-западу от озера Тана, на западных границах Шоа. Царь собрал свое войско и уже 24 тэкэмта (1 ноября) отправился в карательную экспедицию, получив благословление от митрополита Иоасафа. Судя по всему, царь торопился, так как поход был организован второпях (хронист, например, замечает, что в путь не было взято достаточное количество провизии). В Гондаре царь предусмотрительно оставил следить за порядком «своего» человека, *рас*а Айадара. Было решено отправиться в земли меча самым коротким путем, обогнув озеро Тана с запада. Первый привал был сделан в местечке Адарджэха[149]. На следующий день он прибыл в Бача, откуда послал за *азажем* земли меча, то есть наместником и ставленником царя. Эти земли располагались на севере провинции Шоа. Там к царю присоединились многие высокопоставленные сановники, *афа нэгус* Васе, *лика макуас* Кэнфу, а также *алака* Габру. Этот последний по занимаемой им должности мог не участвовать в походе, и, к тому же, он был настоятелем дворцовой часовни (*сээль бет*). Тем не менее, он решил

---

[148] Этнотопоним. См. карту 3 к диссертации.
[149] Населенный пункт около 20 км на юго-запад от Гондара.

сопровождать своего господина в этом опасном мероприятии, «приступив закон ради закона»[150]. Он принес с собой *Кур‘ата Рэ’эсу*, которая сопровождала Такла Гиоргиса в его первом военном походе. Совершая обход озера Тана с запада, царское войско 31 тэкэмта (7 ноября) встало лагерем в селении Гой, на берегу озера напротив острова Бата.

В это время царь послал на поиски мятежников свои отряды. *Фитаурари* Иконьян, предводитель одного из таких отрядов, вернулся в лагерь и сообщил, о состоявшемся сражении. В результате, два мятежника были разделены и отступили один на запад, другой на восток. В следующие дни, когда царь продолжал наступление, пришла весть о том, что Адара Хайлу был схвачен. Через неделю царское войско уже обогнуло озеро Тана и некоторые отряды продвинулись до местечка Гута, где отряд *деджазмача* Адэгаха потерпел поражение и к царю вернулась лишь небольшая группа воинов. Таким образом, менее, чем за 10 дней войско прошло около 200 километров пути. Стоит отметить, что с южной стороны от озера Тана начинается более равнинный ландшафт, по которому легче передвигаться.

В лагере царя собрались важные особы; кроме того, пришло много людей из племен меча, чтобы выразить свою покорность царю. Такла Гиоргису I на данном этапе была как никогда кстати покорность местного населения. Прибыл *фитаурари* Иконьян и передал Такла Гиоргису плененного Адара Хайлу. Мятежник преклонился перед монархом и просил помиловать его. Царь в этот торжественный момент был тронут и простил его. На следующий день царь долго размышлял в одиночестве и 12 хэдара (19 ноября), в день памяти архангела Михаила, устроил пир. Было забито большое количество скота, приглашены к столу два царских секретаря, досыта накормлены монахи. Своим судьям он выделил каждому по корове. Но 13 хэдара (20 ноября) вечером праздничное настроение было омрачено ссорой между несколькими людьми царской ставки, в результате которой три человека были убиты и многие ранены. Начались сильные беспорядки в

[150] Orient. 821, л. 461, стлб. 3, стк 13-14; Eth. 143, л. 296, стлб. 2, стк. 3-4.

лагере, с которыми никто не мог справиться. Царь был удручен неблагоразумным поведением своих подданных и весь следующий день не покидал своего шатра и не вкушал пищи. 15 хэдара (22 ноября) Такла Гиоргис в гневе покинул свой шатер и побил палкой тех, кто, как стало известно, воровал скот у местного населения. Кроме того, один оромо напал на слугу царя, убил его и сумел сбежать. Это происшествие повергло царя в еще большую печаль. На следующий день царский лагерь был разбит в Дубани. В последующие дни царь устроил суд над теми, кто крал скот у бедняков и виновные были наказаны. Затем царь распустил всех людей агау и приказал им возвращаться в свою страну для уплаты налога. Остальным же он наказал идти в церковь. Затем он даровал многим из них прощение и 25 хэдара (2 декабря) вновь устроил пир для высокопоставленных особ из своего лагеря и, в частности, для тех, кого он простил. Судя по всему, ему казалось, что он смог добиться порядка в лагере и старался пиром задобрить непокорных и вспыльчивых подданных. Планам его вновь не суждено было сбыться. Вместо того, чтобы искать второго бежавшего мятежника, люди вели себя непристойно, выясняли между собой отношения и творили бесчинства. Вечером в царском лагере началась стрельба. Несколько человек были ранены. После некоторого промедления[151] царь повернул обратно в Гута. Из-за беспорядков в лагере, произошедших в его отсутствие, погибло немалое число людей.

Царь прохворал до 16 тахсаса (23 декабря). Он допускал к себе только гонцов и домочадцев. 17 тахсаса (24 декабря) он принял посланцев из Гондара и Тигрэ, на следующий день прибыл *рас* Хайлу со щедрыми дарами для царя. Вскоре царь вознаградил его за заслуги перед отечеством

---

[151] По словам хрониста, Такла Гиоргис был недоступен какое-то время из-за того, что он принимал лекарство. Скорее всего, он лечился листьями *косо*, одним из немногих доступных средневековым эфиопам лекарственных средств, получившим самое широкое распространение. В связи с тем, что эфиопы повсеместно употребляли в пищу сырое мясо, многие страдали желудочно-кишечными паразитами. От них-то и лечились приемом внутрь *косо*, после чего больной чувствовал слабость и общее недомогание и был вынужден в течение двух-трех дней соблюдать постельный режим.

почетными одеждами. Царь начал активные переговоры со своими соратниками и 19 тахсаса (26 декабря) был вынесен смертный приговор изменнику Адара Хайлу, брату и сообщнику Кэнфу Аддама, некогда занимавшего высокую должность *деджазмача* Годжама. Но после недолгого раздумья царь помиловал его. Он продолжил путь и в следующие дни прошел через Дубани и Ашра до Келти, а затем до реки Чэка, куда он прибыл 27 тахсаса (3 января 1782 г.). Затем он тронулся в Ачара, а после в Барча. На протяжении этого времени к нему прибывали важные гости, священнослужители, монахи и народ встречали его радушно. На протяжении всего этого пути войско не получало провизии. Это было сделано осознанно: Такла Гиоргис решил таким образом наказать воинов за непристойное поведение и раздоры, приведшие к человеческим жертвам. 28 тахсаса (4 января) он прибыл в Робит, местность, граничащую с Гондаром. Так он вернулся в столицу. Его встречали придворные, сама царица, мать Такла Гиоргиса I, народ ликовал. К тому времени, по всей видимости, мятежник Гадлу примирился с царем, и ему был дан титул *деджазмача*. Он прислал Такла Гиоргису огнестрельное оружие. Так закончилась карательная экспедиция в земли меча, более похожая на показательное мероприятие для демонстрации своей силы и мощи. Длился поход около двух месяцев.

Царь провел сезон дождей в городе. В это время у него возник конфликт с *деджазмачем* Бакату из-за некого дела, связанного с *баламбарасом* Голджа, который в это время нашел прибежище в Вальдеббе, после того, как царь лишил его должности в пользу *деджазмача* Бакату. В это время ко двору прибыли арабы из Сеннара, принеся царю дары (лошадей и мулов). Судя по всему, речь идет о послах султаната Фунг, который упоминается далее по тексту хроники[152]. Прибытие этого посольства указывает на то, что Такла Гиоргиса I признавали законным царем и за пределами Эфиопии. Особое значение это имеет в связи с Суданом, с которым Эфиопия традиционно поддерживала более или менее дружеские отношения и через

[152] См. ниже примеч. 226.

территорию которого проходили как ее торговые караваны, так и посольства в Египет с прошениями прислать новых митрополитов. Кроме того, в этот же период прибыл еще один араб с дарами к царю и также не остался без награды. Появился и *деджазма*ч Гадлу, теперь сторонник Такла Гиоргиса. Царь был добр с ним и пожаловал ему наместничество над землями Валкайт[153].

До царя дошли слухи о том, что Кэнфу Аддам, чей побег 14 тэкэмта (22 октября 1781 г.) послужил поводом для военного похода в земли меча, в ходе которого он так и не был пойман, вышел из местечка Сетья, где он укрывался, и направляется в сторону столицы. Наперерез ему были направлены верные люди Такла Гиоргиса, которым удалось его схватить. 6 сане (11 июня) царь в сопровождении многочисленных сановников и старейшин отправился туда. За этот день они дошли до Фантара (местечко чуть южнее Гондара). Тогда его приближенные вновь начали конфликтовать друг с другом, а в довершение всех бед пришла весть о новом широкомасштабном восстании, организованном Кэнфу. Царь решил незамедлительно предпринять новый военный поход. 7 сане (12 июня) он вышел из Фантара и двинулся дальше на юг. В Ферка к нему присоединился царский историограф *алака* Габру. Когда они прибыли в Ламге, к ним примкнул *деджазмач* Езекия. Ссылаясь на сведения, полученные от случайно встреченного им купца, он сообщил, что *деджазмач* Адэгах (один из военачальников царя) и *фитаурари* Иконьян, тот, кто в первом походе Такла Гиоргиса вел переговоры с Гадлу, одержали победу над Кэнфу Аддамом, и многие пали в этой трудной битве. Это известие подтвердили и другие приближенные царя. В ставке воцарилось торжество, и царь несколько дней простоял лагерем в Авара, принимая гостей.

Затем, к 15 сане (20 июня) Такла Гиоргис дошел до Аббая (Голубого Нила). В селении Ачабар он разрушил дома, принадлежащие Кэнфу, чтобы использовать строительный материал для возведения церкви. То, что

[153] Земли к северу от Гондара.

осталось, царь сжег. 18 числа (23 июня) его войско вновь дошло до реки Аббай. Согласно планам Такла Гиоргиса, ему и его людям нужно было переправиться на другой берег. Традиционно в Эфиопии реки переходили вброд вместе со скотом и лошадьми. Хронист сообщает, что они достигли реки в половодье. Это и не удивительно. Дело происходило в июне, а в это время в Эфиопии начинается сезон «больших дождей». В результате, во время переправы много людей и животных утонуло. Царь встал лагерем прямо на берегу реки. Причин этому было две: запас воды и безопасность его людей: окрестные территории хорошо просматриваются с берега и противник не мог подойти незамеченным.

К этой части повествования относится первое упоминание о встрече царя с народом оромо: «В этот день они убили много крестьян оромо и захватили богатую добычу, людей и скот»[154]. Это было первое в жизни Такла Гиоргиса I вооруженное столкновение с воинственными оромскими племенами, причем царь не был агрессивно настроен против этого народа. Более того, сам он не участвовал в битве и не был ее инициатором. Его войско самовольно вступило в бой. Царь тут же приказал вернуть награбленное и отпустить пленных. Он был удручен этим конфликтом так как, судя по всему, не желал враждовать с этим традиционным для Эфиопии противником. В это время царю подсказали иной способ переправы через реку с помощью колес (?), которым он поспешил воспользоваться 19 сане (24 июня). Остается неясным, зачем Такла Гиоргис со всем войском ценой человеческих жертв за два дня переправился туда и обратно через эту достаточно полноводную реку. Тотчас же к реке было стянуто много дополнительных отрядов.

На следующий день царь двинулся в путь и встал лагерем в Дангэла[155]. Значительная удаленность этого населенного пункта от реки Аббай

---

[154] Orient. 821, л. 465об., стлб. 3, стк 24 – л. 466, стлб. 1, стк. 2; Eth. 143, л. 298об., стлб. 2, стк. 33 – л. 299, стлб. 1, стк. 2.

[155] Населенный пункт в 85 км. к юго-востоку от современного города Бахр Дар, расположенный на одном из основных путей, на юг Эфиопии (ныне – шоссе, соединяющих Гондар, Бахр дар и Аддис-Абебу).

заставляет усомниться в том, что именно эту реку переходил царь со своим войском. Мог ли он за один день преодолеть дистанцию, по меньшей мере, в 80 километров? Можно предположить в качестве альтернативы, что он переправился через другую реку, Бэлгал Аббай, протекающую примерно в 30 километрах от Дангэла. Там царь отдыхал весь следующий день, когда до него дошла весть о том, что Кэнфу Аддам был схвачен. Такла Гиоргис незамедлительно двинулся в путь и прошел через селения Адабе и Амбаса Гама. К царю приходили многочисленные военачальники с трофеями. Кроме того, его посетили местные священники из церкви Нарга Селласе, расположенной на островке Нарга[156], приверженцы ефстафианства[157], и из монастыря Дага Эстифанос с острова Дак, которые преподнесли Такла Гиоргису мощи царя Зара Якоба (1434-1468)[158]. Царь щедро наградил их за этот дружественный жест. Впоследствии, он остался наедине с этой святыней в своем шатре и молился.

28 числа (3 июля) в царскую ставку привели Кэнфу Аддама и много влиятельных людей из меча, взятых в плен. Все они церемониально несли камни над головами. Дойдя до Такла Гиоргиса, они бросили камни ему в ноги в знак покорности, и царь возрадовался великой радостью, так как была достигнута цель его военного похода. Второй раз он созерцал своего заклятого врага, униженно преклоненного перед ним. Последовал суд над организаторами и участниками мятежа. Осужденные в страхе признавали свою вину. Царь вынес им смертный приговор. Мятежники возопили и молили о пощаде. Тогда сердце Такла Гиоргиса в очередной раз смягчилось. Он приговорил их к отрубанию ног, а Кэнфу Аддама и Андаяла, главных заговорщиков, велел заковать в цепи. Только несколько человек получили прощение и избежали жестокого наказания.

---

[156] Этот островок с запада примыкает к острову Дак. Иногда его ошибочно идентифицируют как более крупный остров к востоку от острова Дак (например, в Bosc-Tiessé 2007), на котором расположен монастырь Дабра Эстифанос.

[157] Церковь была основана и долгое время поддерживалась царицей Ментевваб.

[158] Считалось, что мощи этого праведного царя благословят царствование Такла Гиоргиса.

29 сане (4 июля) Такла Гиоргис со своей свитой отправился в путь и встал лагерем в Санкара[159]. Некоторые из приближенных к царю военачальников и сановников не последовали за ним, а отправились напрямик в Гондар. Царь же направился другой дорогой и поочередно проследовал через такие населенные пункты как Бомба[160], Галимата Варка, Бабаха, Барча, Кобит. 6 хамле (11 июля) Такла Гиоргис вернулся в Гондар. Первым делом царь приказал в качестве наказания отрубить правую руку и левую ногу мятежнику Андаялу, приведенному вместе с царским войском в столицу. Двух других, Адэра Хайлу и Кэнфу Аддама было решено ослепить, дабы они не могли более участвовать в мятежах. Так, казалось бы, были устранены все основные противники, которые препятствовали Такла Гиоргису I стать полноправным царем Эфиопии.

По окончании этой военной компании царь, наконец, смог взяться за наведение порядка в государстве. Такла Гиоргис I был инициатором некоторых реформ, в частности он издал указ: «отныне будут сняты со священников все сборы, которые с них взимались в пользу сановников и митрополита»[161]. Таким образом, он отменил «налоги», которые тяжелым грузом лежали на священнослужителях этой обители, и так по преимуществу нищих. Он щедро одарил монастырь Дабра Табор земельными наделами. В сущности, теперь им принадлежали значительные земельные наделы в окрестностях Гондара.

Затем началось относительно спокойное для Эфиопии время, которому, к сожалению, не суждено было продлиться долго. Уже в следующую зиму до царя дошла информация о том, что в Бегемдер прибыл *рас* Али, влиятельный феодал, которому суждено будет сделать значительный вклад в усиление центробежных тенденций в развитии страны. Это известие взволновало Такла Гиоргиса, ибо он знал о могуществе этого человека и опасности,

---

[159] Одноименное местечко расположено к юго-западу от мыса Рас Аббай на озере Тана.

[160] Населенный пункт на реке Такказе. Идентичное название носит населенный пункт недалеко от Харара. Скорее всего, это совпадение.

[161] Orient. 821, л. 467об., стлб. 1, стк 13-17; Eth. 143, л. 299об., стлб. 2, стк. 33 – л. 300, стлб. 1, стк. 1.

которую он может представлять. Он незамедлительно послал к нему гонца с просьбой подчиниться и угрозами на случай отказа. В конце октября Али прибыл в Гондар и предстал перед монархом. Обрадованный, царь щедро одарил его и дал ему почетный титул *баламбараса*[162]. Мог ли кто-либо тогда предполагать, что в недалеком будущем *рас* Али сыграет роковую роль в судьбе самого Такла Гиоргиса I.

На этой радостной ноте повествование прерывается чуть более, чем на год и возобновляется с организацией новой военной экспедиции.

3. *Поход Такла Гиоргиса I в земли Волло и Вучале и завершение его первого царствования*

Земли Волло и Вучале находятся на расстоянии около 400 км на юго-восток и на восток от Гондара. Экспедиция началась 7 хэдара 1776 г. (14 ноября 1782 г.)[163], на четвертый год правления Такла Гиоргиса I. Он покинул Гондар вечером, оставив вместо себя в столице раса Айадара, который, кроме того, должен был следить за строительством новой церкви, посвященной Богородице[164]. Судя по тому, что во время затишья между военными походами Такла Гиоргис занимался возведением церквей, время было действительно спокойным, а царь старался оставить след в истории своей страны и взыскать расположение Церкви.

Традиционно, перед началом описания военного похода хронист перечисляет поименно всех сановников и военачальников, отправившихся в путь с царем. Первая остановка на привал была сделана в Цада[165]. 8 числа (15 ноября) царь продолжил путь и встал лагерем в Гораба[166]. 9 хэдара

---

[162] См. о титулах и должностях **Экскурс 3**. Замечательно, что несмотря на это назначение, в хронике Али будет по-прежнему именоваться *расом*.

[163] В рукописи Orient. 821 дата указана неверно (1777 г), что не соответствует хронологии событий. В рукописи Eth. 143 значится 1770 г. (опущена последняя цифра). Следует считать, что начало похода выпало на четвертый год правления Такла Гиоргиса, то есть на 1776 г. по эфиопскому летоисчислению. Стоит отметить, что числительные 6 и 7 графически похожи (፮ и ፯) и переписчик мог перепутать их.

[164] Об основании этой церкви упоминается в краткой хронике. См. Тураев 1911, с. 272.

[165] Одноименная амба существует в Эритрее, недалеко от г. Кэрэн, на реке Мараб.

[166] Населенный пункт Гондарабо (Корабба) расположен на юго-востоке от Гондара.

(16 ноября) он добрался до местности Энфэраз[167]. Здесь к нему присоединились священники, которые принесли в лагерь икону *Кур‘ата Рэ’эсу*. Затем царь поднялся на *амбу* Марьям[168], где он собрал дополнительные войска, и к 13 хэдару (20 ноября) прибыл в Карода. Впереди предстоял долгий и трудный путь по горным дорогам. Дабы сотворить доброе дело перед этим походом, Такла Гиоргис послал глашатая сказать, что все, кто искал укрытия в монастыре Дабра Мэцраха, были им помилованы и прощены. Кроме того, всем, кто сопровождал царя в походе, было строго наказано не грабить крестьян, ибо даже за один колос зерна их ждало строгое наказание. 15 числа (22 ноября) он вышел из Амад Бор и встал лагерем в Цагуар. Царь все еще медлил с отправкой. К нему собирались люди, кто попрощаться, кто дать благословение, другие, чтобы идти сражаться бок о бок с царем. Наконец, 21 хэдара (28 ноября) *деджазмач* Адэгэх и *фитаурари* Иконьян отправились вперед со своими отрядами. 22 хэдара (29 ноября) прибыли новые отряды. Затем царь встал лагерем в Вахэр (местечко восточнее монастыря Дабра Табор).

В этой экспедиции Такла Гиоргис, как и подобало царям, шел с парадным пурпурным шатром с золочением, которое сияло на солнце. «И начертили они на щитах своих железных крест, как делалось при честном царе Константине, и было это знаком, что скоро падут язычники и обретут жизнь верующих»[169]. Рас Хайлу преподнес Такла Гиоргису большое количество мулов для его похода. Наместники различных областей и земель соревновались, кто первый пойдет в бой. Из всех этих торжественных и тщательных приготовлений видно, что не сам царь, а вся страна готовилась к походу против язычников. Этот поход имел значение уже не лично для царя и его приближенных, но для всего государства. Люди к концу XVIII в. еще сохранили в памяти походы великих царей Эфиопии на окраинные территории против многобожников с целью их крещения и приобщения к

---

[167] Расположен около 60 километров к юго-востоку от Гондара.
[168] Расположена южнее монастыря Дабра Табор.
[169] Orient. 821, л. 469, стлб. 2, стк 24 – стлб. 3, стк 7; Eth. 143, л. 301, стлб. 1, стк. 1-4.

христианской вере и присоединения новых территорий. Государство в Эфиопии на протяжении всей ее истории было тесно связано с Церковью, а фигура царя имела сильную сакральную коннотацию. Как известно, религия, с момента принятия в этой стране христианства в IV в., играла центральную роль во всех сферах жизни ее народа. Как когда-то, так и теперь Эфиопская Церковь, наравне с царской армией, являлась одним из основных орудий в политике завоевания новых земель и, таким образом, расширения границ государства путем обращения в христианство населяющих их народов и их последующего сохранения в составе Эфиопии.

25 хэдара (2 декабря) царь вышел из Вахэр и встал лагерем в Кэмэр Дангая, а затем в Машаламья. Здесь священники из Зур Амба устроили ему пышный прием. 28 числа (5 декабря) царь прибыл в Нафас Мавуча, оттуда он в тот же день вышел в одиночку (только со своими личными отрядами и стражей) пеший и остановился в Бет Меда. Войско же пошло дорогой дальше через горы и многие погибли, упав в пропасть. Затем он прошел через Чат Вэха и Анчим (точное местоположение этих населенных пунктов установить не удалось). Отсюда царь послал одного из своих военачальников в землю Вадла, так как стало известно, что в недавнее время ее жители вошли в сговор с мятежниками. Затем войско проследовало через Йаная и Бета Хор (точной локализации пока не поддается). Кроме того, вперед были посланы *деджазмач* Бато и *деджазмач* Валда Габриэль со своими воинами. Царь пытался решить вопрос мирным путем, переманить жителей Вучале и Волло на свою сторону и заручиться их расположением. С этой целью он издал указ по которому все жители этих земель, которые пойдут за двумя вышеупомянутыми военачальниками, будут прощены.

В лагерь изо дня в день приходили с докладами военачальники царя. Битвы с племенами оромо уже шли полным ходом. Некоторые одерживали победы, другие отступали и приносили Такла Гиоргису печальные вести о потерях со стороны царского войска. 18 тахсаса (26 декабря) к царю привели многих вождей, отказавшихся покориться. В таких случаях устраивался суд,

на котором царь и его приближенные советовались и выносили свой вердикт. В данном случае был вынесен смертельный приговор, но царь смиловался и приказал заковать их в цепи. Основанием для такого решения стала позиция Такла Гиоргиса в отношении неверных. Он предпочитал убедить их принять христианскую веру.

Религиозная толерантность, свойственная политике Такла Гиоргиса I, резко контрастирует с гораздо более жестким курсом, которого стали придерживаться правители страны, попытавшиеся восстановить ее единство во второй половины XIX в. При царе Феодоре II, первым в череде трех великих объединителей Эфиопии, многие фалаша перешли в христианство, по всей видимости, в результате его суровой религиозной политики, направленной на обращение в христианство иноверцев. Оставшиеся же стали первыми, у кого появилось намерение выехать в Палестину, воспринимавшуюся ими как земля их праотцев, где, по их мнению, они могли бы свободно исповедовать свою религию. Продолживший дело Феодора II Иоанн IV (1872-1889) в 1875 г. под предлогом войны с Египтом издал указ о том, что все мусульмане в его владениях должны в течение трех лет принять христианство или покинуть страну (для язычников этот срок был увеличен до 5 лет). В итоге к 1880 г. в христианство насильственно было обращено от 10 000 до 20 000 приверженцев ислама, и примерно такое же число мусульман покинуло страну[170].

Личность Такла Гиоргиса I и его правление оставили глубокий след в сердцах эфиопов. Его вспоминали с ностальгией и одобряли его политику. Не случайно пришедший к власти во второй половине XIX в., непосредственно после Феодора II, Гобазе, которому, впрочем, не удалось задержаться на троне, активный борец за объединение и восстановление Эфиопии, получил тронное имя Такла Гиоргис II, несомненно, в честь Такла Гиоргиса I. Это еще раз подтверждает значение этого монарха и его заслуг перед страной и народом. Символизм такого рода, находивший свое

[170] См. Французов 2010.

отражение в царской ономастике, был свойственен Эфиопской монархии гондарского периода. Царский историограф на листах хроники сравнивает Такла Гиоргиса I с Александром Македонским и называет его «вторым Феодором», мессианским правителем, упоминаемым в эфиопской апокалиптической литературе[171]. Таким образом, не обошлось это описание и без миллиониаристической идеи, по которой праведный царь воскреснет в Судный День, спустится на Землю и в мире наступит период справедливого царствия. Автор хроники явно указывал и стремился внушить читателю, что на эту роль может претендовать, в соответствии со своими добродетелями Такла Гиоргис I.

Вскоре с обращением к царю пришли его советники (религиозные деятели), среди которых был и автор хроники *алака* Габру. Они просили выслушать их наедине и поведали, что царское войско осыпает бранью военачальников и царского секретаря и не желает переходить реку Джита (один из восточных притоков Аббая). Люди боялись идти в страну язычников. Царь был раздражен и разгневан. Дисциплины в царском войске добиться так и не удавалось, да и военачальники ссорились между собой и пускали в ход оружие даже в царской ставке. За это они должны были представать перед судом прямо у входа в царский шатер. Царя отвлекли от этих проблем только наступившие празднования Рождества Христова и Крещения, сопровождающиеся посещениями церкви и пирами.

21 тэрра (17 января 1783 г.) стало известно о приближении к царской ставке *деджазмача* Валда Габриэля. Царь приготовился к встрече с ним, но на удивление всей ставки к вечеру раздались выстрелы, которые не сулили добрых вестей. На самом деле, *деджазмач* Валда Габриэль к тому времени не уплатил царю дань, но Такла Гиоргис решил дать ему шанс и не пошел на конфликт, ибо он был влиятельным и могущественным человеком в стране, конфликты с которым были нежелательны. Он прибыл в царскую ставку 22 тэрра (18 января) с *кэньазмачем* Йа-Селласе Барья и сыном брата Такла

[171] См. Вайнберг 1907.

Гиоргиса, Такла Хайманота II, *абето* Габра Мадхэном, и сообщил, что *рас* Михаил Сэхуль поручил следить за мальчиком его отцу. Такла Гиоргис сильно опечалился, вспомнив о смерти брата. Хронист сообщает, что Такла Гиоргис был так обрадован, что ему представился шанс лицезреть своего племянника, что даже на второй план отошли проблемы с выплатой дани. Это кажется нам странным, так как все мальчики из царской семьи должны были жить на горе Вахни в царской тюрьме. Тот факт, что к царю привели его племянника мог означать, что его хотят поставить вместо Такла Гиоргиса на трон.

В тот же день царь устроил пир для своих гостей и щедро наделил их разными дарами, золотом и серебром. После этого торжества началась экспедиция, которая теперь продолжалась в новом направлении, в земли Амхара. Началом этому стало происшествие, о котором стало известно царю и за которым последовало сообщение, разосланное Такла Гиоргисом по всем сторонам, которое гласило: «И вот, когда мы услышали о разрушении церквей и о взятии в плен верующих и, более всего, о том, что разбит на куски наш алтарь топором и молотом рукой язычников, взревновали мы ревностью духовной … ибо не спасается царь множеством своих солдат … но поскольку мы полагаемся на ваши молитвы, отныне молитесь за нас, как молился … отец наш Пантелеймон за Калеба[172], царя Эфиопии»[173]. Такла Гиоргис твердо решил отомстить обидчикам христианской веры. В тот же день, еще до захода Солнца, он двинулся в путь. В походе ему неизменно сопутствовала икона *Кур‘ата Рэ’эсу*. Было взято все оружие и мобилизована вся армия. Царь первый спустился к реке Джита пешком. Когда жители Волло и Ваталома узнали, что царь приближается к их территориям, их охватил ужас. В страхе они возопили. Хроника своеобразно описывает реакцию народа оромо и их размышления о дальнейшей судьбе своего

[172] Царь Аксумского царства, который правил в VI в. Он выступил против химйаритского царя, иудея по происхождению Йосефа Ас’ара Йас’ара, устроившего гонение на христиан в 523 г. См. о нем: Fiaccadori 2007; Французов 2008в.

[173] Orient. 821, л. 472, стлб. 3, стк. 6 – 472об., стлб. 1, стк. 5; Eth. 143, л. 302об., стлб. 2, стк. 5-17.

народа. Старейшины советовали людям сдаться, прийти с дарами и покаянием к царскому шатру и просить о пощаде. Они говорили: «Может ли прутик встать против огня, коза против леопарда, а корова против льва?»[174] Итак, люди решили предстать перед царем, просить пощады на своем языке и плакать.

27 тэрра (23 января) была осаждена высокая *амба* (название этой столовой горы не уточняется), так как ее жители, завидев царское войско, не вышли к нему с дарами. 28 числа (24 января) царь и его войско спустились пешие в ущелье реки Башило[175]. Во время этого спуска войско сильно поредело. Многие погибли, сорвавшись в пропасть. В последующие дня царь продолжил движение вглубь области Амхара. Вожди племен и старейшины деревень стали приходить к Такла Гиоргису. В это время им был издан указ, по которому все люди земель Амхара, Вучале и Волло должны являться не к нему, а к уже известному *деджазмачу* Адэгаху, который по обычаю сопровождал царя в военном походе. В лагере начали появляться пленные из людей Вучале.

Царское войско продвинулось до местечка Гуадалас в земле Волло. 7 йакатита (13 февраля) произошло важное для Такла Гиоргиса I и одно из наиболее красочно описанных в его хронике событие. В лагерь пришел один из местных правителей Волло по имени Манашо. Потерпев поражение от царского войска, он предпочел добровольно сдаться, приведя с собой захваченных ранее в полон христиан из амхара. Как и многие галла, сам Манашо был язычником. По словам историографа, обретшие свободу христиане восклицали: «На реках галласов[176] сидели мы и плакали»[177]. Дело в

---

[174] Orient. 821, л. 473, стлб. 3, стк. 18 – 22; Eth. 143, л. 303, стлб. 2, стк. 6-8.

[175] Следующий к югу приток Аббая.

[176] Реки галласов (этот гидроним встречается в источниках и в единственном числе) имеют в эфиопской литературе негативную смысловую окраску. Еще в начале трагических событий, связанных с появлением на Эфиопском нагорье народа оромо и бедами, которые претерпевали христиане от их набегов, в народе сложилась легенда о том, что на реке Галлина одна женщина родила семерых сыновей, которые прославились дурным нравом. Они-то и образовали семь первых племен народа оромо. По названию реки их якобы стали именовать галласами.

том, что племена оромо имели печальную славу среди христианского населения Эфиопии, благодаря своим молниеносным набегам, в ходе которых они грабили жилища, угоняли скот и часто уводили в плен христиан. Работорговля, которая была одним из основных источников дохода в Эфиопии того времени, процветала на Африканском Роге. Кроме того, при том, что христиане зачастую продавали пленных, язычники могли их убивать как часть обряда инициации, а, следовательно, попасть в такую неволю не сулило ни чего хорошего.

Царь, обрадованный освобождением своих единоверцев, решил воспользоваться добровольным приходом к нему языческого вождя и незамедлительно предложил ему перейти в христианскую веру. Тот ответил государю, что он хотел бы остаться в вере своих предков (дословно «как мой отец»). Другие же, пришедшие с ним, пожелали креститься, мотивируя это тем, что прежде они были христианами, но отступили от веры. Тогда царь провозгласил, что те, кто пожелает перейти в христианство, пусть переходят, а те, кто захочет остаться в религии отцов своих, пусть остаются[178]. При этом хронист, *алака* Габру, счел необходимым обосновать решение монарха ссылкой на Священное Писание: «Это то, что сказал царь, ибо знал он, что говорится в Писании: “Не крестите язычников силой”»[179]. Как известно, непосредственно такого изречения в Библии нет, однако оно соответствует не букве, но духу христианской веры. Это – весьма значимый отрывок хроники, позволяющий сделать ценные выводы как о состоянии дел Эфиопии того времени в ее мультиэтничной реальности, так и о характере ведения царского летописания. Это описание характеризует царя как мудрого и милосердного правителя и подчеркивает значительную степень проявленной им религиозной терпимости. Как известно, Эфиопия испокон веков была населена различными народами, исповедовавшими различные

---

[177] Orient 821, л. 474, стлб. 1, стк. 26-стлб. 2, стк 1, Eth. 143, л. 303об., стлб. 1, стк. 27-28. Меткая аллюзия на Псалом 136.1 «На реках Вавилонских сидели мы и плакали…»
[178] Orient. 821, л. 474, стлб. 2, стк. 20-3.8; Eth. 143, л. 303об., стлб. 2, стк. 5-12.
[179] Orient. 821, л. 474, стлб. 3, стк. 8-13; Eth. 143, л. 303об., стлб. 2, стк. 12-14.

религии. Ко времени правления Такла Гиоргиса I это были в основном христиане, мусульмане и язычники. В этой ситуации такое решение царя неудивительно. Интересна та манера, в которой хронист описывает данное событие. Он придает ему большое значение, нарочито подчеркивает добродетель царя и приводит его диалог с одним из вождей галла, как диалог между равными, которые говорили на одном языке и понимали друг друга. На самом деле трудно представить, чтобы правитель одного из племен галла и пришедшие с ним люди говорили на одном языке с царем (следовательно, на амхарском) на достаточно «высокую» тему и прекрасно понимали друг друга. Также сложно представить, что представители этого народа могли быть настолько просвещенными в вопросах религии и обладать соответствующей культурой речи, чтобы полемизировать с монархом. Можно предположить, что хронист реконструировал эту сцену, внеся в повествование некоторый элемент вымысла, с целью повысить престиж царя христианского государства в глазах подданных.

Просьба Манашо дать ему земли, в которых он мог бы мирно жить со своим народом, была удовлетворена. Интересно, что царь, судя по всему, не рассчитывал на поддержку оромо. Вместо того, чтобы указать им какую-либо стратегически удобную территорию, Такла Гиоргис ответил им: «Иди туда, где мы не сможем найти тебя»[180], таким образом, предвидя возможность новой вражды между христианским населением Эфиопии и воинствующими оромо и пытаясь избежать ее. Манашо не соглашался на такое неоднозначное предложение. Тогда царь выделил им гору Дарак амба (около 200 км на юго-восток от озера Тана).

Тогда же царь установил легальный статус народа оромо в стране. Был издан указ, по которому нельзя было без причины убивать оромо, но только по вынесении соответствующего приговора. Следовательно, до этого у них не было прав в государстве и они не считались полноправными жителями этой страны. Причем речь здесь идет не только об оромо, принявших

[180] Orient. 821, л. 474, стлб. 3, стк. 22-23; Eth. 143, л. 303об., стлб. 2, стк. 19.

христианство. Следовательно, гражданские права в Эфиопии того времени затрагивали жителей страны больше по этническому признаку, чем по религиозной принадлежности. Это еще раз подчеркивает веротерпимость Такла Гиоргиса и позволяет высоко оценить его усилия по обеспечению равенства людей этой страны перед судом.

Манашо не представлял в своем лице все племена оромо и военная экспедиция на следующий день двинулась дальше. На данном этапе ситуация развивалась удачно. На пути в лагерь явились люди *деджазмача* Лубо, некогда вождя одного из племен оромо, просить пощады у царя. Тогда также был послан глашатая с указом, что все люди *деджазмача* Лубо получили прощение.

В последующие дни многие знатные мужи из Волло приходили к царю с дарами и повинной. Некоторые из них решали перейти в христианство. Также поклониться царю пришли люди из мятежной и обособленной области Шоа. Все они получали прощение и вливались в состав государства. Такла Гиоргис находился в добром расположении духа. Наконец-то монарх получил всеобщее признание. Он пировал, наслаждался игрой на местных музыкальных инструментах, созывал советы. 13 йакатита (19 февраля) он принял в своем шатре эфиопских иудеев[181]. Прибыли люди из Вучале с *деджазмачем* Бато, принадлежащие к племенам оромо, и швырнули пред царем трофеи. Также в торжественной обстановке прибыл *деджазмач* Лубо и, в благодарность за милость, проявленную царем в отношении него и его людей, преподнес в дар Такла Гиоргису две жемчужины. «Одна из них

---

[181] Эфиопских иудеев в христианской литературе этой страны называли фалаша. Данный этноним происходит от эфиопского глагола *фаласа* – «переселяться». Так этот народ именовали в эфиопских литературных источниках и, видимо, среди простонародья. Сами фалаша считают, что они не являются автохтонным населением Эфиопии и прибыли туда из Палестины. Этноним фалаша имеет до некоторой степени негативную коннотацию, отражающую отношение местного населения Эфиопии к этому народу.
Фалаша называют себя *Бета Эсра'эль*, «Дом Израиля».
Скорее всего, фалаша представляют собой выходцев из народа агау, существенно трансформировавших основные христианские догматы в ветхозаветном духе и ставших таким образом «жидовствующими еретиками» (См.: подробнее об этом: Kaufman 1986).

изначально помещалась в короне царей»[182]. При вручении он преклонился пред царем. Царь был несказанно обрадован и благодарил Господа за ниспосланную ему честь.

Но Такла Гиоргис не собирался останавливаться на достигнутом. Закрепив роль оромо в государстве, он должен был установить рамки закона и для них. С этой целью 14 йакатита (20 февраля) он сделал строгий выговор *деджазмачу* Бато, наказав ему не обращать христиан, которые так или иначе попадут в его земли (в частности, будут проданы на невольничьем рынке), в другую религию и не притеснять их по причине их вероисповедания. Это не могло не вызвать враждебности у вождя оромо. Кроме того, такая симпатия и снисходительность Такла Гиоргиса по отношению к ненавистным иноверцам вызвали негодование в его войске, и без того мало дисциплинированном. 16 йакатита (22 февраля), во время очередного перехода, некоторые из людей *деджазмача* Бато бежали и вызвали у солдат царя подозрение в измене. В ответ на них была устроена засада. Но Такла Гиоргис наказал участников этой самовольной расправы, ибо это бросало тень на только что установившиеся мирные отношения с племенами иноверцев, с которыми он по воле судьбы должен был жить по соседству на одной земле. При этих обстоятельствах царь определил для *деджазмача* Бато земли Адада.

Хронист сообщает, что 20 йакатита (26 февраля) был схвачен *деджазмач* Бато за то, что он отказался вернуть проданных в рабство христиан. Следовательно, царь, который вначале требовал от него не обращать христиан в другую веру, теперь желал принудить вождя оромо и вовсе отпустить невольников-христиан, взятых прежде в плен.

21 йакатита (27 февраля) многие высокопоставленные деятели оромо и члены их семей участвовали в обряде крещения и, таким образом, обратились в христианскую веру. Все они были особо отмечены Такла Гиоргисом и щедро одарены. Состоялся пышный пир, устроенный одним из

---

[182] Orient. 821, л. 474об., стлб. 3, стк. 24 – л. 475, стлб. 1, стк. 1; Eth. 143, л. 304, стлб. 1, стк. 23-25.

оромо, на котором присутствовали новообращенные, сам царь, священники, которые провели обряд крещения и многие другие. Тогда всем окрестившимся были назначены определенные земли и с этого времени они должны были жить по законам, общим для населения Эфиопии. Тот факт, что царь назначал каждому вождю особые земли не было жестом расточительности или особого внимания. Такла Гиоргис сознательно расселял оромо на подчиненных ему территориях и, таким образом, приучал их к оседлому образу жизни. Это, в свою очередь, должно было пресечь многовековую традицию набегов на христиан в рамках обряда инициации в восьмилетних возрастных циклах у оромо[183].

26 йакатита (3 марта) Такла Гиоргис держал совет со своими сановниками. В качестве пролога к следующим событиям хронист сообщает, что «Сатана взревновал, ибо были крещены язычники и вернулись христиане из плена и посеял семя раздора в сердца людей из Тигрэ»[184]. На совете они заявили о своем желании покинуть царя под предлогом страха перед неопределенным будущим и оставили место сбора. Царь не стал их удерживать и с миром отпустил восвояси всех желающих. Уходя, они сомневались в правильности содеянного. Ночью, не таясь, они освещали факелами свой путь. Другие, глядя им вслед, не помышляли о том, чтобы оставить своего господина. В некотором роде, это выглядело как дезертирство в условиях не окончившейся, хотя и проходившей удачно, царской военной кампании. Кроме того, судя по хронике Хайла Микаэля[185], войско царя отказалось продолжать поход по причине того, что царю пришло в голову идти в область Шоа, автономного «царства» в границах Эфиопии. Шоа обладало тогда не только фактической независимостью, но и силой, и люди не горели желанием биться за покорение этой области.

---

[183] См. также примеч. 111.
[184] Orient. 821, л. 476, стлб. 1, стк. 3-11; Eth. 143, л. 304об., стлб. 2, стк. 10-14.
[185] См. Guidi 1902 (эфиопский текст), Хроники (Чернецов) 1991 (русский перевод), с. 264-298.

На самом деле царь переживал, что за тигрейцами последуют и другие люди из его армии, в особенности отряды верного ему *раса* Хайлу. Этот последний предстал пред царем в его шатре и заверил, что его люди не покинут своего господина. В этот момент к шатру подбежал некий оромо и совершил попытку поджечь его. Началась стычка. В дело вмешался *фитаурари* Йа-Селласе Барья и взял многих под стражу. Это событие переполнило чашу терпения Такла Гиоргиса. Выйдя из шатра и окинув взором свое поредевшее войско, он с горечью объявил, что на следующий день войско поворачивает назад и возвращается в свою землю. Затем он преподнес в дар *деджазмачу* Лубо несколько ружей и 29 йакатита (6 марта) войско отправилось в обратный путь. Такла Гиоргис шествовал торжественно и угрюмо. Бок о бок с ним шли его приближенные: *рас* Хайлу, *деджазмач* Адэгах, *фитаурари* Иконьян, *деджазмач* Кабте и другие соратники. Кроме того, в хронике Хайла Микаэля сообщается, что Такла Гиоргис схватил и посадил под стражу *деджазмача* Валда Габриэля, неоднозначную в смысле лояльности фигуру в политической жизни страны, представляющую значительную опасность. Следовательно, у Такла Гиоргиса I к тому времени имелся значительный военный потенциал.

В этот день на войско было совершено нападение. Оромо накинулись на арьергард, в котором шли сановники. Как и прежде, *рас* Хайлу отличился завидным мужеством и умением вести военные действия. Противник был разбит, многие оромо пали на поле боя. Со стороны людей *раса* Хайлу также были значительные потери. В селении Авэса военачальники царя швырнули перед ним новые «трофеи», свидетельство побед над непокорными племенами оромо. Сюда стали стекаться посланники с поздравлениями со всех сторон. Прибыли религиозные деятели, посол от Энкой Лул, наложницы Такла Гиоргиса, гонец от *раса* Айадара, который со своим отрядом вел военные действия против оромо.

30 йакатита (7 марта) царь тронулся в путь и встал лагерем в Мера Вучале, также именуемом Сангуола (точное местоположение которого не

установлено). Когда царь покинул эту местность, в арьергарде шли люди раса Гошу. Следуюший привал был сделан в местечке Чарака (Чарата) области Адала. В этот день на лагерь было совершено очередное нападение. Оромо ворвались в царскую ставку, многие сановники и военачальники были убиты. Имущество подверглось разграблению, был взят в качестве трофея даже парадный шатер Такла Гиоргиса. Тигрейцы помчались в погоню. Между ними и оромо состоялась битва. Многие были убиты. Сильно пострадал царский шатер. То, что от него уцелело, и «трофеи» от убитых из вучале (оромо) принесли Такла Гиоргису.

4 маггабита (11 марта) царь встал лагерем у подножья горы Лэгота в землях племен вучале. В этот день, когда в авангарде шел *рас* Хайлу, сын *деджазмача* Адэгаха Лоса, который также находился в авангарде, убил потомственного вождя оромо, и его лошадь. Этот оромо был очень хорошо вооружен. Тогда оставшиеся тигрейцы днем начали было восхождение на столовую гору, преграждавшую им путь, но царь удержал их. На этой горе находился стратегически удобный для ведения военных действий опорный пункт, которым пользовались местные племена оромо. Более подходящим временем для штурма был вечер, так как палящее солнце в этот жаркий сезон могло ослабить воинов. К вечеру многие из племен вучале были убиты, царю доставляли «трофеи» и новости о победоносных баталиях.

Рано утром 5 маггабита (12 марта), в день памяти святого Эфиопской Церкви Габра Манфас Кэддуса, пока еще было прохладно, царь направил три отряда из своего войска штурмовать гору. Сам же он задержался в лагере с оставшимися отрядами, чтобы охранять город. С большим трудом эта гора, которая была опорным пунктом для племен вучале и на которую они возлагали много надежд в войне против христианского царя и его войска, не приспособленных к ведению военных действий в горном ландшафте, была взята. Воины царя не случайно после этого восхождения назвали ее Фэлэс, что означало изгнание, так как оромо были вытеснены с нее.

Царь возрадовался. Начались многочисленные локальные битвы с оромо и грабеж. Царский историограф уточняет: «В тот день не было среди людей царя того, кто не убил бы и не взял пленных, так что мы не можем отметить количество язычников, которые были убиты. Их было так же много, как звезд на небе и песка в море»[186]. И пришел к царю *деджазмач* Валда Габриэль (который теперь, наученный горьким опытом ареста, проявлял лояльность к Такла Гиоргису), и сообщил ему радостную весть, что язычники были вытеснены с горы и уничтожены. Тогда, в присутствии всего лагеря приближенные царя швырнули «трофеи», и был казнен вождь язычников. Эта казнь наделала много шума в лагере, да и сам Такла Гиоргис сомневался в правильности своего решения. С одной стороны, язычник, причинивший много бед христианам, люди которого разрушали церкви и убивали их прихожан, должен был умереть, с другой стороны, он был влиятельным человеком среди своего многочисленного народа, и его смерть могла повлечь за собой бурную реакцию населения. Здесь стоит отметить, что Такла Гиоргис был талантливым стратегом.

Тогда Такла Гиоргис двинулся дальше, в сторону границ Шоа. На пути он разрушал укрепления, закрывавшие горные проходы, которые могли служить врагу удобными опорными пунктами и местами для засады, ломал копья и стрелы противника. Его с радостью встречали местные жители (христиане), ибо им стало известно, что царь положил конец их зависимости от оромо.

7 маггабита (14 марта), когда некоторые отряды уже были распущены, царь созвал на совет своих основных военачальников. Среди присутствующих был и *рас* Хайлу. Совет был напряженным и длился три дня. 10 маггабита (17 марта) Такла Гиоргис покинул Лэгот (гора, на которой он встал лагерем) и направился к Касат Амбуле, предварительно назначив верного себе человека наместником в бывшей мятежной земле Лэгот. По мере продвижения царского войска военные действия продолжались.

---

[186] Orient. 821, л. 478, стлб. 1, стк. 2-10; Eth. 143, л. 306, стлб. 1, стк. 14-17.

Военачальники царя попеременно шли в авангарде и разведывали местность. Вскоре войско встало лагерем в местечке Башело (локализовать которое пока не удалось). 11 и 12 маггабита (18 и 19 марта) царю вновь принесли многочисленные «трофеи», добытые в результате боев с вучале. Стоит заметить, что были взяты в плен многие тигрейцы (но не оромо!). Царский историограф высказывается по этому поводу: «И в эту ночь луна была кровавого цвета, что есть знак того, что мятежники и вожди были подчинены»[187]. И действительно, наслышанные о кровопролитных столкновениях с царским войском и от том, что Такла Гиоргис сжег гору Лэгот и населенный пункт на ней, в царскую ставку приходили посланники от племен оромо с донесениями о том, что их народ не нарушал установленных для них земельных границ и с просьбами о милости и снисходительности монарха в их отношении. После этих строк историограф замечает, что Такла Гиоргиса боялись и почитали не только язычники, но и христиане, ибо он «был тайно помазан на царство в малолетнем возрасте рукой ангела, и этот ангел поведал отцу нашему Такла Хайманоту, говоря: “В год 7260 от сотворения мира будет править тот, кто будет помазан священным помазанием на царство”»[188]. Данное замечание несет в себе глубокий смысл. Как известно, даже в более спокойные периоды истории Эфиопии, далеко не все цари получали помазание на царствие[189]. Что уж говорить о рассматриваемой в рамках нашего исследования эпохе феодальной раздробленности. Историограф в тексте летописания пытается оправдать Такла Гиоргиса, не коронованного на царствие в Аксуме по древнему обряду, и создать видимость его богоизбранности и законности его пребывания на троне Эфиопии.

Затем Такла Гиоргис встал лагерем в Йаватот. Населенный пункт Заквая был сожжен солдатами царя и вновь ему принесли множественные «трофеи»

---

[187] Orient. 821, л. 478об., стлб. 3, стк. 22-26; Eth. 143, л. 306об., стлб. 1, стк. 19-21.
[188] Orient. 821, л. 479, стлб. 2, стк. 16-25; Eth. 143, л. 306об., стлб. 2, стк. 8-13.
[189] За всю историю Эфиопии очень немногиме цари короновались в Аксуме. Среди них в первую очередь нужно отметить Зара Якоба и Сарца Дэнгеля (1563-1597). Последним коронованным в Аксуме царем стал Иоанн I. См. Munro-Hay 1991.

от убитых вучале. 13 маггабита (20 марта) царь прибыл в Шангуэ в области Дамот. На следующий день он выдвинулся из Шангуэ и остановился в Вага. Здесь, в силу климатических и географических особенностей много людей и животных задохнулось в болоте.

15 маггабита (22 марта) Такла Гиоргису удалось взять под стражу и заковать в цепи *деджазмача* Валда Габриэля, который предпринимал попытки поднять восстание против царя, пользуясь его отсутствием в столице. К восстанию он ловко приобщил тигрейцев, о чем уже сообщалось выше. Вместе с ним были схвачены его сообщники, среди которых были те, кто исповедовал ислам. Их имущество было конфисковано. Другие же участники мятежа были помилованы. Немаловажно, что от мятежников царю досталось много оружия, приобретенного, по всей видимости, у арабов, с которыми *деджазмач* Валда Габриэл имел тесные связи.

В этой ситуации монарху нужны были верные люди. Видимо, с оглядкой на сложившуюся ситуацию, он осуществил много почетных назначений среди своих приближенных. Царское войско продолжало движение, минуя населенные пункты Гарагара, Мавкария и Афрагамаш. 23 маггабита (30 марта) Такла Гиоргис устроил пир для своих сановников и военачальников, приуроченный к празднику Масличной горы (воскресенье, открывающее пятую неделю Великого поста), во время которого эфиопские христиане вспоминают Елеонскую проповедь Христа (Мф. 24:1-35), посвященную Его второму пришествию.

На следующий день царь прибыл в Аринго, где он решил заново основать город и построить парадное центральное здание для своей личной резиденции. Некогда это был процветающий городок, в котором временами жили такие цари Эфиопии, как Василид (1632-1667) и Иясу I. Позднее его посещали многие монархи, но к концу XIX в. город опустел, уже к 1860-м

годам превратившись в руины. Это было знаковое место для эфиопских царей, в котором в отдельных случаях хранили царскую корону[190].

25 маггабита (2 апреля), во вторник, еще не дойдя до столицы и не завершив экспедицию, Такла Гиоргис отпустил восвояси своих верных военачальников: *раса* Хайлу, *деджазмача* Иконьяна[191], *деджазмача* Гадлу а также людей из Годжама и племен меча, составлявших значительную часть его войска. Многих он одарил за участие в экспедиции ружьями и почетными одеждами. 26 маггабита (3 апреля) были распущены *чева лиджоч*, основная сила царской армии. 27 маггабита (4 апреля) многие из тех, кто остался, были отправлены по домам. Такла Гиоргис снабдил их провизией на первое время, особенно тех, у кого были семьи и малолетние дети. Царь проявлял заботу о своих подданных, даже о простых солдатах. Возможно, именно за эти заслуги его принял и полюбил народ. В этот день состоялся очередной пир, на который пришли дети и в благодарность за щедрость монарха пели и танцевали для него. 29 маггабита (6 апреля), в субботу, царь отправился с дарами в церковь, а затем вновь устроил пышный пир по случаю праздник Благовещения.

Затем царь провел около недели в разрешении судебных разбирательств. Особый интерес заслуживает то обстоятельство, что несколько рассматриваемых Такла Гиоргисом дел были связаны с тем, что человек клялся смертью царя, особенно в случае, если клятва была заведомо ложной. За это такому человеку выносили смертельный приговор. Кроме того, отдельно рассматривались и жестоко карались обвинения воинов в трусости.

---

[190] Этот населенный пункт расположен в 45 км. к востоку от озера Тана. Об этом городе см.: Pankhurst 2003. Автор данной статьи умалчивает о том, что Аринго стало основной резиденцией Такла Гиоргиса, где он достаточно продолжительное время, до окончания своего царствования и отъезда в ссылку, жил со своей семьей.

[191] За верность царю и отличия в военных походах во время очередного назначения Такла Гиоргис сделал его *деджазмачем* крупной провинции Дамот. На примере Иконйана можно проследить карьерный рост представителя эфиопской элиты. В тексте одной хроники сначала Иконйан упоминается как *азаж*, затем как *фитаурари* и, наконец, как *деджазмач*. См. о должностях **Экскурс 3**.

Также он занимался и хозяйственными делами, проблемой домостроения (в частности, своего дворца[192] в Аринго) и обеспечением провизией.

12 мийазйа (19 апреля) царь покинул Аринго и через пару дней остановился в Махдара Марьям, названное так благодаря находящейся там одноименной церкви, основанной в XVI в. Пробыв там два дня, он вернулся в Аринго. Неясно, почему царь не отправлялся в столицу, а для своей резиденции выбрал Аринго. По крайней мере, текст хроники об этом умалчивает. Возможно, он ожидал окончания строительства своей резиденции, которое состоялось 18 мийазйа (25 апреля) и празднования Пасхи. Началась Пасхальная неделя, которую Такла Гиоргис, по обычаю, провел как преданный христианин в молитве и покаянии, а на Пасху раздал буйволов своему войску, чтобы и они попировали вдосталь.

С этого момента историограф ведет летописание менее подробно, что могло быть связано с тем обстоятельством, что традиционно эфиопские царские хроники были хрониками военных походов. Да и, объективно рассуждая, в ходе военных кампаний происходит значительно больше событий, достойных записи, чем в мирной жизни. Итак, 25 мийазйа (2 мая) царь покинул Аринго, отправился в путь и стал быстро продвигаться в сторону Гондара. Наконец, он вошел в свой дворец и встретился со своей матерью, царицей. Через пару недель Такла Гиоргис занялся важными государственными вопросами, связанными с администрированием как светской так и религиозной жизни в государстве. За его достаточно долгое отсутствие многое переменилось в столице. Он принялся за проведение назначений на различные должности в государственной администрации. Кроме того, после долгих раздумий, он назначил нового человека на должность *аккабе саата*[193]. Человека, достойного занять эту должность выбирали с особым пристрастием, обращая внимание как на его личные качества и добродетели, так и на его ученость. Начиная с XV-XVI вв. *аккабе*

---

[192] Под «дворцом» следует понимать деревянное сооружение, вероятно напоминающее *тэкул*, традиционное жилище эфиопов, большого размера.
[193] Об этой церковной должности см. **Экскурс 3**.

саат, первоначально являвшийся настоятелем монастыря Дабра Хайк, имел наибольший вес при дворе, но и в последующий период их влияние не ослабевало, что явно прослеживается в рассматриваемой нами хронике конца XVIII – начала XIX вв. Фигура *аккабе саата* не была статичной. Он активно участвовал в жизни страны и часто находился не только при дворе, где зачастую участвовал в пирах, устраиваемых царем, но и мог следовать за царем в его военных экспедициях. На эту должность был поставлен священник из Дабра-Либаносского монастыря по имени Аце Кабте. Во времена царствования Такла Гиоргиса I он занимал должность настоятеля монастыря Дабра Мэтмак. Впоследствии это решение Такла Гиоргиса вызвало сильный резонанс в монашеской среде, хотя бы потому, что монаха из одного монастыря поставили во главе другого, придерживающегося иной доктрины в религиозных вопросах. Особо противились этому выбору монахи их монастыря Дабра Эвостатевос.

Затем в тексте хроники следует длинный список различных должностей и назначений на них. Заканчивается он среди прочих именем царского историографа *алаки* Габру. Здесь он едва ли не в последний раз упоминает свое имя в тексте: «Среди священников, кто получил назначения, *алака* Габру был назначен над своей землей, как уже было сказано, *азажем* земли Кана, которая пребывала в руках *лика мазэмрана*[194] Кэнфу. И царь назначал всех не по собственному предпочтению, а по справедливости, так как он (*алака* Габру) работал над написанием истории до того, как был направлен в поход, чтобы он (*алака* Габру) ничего не упустил, касающееся царя. А *лика мазэмран* Кэнфу не был отправлен в поход, так как ему это не подобает по почтенному статусу и потому, что мудрый царь молвил: “Работа достойна исполнителя”»[195].

---

[194] Титул главы придворных певчих. См. **Экскурс 3**.
[195] Orient. 821, л. 482об., стлб. 1, стк. 24 - стлб. 2, стк. 17; Eth. 143, л. 308об., стлб. 2, стк. 5-16.

19 гэнбота (25 мая) в лагерь явился человек, который представился посланником от *марэдазмача*[196] Асэфа Васана, с традиционными дарами для царя, а именно пурпурными и шитыми золотом одеждами, копьями и мечами. С ним пришли бывший наместник провинции Шоа Фэнот Каль и некий самозванец, объявивший себя царем. Это событие вызвало у царя сильное волнения и он, стараясь скорейшим образом разобраться в случившемся, созвал суд. Пришедшие были взяты под стражу. Подобное событие имело большое значение в эпохе политической раздробленности и, следовательно, при шатком положении монарха на престоле. Когда начался допрос, самозванец, очевидно, испугался, что дело может кончиться не лучшим для него образом, и возможно смертельным приговором. Открыто явиться в столицу с претензией на происхождение из династии Соломонидов и намерением занять трон было делом из ряда вон выходящим (хотя бы в силу того, что в Гондаре в это время был действующий монарх, который обладал еще реальной властью). Оценив ситуацию, самозванец заявил, что он на самом деле был сыном ремесленника и не имеет никакого царского происхождения. Кроме того, он рассказал, что его силой вынудили назваться царем вышеупомянутый *марэдазмач* Асэфа Васан и некий Авсабе. Царь был удивлен такой откровенностью и, смиловавшись, приказал не убивать самозванца, а только заковать его в цепи на время расследования этого дела о покушении на царский престол.

Это происшествие оказало сильное влияние на Такла Гиоргиса. Он предчувствовал, что ситуация накаляется, а его недоброжелатели, на несколько лет ушедшие с политической сцены его собственными стараниями, переходят к активным действиям. После череды сражений против мятежников, походов против обидчиков христианской веры, он снова возвращался к исходной точке.

В этот день Такла Гиоргис раздал много золота своим подданным, а затем, почувствовав недомогание, уединился до утра. С восходом солнца 20

---

[196] О титулах и должностях в Эфиопии см. **Экскурс 3**.

гэнбота (26 мая) он тайно покинул царскую резиденцию и отправился в Дабра Мэтмак. Цель этого визита нам неизвестна. Молился ли он о спасении своей души и своей стране, или вел переговоры с влиятельными священнослужителями и новопоставленным *аккабе саатом* Аце Кабте, можно только догадываться.

21 гэнбота (27 мая) царь спустился с Дабра Мэтмак к народу в Гондар, принеся щедрые дары от того же *марэдазмача*[197] Асэфа Васана. Многие церковнослужители вышли на площадь и пели гимны. Среди них был и историограф *алака* Габру, который теперь носил титул *азажа*. Весь двор ожидал возвращения монарха, но оно затягивалось. В этой части повествования историограф сухо описывает события в несвойственной ему манере. Возможно, с приобретением нового назначения *азажем* с него снимались обязанности придворного историографа. Да и было бы удивительно, если бы *азаж*, управляющий какой-либо областью, мог одновременно служить царским секретарем. Также остается не вполне понятным, как человек религиозного сословия с титулом *алака* мог быть назначен на высокую должность в светской государственной иерархии.

Вскоре вернулся царь, вошел в свои палаты и устроил пир, на который он, видимо не случайно, намереваяся посетить монастырь, пригласил многих священнослужителей. Двух монахов, которые были в ссоре, он заставил отужинать вместе и примириться. После этого, на протяжении трех дней по Гондару разносились песнопения монахов из Дабра Мэтмак. *Азаж* Габру и *акабе саат* Аце Кабте, два высокопоставленных религиозных деятеля, жили рядом в соседних шатрах.

23 гэнбота (29 мая) Такла Гиоргис наградил еще нескольких сановников, а уже 28 гэнбота (3 июня) *деджазмач* Габра Маскаль и большое количество военачальников покинули Гондар. По всему становилось ясно, что царствование Такла Гиоргиса на этот раз подходило к концу, причем не в результате смуты и вооруженных столкновений, как этого следовало

---

[197] См. о должностях и титулах **Экскурс 3**.

ожидать. Ситуация медленно, но верно уводила от него близких ему соратников, и он постепенно терял остатки реальной власти.

Далее повествование становится еще менее подробным. Во-первых, в месяце сане в столицу принесли дары из областей Хамасен (Амасен) и Сарайо для царя, царицы и *раса* Айадара, чуть ли не единственного соратника Такла Гиоргиса, который, несмотря на общее настроение при дворе, остался рядом со своим господином. Во-вторых, в самом начале месяца временно разрешился конфликт между сторонниками помазания и соединения. Инициатива пришла из дома *эччеге*, что не могло не вызвать радости у царя. Кроме того, 25 сане (30 июня) Такла Гиоргис отправился в дом митрополита *абуны* Иоасафа в сопровождении восьми высокопоставленных церковных деятелей, имена которых перечислены в тексте (следи них и *азаж* Габру). Причиной этому было недостойное поведение одного из государственных деятелей, *баламбараса* Рамха, который взял себе новую жену, расставшись с предыдущей из-за того, что он вступил в связь с ее матерью. На состоявшемся совете было еще раз отмечено, что жена должна вступать в плотскую связь только со своим мужем, а муж только со своей женой. Также было решено, что в такой ситуации повинные должны были вновь повторить венчальные молитвы, как новобрачные, а монахи, которые заводят себе наложниц, должны быть отлучены от Церкви. Также устами царя был произнесен указ о том, что подобало устраивать рынок, как прежде, по субботам, а не по воскресеньям, ибо это шло в разрез с почитанием двух суббот Эфиопской Церковью и рассматривалось как подражание католической вере, почитающей день воскресный. Дело в том, что в течение долгого времени внутри эфиопской церкви продолжались диспуты вокруг празднования двух «суббот»[198], а именно ветхозаветной субботы наравне с христианским воскресеньем. Эти диспуты достигли кульминации ко времени правления царя Зара Якоба (1434–1468),

[198] О вопросе субботствования в Эфиопской Церкви и диспутах вокруг него см.: Kaplan 2010b; Гусарова 2013a.

собравшего в 1450 г. собор в Дабра Мэтмак, который на тот момент определил судьбу субботствования. Сам царь показал себя сторонником почитания субботы. Приверженцы этого религиозного движения получили различные привилегии и земли во владения.

Из этого видно, что в сложившейся ситуации царю ничего не оставалось, как искать поддержки у Церкви и, в частности, ее главы, митрополита. Чтобы заручиться этой поддержкой, он стал больше заниматься делами религиозного характера, как впрочем, и в начале своего царствования, когда его положение было более чем шатким. Кроме того, он старался по мере возможности участвовать в общегосударственных и хозяйственных делах. Пресекал взяточничество, следил за тем, чтобы не отлучались со своих мест правители различных областей, и за тем, как передавались и раздавались земельные наделы, пресекал незаконные действия, такие как воровство и пр. Показательно, что когда Такла Гиоргис узнал о том, что дом одного из знатных вельмож был разобран, а древесину собирались продать, он поспешил туда. Древесина, пригодная для строительства домов, в Эфиопии – дефицит. Прибыв на место, он приказал пустить эту древесину на строительство церкви в Дабра Мэтмак. Такла Гиоргис не чуждался работы и таких скромных занятий. Его военачальники и он сам в первых рядах несли в руках этот строительный материал до монастыря. Это еще раз показывает преданность царя Церкви.

4 хамле (9 июля) Такла Гиоргис I отдал свою племянницу (дочь своей сестры) в жены *баламбарасу* Рамха, несмотря на то, что незадолго до этого тот был уличен в прелюбодеянии. Видимо, это был стратегически важный брак для царя.

Затем последовали новые пиры. Царя благодарили монахи из Дабра Мэтмак, которым он в придачу дал большие земельные наделы, не забыв, тем не менее, и не обделив подобным вниманием Дабра Либанос и Дабра Эвостатевос. Причем монахи из этого последнего, которые были не согласны с *аккабе саатом* Кабте по доктринальным соображениям, под этим

предлогом стали открыто выражать свое недовольство. Пришло сообщение о том, что один из военачальников царя, а именно *деджазмач* Габра Маскал был схвачен. Удалившись из Гондара, он, по всей видимости, стал замышлять восстание. Царь был расстроен. Кроме того, после раздачи земли монастырям, алчные монахи из разных монастырей взревновали и между ними случился раздор. На одном из приемов они открыто отказались принимать пищу вместе. Немало сил и времени потратил Такла Гиоргис, чтобы примирить их. Возможно, он не раз пожалел о своем щедром поступке. Смута между монахами – представителями разных монастырей, долго не затихала. В маскараме (11 сентября-10 октября), по прошествии трех месяцев, продолжалась вражда. Военные действия больше не велись и эта смута была, пожалуй, единственным темным пятном в обыденной жизни Такла Гиоргиса. Этот активный военачальник, некогда неустанно водивший свои войска через горные хребты и русла быстрых рек, теперь проводил дни в пирах и визитах к представителям элиты, в молитве и праздности. Время от времени он навещал митрополита *абуну* Иоасафа, проводил назначения на должности.

На этой ноте внезапно обрывается хроника первого периода правления Такла Гиоргиса I. Несвойственное для личности этого монарха затишье и отсутствие событий в его жизни кажется неестественным. Летописание становится бедным и малоинтересным, меняется его общий стиль и характер. Кроме того, *алака* Габру, которому царь даровал титул и должность *азажа*, теперь упоминается в хронике как *азаж* Габру в списке других придворных. Вероятно, после этого назначения он уже не был царским историографом, а составление царской хроники было поручено кому-то другому. То есть, этот статичный период, начавшийся с апреля 1783 г., с окончанием похода против племен оромо, продолжался около пяти с половиной месяцев. Последнее упоминание Такла Гиоргиса датируется 2 тэкэмтом (10 октября 1783 г.), когда царь послал глашатая с сообщением о том, что земли Самен переданы *деджазмачу* Йа-Селласе Барья, а Голджа получил должность *такакан-*

балатенгета[199]. Далее текст хроники внезапно переходит к биографии Хайлу Эшате и его родословной. Таким образом, около 4 последних месяцев правления Такла Гиоргиса I никак не освещены в хронике его царствования.

Что касается подробностей свержения Такла Гиоргиса, о которых по тем или иным причинам умалчивает хроника *алаки* Габру, они присутствуют в других источниках. В частности, краткая хроника царей Эфиопии так описывает царствование Такла Гиоргиса I: «Воцарился Такла Гиоргис, брат Такла Хайманота, Во дни свои он выстроил церковь во имя Владычицы нашей Марии, именуемую Дабра Мэтмак[200], и учредил при ней старейшин. Во дни его *бэтвадад* Саментский Габру воздвиг среди Гондара (церковь) Успения и табот Абия Эгзиэ, избрал иереев, знавших ветхий и новый завет. И в городе своем …? он выстроил две церкви: табот Иисуса (и) Такла Хайманота, и учредил при них старейшин. Вернемся к царю. Против царя Такла Гиоргиса восстали рабы[201] его и изгнали его. Оставив царство, он удалился и пошел в область Аксума, и умер там»[202]. Из этого краткого описания неясно, относится ли сказанное о свержении царя к первому периоду его правления, или к последующим, о которых будет сказано далее. Не дается и срок, в течение которого он находился на престоле.

Некоторые подробности последнего года первого периода царствования Такла Гиоргиса I описаны в хронике Хайла Микаэля, входящей в состав «Сборника Хайлу» и переведенной С. Б. Чернецовым[203]. В тексте этой хроники подробно описывается другая сторона политической жизни в стране, а именно отношения, которые складывались между различными мятежниками Эфиопии во времена царствования Такла Гиоргиса I и его предшественников. Так, автор хроники пишет, что Такла Гиоргис находился в Годжаме. Тогда, в местечке Афаранават состоялось сражение между Такла

---

[199] Начальника младших пажей. См. об этой должности в **Экскурсе 3.**
[200] У Тураева «Петмак», что следует понимать, как ошибку наборщика.
[201] Можно понимать как «слуги, подданные».
[202] Тураев 1911, с. 272-273.
[203] См. выше примеч. 185.

Гиоргисом с одной стороны и *расом* Али[204] и *деджахмачем* Хайлу с другой стороны. Такла Гиоргис потерпел поражение в этой битве и бежал на Амбасаль (то есть на столовую гору Саль). И воцарили они (вместе с *расом* Хайлу) Иясу[205] 12 йакатита (18 февраля 1784 г.).

Глава 3

Между троном и изгнанием: марионетка или несломленный борец?

1. *Такла Гиоргис I в междоусобных распрях эфиопских феодалов*

Следующий приход к власти Такла Гиоргиса I освещен в соответствующем разделе летописания, именуемом историей влиятельного феодала *раса* Али и царя царей Такла Гиоргиса. Ее автором был Абагаз Сауна[206] из Шоа. Новый историограф[207], в отличии от *алаки* Габру, по-видимому, не был придворным секретарем, и служил при *расе* Али. Поэтому и повествование начинается не с восхваления монарха, а с описания величия и добродетели *раса* Али, который, будучи прежде язычником (хотя, на самом деле, судя по легенде о его происхождении от печально известного Ахмада Граня и по его имени, он был крещеный мусульманин), перешел в христианскую веру. «И строил он церкви в землях своих, и был он настоящим непоколебимым апостолом, *рас* Али, победитель сильнейших и стойкий христианин, кого не сбить с веры его истинной, израильтянин, *рас* Али, в сердце которого нет коварства»[208]. Стоит отметить, что вопреки традиции красными чернилами в этой части повествования выделено не

---

[204] См. о нем Mantel-Niećko 2003.
[205] Иясу III. Согласно общепринятой хронологии, периодом его правления считается 16 февраля 1784 – 24 апреля 1788 гг. См. **Таблицу** в конце данной работы.
[206] См. о нем Chernetsov 2003.
[207] См. о нем и о смене историографа **Экскурс 1**.
[208] Orient. 821, л. 514об., стлб. 3, стк. 18 – л. 515, стлб. 1, стк. 2; Eth. 143, л. 324, стлб. 2, стк. 9-12 («в сердце его» пропущено).

только имя царя, но и влиятельного деятеля того времени, о котором уже сообщалось выше, *раса* Али. Кроме того, автор больше не называет монарха «царь наш», как это делал *алака* Габру, а официально именует его «царь царей». Еще одной особенностью этого повествования можно считать тот факт, что ее составитель крайне редко отмечает события датами, вместо этого он пишет «и после этого», «затем» и пр.

Далее автор хроники продолжает: «Также напишем мы историю возвращения царя царей Такла Гиоргиса к царствованию его и его примирения с *расом* Али, главой сильнейших»[209]. Новому воцарению Такла Гиоргиса предшествовал конфликт между *расом* Али и уже известным нам по первому периоду царствия Такла Гиоргиса *расом* Хайлу. Конфликт этот перерос было в вооруженные столкновения, но противники одумались и объединились. Тогда они решили войти в сговор с Такла Гиоргисом и вновь поставить его на царство. А для этого нужно было вернуть его с Амбасал, где он находился в изгнании. Историограф сообщает, что к тому времени с момента первого свержения его с трона прошло уже 2 года и 7 месяцев, то есть эти события происходили в августе-сентябре 1786 г. 4 маскарама (1 сентября 1786 г.) Такла Гиоргис прибыл в Бета Хор, а затем, через три дня, перешел в Гарагара[210], где состоялась его встреча с *расом* Хайлу. Тогда был заключен династический брак племянницы *раса* Али – Анкуалит, с *деджазмачем* Хайлу (Йоседеком).

Такла Гиоргис первым делом попросил раса Али выпустить закованных им ранее высокопоставленных деятелей, что и было незамедлительно выполнено. Он рассчитывал заручиться их поддержкой, превратившись из виновника их заключения в освободителя и милосердного царя. Все они были собраны в Гарагара. Туда же были стянуты основные силы и войска. Трое заговорщиков оценивали свой потенциал перед новым захватом власти. Услышав о его возвращении, вскоре к ним присоединились *деджазмач*

---

[209] Orient. 821, л. 515, стлб. 1, стк. 26 – стлб. 2, стк. 6; Eth. 143, л. 324, стлб. 2, стк. 22-25.
[210] Населенный пункт в исторической области Волло.

Иконьян, верный друг Такла Гиоргиса, *деджазмач* Йа-Селласе Барья, *азаж* Кабте и многие, кто в прошлом состоял в его царской армии.

Через два месяца об этой мобилизации стало известно в столице и царь Иясу III отправился из Гондара в Годжам. В ответ Такла Гиоргис со своими военачальниками 2 хэдара (9 ноября) отправился в военный поход и встал лагерем в Чат Ваха, а затем в Авраджет и Афаренмай. После он добрался до Зурамбы, где его с радостью приняли местные священнослужители. Здесь он пробыл несколько дней. Затем он прошел мимо озера Валала и через селения Мекра и Йаша (не идентифицированные топонимы). Теперь *рас* Али послал сообщение своему брату Алигазу, который занимал должность *шум* в Ваге. Сообщение касалось крепости, которая была во владении *раса* Хайлу, и могла служить заговорщикам надежным опорным пунктом в военном походе.

Теперь *рас* Али и *рас* Хайлу вновь выступали в роли царских военачальников и, идя вперед, совершали военные набеги, расчищая путь Такла Гиоргису. *Расу* Али удалось сломить сопротивление в Лаго. С этого момента все враги *раса* Али и Такла Гиоргиса I также именуются мятежниками в тексте хроники. Затем было разорено Комо. Спаслись только те, кто нашел убежище в церкви. В этой местности впервые после долгого перерыва Такла Гиоргис вновь берет на себя «царские функции», а именно награждает *раса* Али почетными одеждами за его военные подвиги. Несмотря на то, что Такла Гиоргис был обязан своим возвращением *расу* Али, формально этот последний признает свое подчиненное положение и принимает награды из рук царя.

4 тахсаса (11 декабря) рас Али осадил, а затем полностью разорил Лимон. Так земли Комо и Лимон были опустошены, а местный правитель *баламбарас* Рамха, сторонник царя Иясу, убит. Нетрадиционный трофей послал *рас* Али Такла Гиоргису в доказательство смерти *баламбараса* Рамха. В качестве трофея были посланы не гениталии, а голова, что обычно было не принято ни среди язычников ни у христиан Эфиопии. Такла Гиоргис послал

голову в Гондар, где она была выставлена на поругательство в районе Гондара Аддабабай, на большой площади среди комплекса царских дворцов. Затем рас Али вышел из Лимона, а Такла Гиоргис из Комо, и они двинулись навстречу друг другу. Они встретились в Меча (Мача). Затем они отправились в Эсте, куда прибыл рас Хайлу с «трофеями». Был устроен богатый пир в честь *раса* Али, которому благодаря своему недюжинному уму, смекалке и таланту полководца удалось взять ситуацию в стране в свои руки. Теоретически царем все еще являлся Иясу III, но он был уже не в Гондаре и задачей заговорщиков было не допустить его возвращения. Из Эсте они вместе отправились в Тэнджана, а затем в хорошо известный Такла Гиоргису Аринго. Здесь их с радостью встретили монахи из монастыря Богородицы. Тогда военачальники отправились в Эрб, а Такла Гиоргис в Йэфуг Селласе. В это время расу Али удалось встретиться с *деджазмачем* Валда Габриэлем, своим старым другом. Несказанно рад этой встрече был и Такла Гиоргис. Выяснилось, что *деджазмач* Валда Габриэль был хорошо вооружен. Среди его амуниции была даже большая пушка. Историограф, знаток истории Эфиопии, пишет по этому поводу следующее: «И содрогнулись основы (земли) Годжам из-за иноземца, который ввез оружие, а именно пушки. И не случалось (такого) прежде и с тех пор не случается, хотя привозили оружие, а именно ружья, царю Эфиопии *аце* Клавдию, сыну *аце* Лебна Денгеля, убившему могучего мусульманина – Граня, того, что разрушил Дабра Либанос; (так вот) не привозили ему (этому царю) такое оружие, как это»[211]. Кроме того, намерения всех четверых были сходными. Валда Габриэль во что бы то ни стало намеревался попасть в Годжам, ближе к столице. Таким образом, он оказал значительную поддержку Такла Гиоргису и расу Али и способствовал укреплению их позиций.

---

[211] Orient. 821, л. 518, стлб. 1, стк. 12 - стлб. 2, стк. 7; Eth. 143, л. 325об., стлб. 2, стк. 25-33. Повествование в рукописи Eth. 143 имеет некоторые отличия от текста Orient. 821 (сравни: «Сотряслась земля Годжам и содрогнулись основы (земли) Дамот из-за пушек иноземца – (такого) дела, которого не случалось прежде и не было после этого. И когда привезли царю Клавдию, сыну *аце* Лебна Денгеля, убившему могущественного Граня, ружья, не привезли пушек (ни ему), ни всем, кто был доныне»).

Вместе они продолжили свое продвижение и через Карода добрались до Энфраза, расположившись в непосредственной близости от Гондара. Сюда сразу собрались судьи, члены царской семьи, многие военачальники и священнослужители из столицы и окрестных земель. Вернувшегося из изгнания монарха встречали с радостью. Видимо, люди с ностальгией вспоминали те четыре с половиной года, что он находился у власти. Был устроен пир. Тогда он отправился в Ачара, а затем в Боч, Далге и Куэнзела (точное местонахождение которых не установлено). *Деджазмач* Валда Габриэль получил от царя управление землями Дамот, Агау и Тигрэ, а *рас* Али – Бегемдером. За этим последовала череда новых назначений. Такла Гиоргис старался вознаградить своих сторонников. Они продолжили путь до реки Чэка, а затем через населенные пункты Келте, Куакуара, Сакела, Талия, Бот, Дэн и Амдамит (местоположение некоторых из них установить не удалось). Так они прибыли в Шоа, пройдя через Йанах и Данач. Здесь к ним присоединился рас Хайлу, разбивший лагерь в Дабра Цот.

Царь отправил вперед к Голубому Нилу (Аббаю) *раса* Али и *деджазмача* Валда Габриэля. В этом походе среди солдат поползли слухи и разговоры о примирении этих трех вельмож и царя Такла Гиоргиса, при том, что прежде они были в ссоре, а Такла Гиоргис в изгнании. Впрочем, люди с трудом верят в добрые дела и склонны искать во всем подвох. Здесь они разделились и *деджазмач* Валда Габриэль пошел другой дорогой. После обхода обширных территорий было собрано достаточное количество солдат.

Тогда они ночью, чтобы не стало известно о многочисленности их войска, перешли Аббай и отправились в Адьям Дара (Давал), затем в Татсабара, Лабат и вернулись в Аринго. Итак, с месяца нэхасе (август-сентябрь) до месяца мийазйа (март-апрель) *рас* Али неотлучно следовал за царем и теперь, встав лагерем в Аринго[212], когда ситуация успокоилась, отказался от высокого назначения, предложенного ему Такла Гиоргисом, и

[212] Входить в Гондар они не решились – не хватало вооружения и средств, да и момент был не совсем подходящим. В Гондаре находился второй царь со своими военачальниками.

решил отойти от дел и отдохнуть. Был сделан обход значительных территорий с войском. Смысл был в том, чтобы сначала покорить мятежные земли, и попутно продемонстрировать свою силу всей стране. Эта цель была достигнута. В Аринго, который историограф называет городом отцов царя, Такла Гиоргис остался на некоторое время со своими слугами, а *рас* Али отправился в свой родной город Гарагара. Там ему нанесли визит *рас* Хайлу и *деджазмач* Валда Габриэль. *Рас* Али оказал им пышный прием, наградил почетными одеждами и во всем показывал, что именно он был теперь правителем Эфиопии. Это смутило пришедших, и тогда они составили заговор против него.

В месяце гэнбот (апрель-май 1787 г.), пока *рас* Али находился в своей земле, *рас* Хайлу прибыл из родного Годжама в Гондар. С ним был новый претендент на престол, которого он собирался на скорую руку поставить на трон в обход Такла Гиоргиса. Узнав об этом, *рас* Али улыбнулся. Предатель был достоин презрения. Скоро было мобилизовано значительное войско. *Рас* Али оставил Такла Гиоргиса в безопасном месте, а сам пошел на Гондар. Но как только *рас* Хайлу прослышал о том, что *рас* Али приближается к Горгоре и идет на столицу, он ночью покинул город, не успев привести в жизнь свои планы.

К этому времени царь Иясу III добрался до Вагара со значительным войском. Ему предстояло сразиться с *расом* Али и его военачальниками. Тем временем военачальники Такла Гиоргиса привели войска в Дамбию и встали лагерем в Сакалт. Состоялась кровопролитная битва. Многие пали, не осталось в живых даже скота. Часть войска Такла Гиоргиса во главе с *расом* Али вернулась в Гондар. Другая часть отправилась в погоню за царем Иясу III, но, дойдя до Дара, была вынуждены пережидать там сезон дождей. *Деджазмач* Габру же, один из военачальников Иясу III, был распят[213] на вершине горы на поругание. Кроме того, солдаты Такла Гиоргиса и *раса* Али

[213] Следует отметить, что речь тут шла не о казни, а наказании – своего рода выставлении у позорного столба, ибо после «распятия» Габру остался жить.

разорили и разграбили значительные территории. Интересен тот факт, что, в то время как, согласно общепризнанной хронологии царствований Такла Гиоргиса, в 1787 г. он не был царем, в обнаруженной дарственной (на амхарском языке) из рукописи Orient. 776 из Британской библиотеки, датированной 4 гэнботом 7279 (10 мая 1787 г.) земли распределяет царь Такла Гиоргис. Он возвращает отнятые у нее земли (названия не уточняются) *вейзаро* Галабу, матери *раса* Али, и половину земель ее родичам[214].

В месяце маскарам (сентябрь-октябрь) Такла Гиоргис взял себе в жены дочь *раса* Али *вейзаро* Алташ (сделал ее своей наложницей) и таким образом породнился с этим влиятельным человеком. По неписаному обычаю у эфиопских царей было несколько наложниц и одна законная жена. У Такла Гиоргиса, как мы помним, уже была «жена» Энкой Лул, о судьбе которой в продолжение летописания историографы умалчивают. Был ли он венчан с одной из них – остается тайной.

Наконец, в месяце тэрр (декабрь-январь 1788 г.) началась серия тяжелых сражений. Силы были стянуты в район горы Вахни. Здесь обнаружился еще один предатель *деджазмач* Валда Габриэль, который, как только Такла Гиоргис и *рас* Али удалились от Вахни, спустил с нее еще одного царевича – Баэда Марьяма. Не изменил Такла Гиоргису только *рас* Али. Вместе они решили бросить вызов намного лучше оснащенному *деджазмачу* Валда Габриэлю, владевшему большим количеством огнестрельного оружия и многочисленным войском. Решено было встать лагерем в Марьям Ваха и дожидаться там Валда Габриэля. Битва не состоялась. В лагере противника произошел раскол, а с Вахни спустили и привели еще одного претендента на престол. Тогда, не найдя, с кем бороться, Такла Гиоргис и *рас* Али двинулись дальше. Этот период ознаменовался их постоянными передвижениями по стране вместе со своими войсками, и отсутствием каких-либо серьезных сражений. Но финальная битва должна была состояться. Противники, пусть и разрозненные, раздираемые несогласиями и алчностью власти, собирали

[214] Haddis Gebre-Meskel 1992, p. 157 (английский перевод), p. 289 (эфиопский текст).

силы. Такла Гиоргис и *рас* Али начали готовиться к битве и разрабатывать план ведения военных действий, расстановку командующих и отрядов. В месяце мийазйа (март-апрель 1788 г.) состоялась битва в местечке Мадаб, и многие были убиты. Вскоре прибыли отряды из Тигрэ на подмогу, и в их рядах многие пали. Такла Гиоргис лично преследовал противников, а затем вернулся в Аринго, куда были приведены пленные. Иясу III также был схвачен. Тогда, в Чистый Четверг, Такла Гиоргис I вернул себе свое царство и официально вновь взошел на престол. Историограф так подводит итог этой борьбы за власть: «Царь, который победил их – Такла Гиоргис, а те, кто был повержен, цари *аце* Иясу и *аце* Баэда Марьям»[215].

Пасху праздновали в Аринго. Ко двору непрестанно приносили «трофеи». Такла Гиоргис подарил *расу* Али седло, шитое золотом. Последовала череда назначений на высокие должности, и только *рас* Али вновь отказался от почетного места, предпочтя отдых в своей родной земле.

После этого *рас* Али дал Такла Гиоргису последние наставления и посоветовал ему идти в столицу, а сам отправился в Гоно. Долгие военные походы не прошли незаметно для этого уже не молодого человека. Он был болен и истощен сражениями и долгими переходами. Не дойдя до пункта назначения, он умер в пути в Гарагара[216] 11 сане (16 июня 1788 г.). Так закончил свои дни великий военачальник, один из наиболее влиятельных деятелей и ярких личностей Эфиопии в эпоху феодальной раздробленности. Он был погребен в Лалибале. Его место правителя «всего мира на своем месте»[217] занял его брат, *рас* Алигаз.

Но *рас* Алигаз и не думал продолжать курс, взятый его братом в политической жизни страны. Первым делом он выпустил из заключения тех влиятельных феодалов, которых некогда с великим трудом поборол и заковал в цепи его покойный брат. Вскоре после этого с Вахни спустили нового

---

[215] Orient. 821, л. 532об., стлб. 3, стк. 13-18; Eth. 143, л. 333, стлб. 2, стк. 14-17.
[216] Статья в EAE (Mantel-Niećko 2003) не приводит подробностей его смерти.
[217] Orient. 821, л. 534, стлб. 2, стк. 25-26; Eth. 143, л. 334, стлб. 1, стк. 7.

претендента на трон и поставили его в Гондаре. Им был царь Езекия[218], которому предстояло пробыть в шатком положении марионеточного монарха по разным подсчетам от 3 до 6 лет. Такла Гиоргис в это время находился в Аринго. Остается неясным, что помешало его свите ввести этого монарха в Гондар после удачного устранения царя Иясу III и его коалиции.

Такла Гиоргис был вынужден отступить. Он покинул Аринго и остановился в местечке Салам. Здесь ему сообщили, что за ним организована погоня. Он двинулся дальше, в сторону Афаранават и переправился через Голубой Нил. Когда вельможи узнали о том, что *рас* Алигаз поставил царя Езекию, а не Такла Гиоргиса, ради воцарения которого упорно бился его брат, войска оппозиции бросились в Гарагара, резиденцию *раса* Алигаза. Город был охвачен вооруженными стычками и смутой, многие военачальники в страхе бежали, покидая свои дома. Сам *рас* Алигаз чудом спасся от расправы. Посланный в погоню отряд добрался до Афаранавит, где находился Такла Гиоргис, и вступил с ним в бой, чтобы схватить и заковать его, устранив тем самым препятствие к воцарению Езекии. Такла Гиоргис вступил в бой с противниками и храбро бился с ними, но одолеть их он не смог. Такла Гиоргису удалось бежать, а прибывший *деджазмач* Иконьян забрал из Афаранавит его жену (в хронике не уточняется, которую из «жен») и имущество. Тогда Такла Гиоргис созвал не без помощи своих многочисленных сторонников значительное войско и направился в Гондар. В это время с разных сторон стали стекаться войска оппозиции, сторонники царя Езекии, со своими отрядами. При их приближении Такла Гиоргис вышел военным походом им на встречу. Битва состоялась в местечке Цада. Такла Гиоргис вновь был вынужден отступить. Он отошел в Сакалт, а затем в Дэнгэль Бар, уходя от погони. Тогда к нему на помощь пришел *рас* Хайлу Эшате из Годжама и вместе они повернули на Гондар, дабы побить царя Езекию. После многочисленных боев *рас* Алигаз оставил идею воцарения

[218] Согласно общепринятой хронологии периодом его правления считается 26 июля 1788–январь 1794 г. См. **Таблицу** в конце работы.

слабого и непопулярного среди народа Езекию. Он послал в Гондар своих подчиненных, которые выдворили претендента на трон и его свиту из столицы. Судя по хронологии событий, шел уже 1789 г., указанный также в тексте хроники. Тогда же было решено выпустить царевичей с Вахни и позволить им жить там, где они пожелают. Беспрецедентный случай в истории Эфиопии.

Трон вновь занял Такла Гиоргис I, но события последующих нескольких месяцев его правления довольно рутинны. Царь не имел достаточно сил, многие его приближенные мечтали о власти и изо дня в день предавали царя ради своих личных интересов. Противники Такла Гиоргиса начали строить планы его смещения и удаления с политической сцены, что могло означать убийство или нанесение увечий. Тогда вынужденный, несмотря на все отрицательные факты, выступить в новый военный поход против мятежников, царь вышел из Гондара в сторону Гарагара. В Чат Веха он встретил *раса* Алигаза. Противники были сильны и Такла Гиоргис, после своих победоносных походов десятилетней давности, был вынужден бежать под прикрытием *раса* Алигаза, который к тому времени сочувствовал Такла Гиоргису. Было решено спрятать Такла Гиоргиса в Эмкина, расположенной на горе, где его не смогут найти для расправы. Гондарский престол вновь отошел Езекии. На самом деле, под предлогом безопасности, в Эмкина Такла Гиоргиса посадили под стражу, где он и пробыл 2 года и 8 месяцев до начала 1792 г. Это стало неожиданным и неприятным поворотом событий и еще одним предательством.

В 1791 г. Такла Гиоргис I все еще находился под стражей, царь Езекия пребывал в Гондаре, а большинство военачальников разъехались по своим землям и наслаждались периодом затишья. В начале 1792 г. новая фигура на политической сцене Эфиопии, Ванд Бавасан Хайлу, решил спустить Такла Гиоргиса с Эмкина. Попытка эта не увенчалась успехом. Лишь в месяце нэхасе (август-сентябрь 1793 г.) Такла Гиоргис был освобожден и отправлен в Лалибалу. Тем временем *деджазмач* Валда Габриэль пришел в Гарагара, к

расу Алигазу. Последний был в отлучке и *деджазмач* Валда Габриэль устроил погром в его резиденции и бежал, услышав о скором возвращении *раса* Алигаза. Началась новая смута. Такла Гиоргис пробыл в Лалибале до месяца тэрр (ноября-декабря), а затем отправился в путь, собрал своих соратников, и с ними устроился на горе Гешен[219]. *Рас* Алигаз теперь поддерживал царя Езекию. На его стороне было много влиятельных деятелей, а с ними и их отрядов.

Битвы были кровопролитными, а противостояние затяжным. *Деджазмач* Валда Габриэль был вынужден отступить в сторону местечка Лэбо, где уже находился Такла Гиоргис. Тем не менее, он принес с собой много «трофеев» для своего царя. Это воодушевило Такла Гиоргиса, славного некогда своими военными походами, и он решил повернуть обратно и вместе с *деджазмачем* Валда Габриэлем дать отпор царю Езекии. Последний отступил в Дэнгэль Бар и, уходя от преследования, добрался до Сакалта, где ему удалось скрыться от погони. Такла Гиоргис повернул свои войска назад, в сторону Лэбо. Там он созвал свою дружину на совет. Одни желали биться с *расом* Алигазом, другие боялись. Даже здесь Такла Гиоргису не удалось привести своих соратников к общему решению.

12 маскарама (20 сентября 1793 г.) *рас* Алигаз с царем Езекией и войском был в Эбнате. Такла Гиоргис наступал из Самена. Тогда было решено отправить Езекию в Гондар, дабы обеспечить его безопасность, ибо всем было ясно, что он был основной, хотя и формальной, преградой на пути очередного воцарения Такла Гиоргиса I на трон Эфиопии. Вскоре Такла Гиоргису удалось вновь войти в свои палаты в Гондаре, несмотря на множественные попытки не допустить этого или выманить его из столицы под различными предлогами. В результате люди *раса* Алигаза и, в частности, его сын *обето* Гобазе, пошли брать Гондар штурмом. Но, следуя хитроумному замыслу, царские дружинники устроили засаду прямо в доме царя. Так битва началась в самом сердце столицы. Царские палаты были

---

[219] См. о ней в начале **Экскурса 2**.

сожжены, митрополит Иоасаф и *эччеге*, чьи покои находились неподалеку, вышли на улицу и с переменным успехом пытались остановить разбой и насилие, а после битвы примирить враждующие стороны. Хотя, на самом деле, все присутствующие понимали, что в сложившейся ситуации перемирия быть не могло, ибо не ясно было, кто с кем должен примириться. Никто не уступал и несколько группировок боролись за власть. Основные две были представлены *расом* Алигазом и Такла Гиоргисом I.

Пока Такла Гиоргис отсутствовал в столице, 12 гэнбота (18 мая 1794 г.) группа заговорщиков, среди которых был небезызвестный *деджазмач* Адэгах, вошли в дом митрополита и объявили ему, что отныне по их воле царем будет Баэда Марьям II[220]. Митрополит тщетно возражал этому. В тот же день *абуна* Иоасаф и *эччеге* вошли в царские палаты и водрузили корону на голову нового царя. С этого момента события развивались сходным образом, но вместо царя Езекии выступал новый царь Баэда Марьям II, что, в сущности, не меняло дела. В этом году дождливый сезон Такла Гиоргис пережидал в Вальдеббе, а царь Баэда Марьям II в Гондаре.

К третьему периоду царствования Такла Гиоргиса I, который, согласно общепринятой хронологии начался в январе 1794 г., относится ценный документ (№ 67), представляющий собой дарственную, которую дал Такла Гиоргис, на семь земельных наделов святилищу Троицы в Чалакоте в области Эндарта, основанному и построенному *деджазмачем* Валда Селласе. Документ датирован 21 маскарамом (29 сентября 1794 г.)[221].

Осенью 1795 г. к Такла Гиоргису в монастырь Вальдебба прибыл *деджазмач* Адьямо с сообщением от Ванда Бавасана Хайлу. Он предложил ему вернуться, но Такла Гиоргис отказался, прямо заявив в ответ, что не желает быть марионеткой в чьих-то руках. Ожидая такой ответ от гордого монарха, Ванд Бавасан Хайлу заверил Такла Гиоргиса, что даст ему волю

---

[220] См. **Таблицу** в конце работы.

[221] Liber Axumae (Conti Rossini) 1909, p. 50 (эфиопский текст), p. 60 (французский перевод). Речь идет о сборнике документов, условно названном «Книга Аксума» и находившемся под одной обложкой с рукописью династического трактата *Кэбра нагаст*.

поступать, как он пожелает, и самостоятельно управлять государством. Тогда же у Такла Гиоргиса появился новый влиятельный благодетель и соратник в лице *раса* Габре. Вскоре он взял в жены (наложницы) его дочь, таким образом, породнившись с ним[222]. Такла Гиоргис и *рас* Габре отправились в Гондар. Это стало его возвращением на престол.

19 тэрра (26 января 1796 г.) он построил еще одну церковь, а 7 хэдара (15 ноября) приказал перенести туда два алтаря. В результате там был основан монастырь, названный Цэрэх Сион.

Теперь в столице было три фактических правителя, а именно Такла Гиоргис, *рас* Габре и Ванд Бавасан Хайлу. Вместе они устраивали пиры и присутствовали при назначениях на должности и раздаче титулов. В этот период заговорщики не гнушались угрожать и притеснять людей, говоря: «Тем, кто не примет царя нашего, Такла Гиоргиса, сожгут дома их и разграбят имущество их»[223]. К этому периоду относится еще одна дарственная (№ 68), датируемая годом евангелиста Иоанна (скорее всего охватывающего период с сентября 1795 по сентябрь 1796). Согласно этой дарственной, Такла Гиоргис I дал в качестве *гульта*: *расу* Валда Селласе местности Дамбала и Зарфент в области Тамбен, Харако и Фалаг Даро в области Эндарта, Дангвало в провинции Сэраэ и все земли Санафе; Ваг *шуму* Сабхато; *кэньазмачу* Дабабу Агуалаэ и Хавуза в земле Цэраэ; *паше* Таклу Ад Кэрас, налет и Ад Салаэ в земле Гаралта; *бэлатенгета* Валда Самуэлю Маганъэ в землях Эндэрта; Эд Селласе из Танбена Рэба Мэнч[224]. Еще одна, к сожалению, не датированная дарственная (№ 69) сообщает о земельных наделах, данных церкви архангела Гавриила в Адуа[225].

---

[222] Это третья наложница Такла Гиоргиса, упоминающаяся в хронике. Ее имя нам неизвестно.
[223] Orient. 821, л. 561, стлб. 2, стк. 21-25; Eth. 143, л. 349об., стлб. 2, стк. 1-2.
[224] Liber Axumae (Conti Rossini) 1909, p. 50-51 (эфиопский текст), p. 61 (французский перевод).
[225] Liber Axumae (Conti Rossini) 1909, p. 51 (эфиопский текст), p. 61 (французский перевод).

Но вскоре на трон был поставлен *абето* Габра Мэдхэн, сын Такла Хайманота II, получивший имя Соломон (II). Митрополит и *эччеге* согласились с этим выбором, ибо им не оставалось ничего другого, как соглашаться. Такла Гиоргис I вновь оказался низложенным.

Возведенный на престол очередной марионеточный царь взял себе в жены *вейзаро* Алташ, которая была дочерью брата *раса* Алигаза *раса* Али и бывшей наложницей Такла Гиоргиса I.

10 хамле (15 июля 1797 г.) *баламбарас* Ассэрат пошел со своим войском, состоящим из воинов из Фунга (*фанджоч*)[226], на Гондар дабы свергнуть царя Соломона II. Царь был вынужден бежать. Вновь послали за Такла Гиоргисом, который нашел убежище в Вальдеббском монастыре. В послании к нему сообщалось: «Приходи на место свое и мы будем служить тебе, ибо без тебя весь мир пал от голода и стрел»[227]. Далее историограф приводит мнение простого народа, который возопил: «Да будет править над нами Такла Гиоргис царь, и спасет нас от голода и мучений»[228]. Страна осталась без монарха и *рас* Габре отправился в месяце тахсас (декабрь-январь) в Вальдеббский монастырь снова просить Такла Гиоргиса вернуться. 29 тахсаса (5 января 1798 г.), на Рождество, наш герой вновь вошел в столицу. Гондар ликовал. Теперь некоторые мятежники, которые прежде противостояли Такла Гиоргису и плели за его спиной интриги, приходили к нему, неся над головой камни. Страна была повергнута в нищету и голод, города и села разорены или сожжены, поля вытоптаны, церкви разрушены. Множество людей погибло в бесконечных распрях и битвах. К тому времени царь Соломон II был устранен рукой *деджазмача* Ассэрата и в течение 8 месяцев был в изгнании. 3 йакатита (8 февраля) он прибыл в Гондар, где находился на троне Такла Гиоргис, причем, Такла Гиоргис знал о его

---

[226] Кочевники-скотоводы из южной Нубии (ныне Судана). В XVI в. ими был образован султанат Сеннар. К концу XVIII в. правящая династия Сеннара уже потеряла свое влияние в регионе. Опытные воины, они нанимались в войска к эфиопским царям и, как видно из текста хроники, к влиятельным феодалам.

[227] Orient. 821, л. 565об., стлб. 2, стк. 19-24; Eth. 143, л. 352об., стлб. 1, стк. 19-22.

[228] Orient. 821, л. 565об., стлб. 3, стк. 8-11; Eth. 143, л. 352об., стлб. 1, стк. 28-30.

приходе. Возможно, он лично вызвал его к себе. Было приказано встретить его, как подобает встречать почетных гостей. Сам Такла Гиоргис ожидал Соломона II в центральном зале царского дворца. В этот день был устроен пышный прием и пир. Во время празднования Такла Гиоргис посадил Соломона II на трон возле себя. Такла Гиоргис не мог относиться враждебно к своему племяннику, сыну Такла Хайманота II. Кроме того, как мы помним, 22 тэрра (18 января 1783 г.) его еще мальчиком приводили к Такла Гиоргису в сопровождении *деджазмача* Валда Габриэля. И даже тогда царь не разгневался, а радушно принял племянника. Хроника умалчивает о дальнейшей судьбе Соломона II. Такла Гиоргис же занялся устройством церквей. Он много времени проводил с митрополитом и *эччеге*. Было решено даровать монастырю Дабра Мэтмак статус святилища, наравне с домом митрополита. Кроме того, монастырь Махдара Марьям получил значительные земельные наделы.

Тем не менее, смута не прекращалась, ибо приближенные Такла Гиоргиса продолжали плести интриги и заговоры. Так, *деджазмач* Ассэрат объявил царю, что он отправляется в карательную экспедицию в земли Годжама против *раса* Мар‘эда, новой влиятельной фигуры на политической сцене страны. Такла Гиоргис, состоящий в дружеских отношениях с последним, наложил запрет на эту экспедицию, но *деджазмач* Ассэрат и не думал повиноваться. Кроме того, 22 маггабита (29 марта) ко двору прибыла дочь *раса* Габре, наложница царя. Историограф замечает, что даже у нее было особое задание от некоторых вельмож, целью которого был заговор против Такла Гиоргиса.

Начиная с этих событий, информация о жизни при дворе и в Эфиопии в целом в используемой летописи довольно скудна, а в других источниках ее вовсе нет. В месяце гэнбот (май-июнь), например, монахи из Азазо, где тогда находился Дабра-Либаносский монастырь, не поладили с *эччеге* Валда Иисусом. Это привело к тому, что 10 гэнбота (16 мая) он был снят с должности. В последующие дни царь ни кого не принимал. Только когда в

конце месяца к нему прибыли вместе *рас* Мар‘эд, *деджазмач* Ассэрат и *кес* Аце Габру, которые после начавшейся военной экспедиции сумели договориться о мире, царь открыл двери своих палат. Он выслушал каждого из них и дал согласие на их взаимное примирение в соответствии с предложенными условиями.

Затем ко двору прибыла дочь *деджазмача* Цахая Лэда, чтобы стать женой сына царя Такла Гиоргиса I абето Иоаса. Поскольку оба они были еще малолетние, она должна была подрасти и быть воспитанной рядом с ним. За это царь Такла Гиоргис сделал ее отца *баджерондом* в царских палатах. Он не подозревал, радуясь за своего родича, что и здесь таился сговор. Следующие события, описываемые историографом, показывают, что при дворе замышлялось множество мелких заговоров, о которых то и дело становилось известно Такла Гиоргису. Например, один из придворных по имени Вахеду внезапно ночью исчез из лагеря, после чего стало известно, что он интриговал против Такла Гиоргиса. В наказание царь снял многих его сообщников с занимаемых ими должностей. Вахеду был знаком Такла Гиоргису с малых лет, он участвовал в его воспитании и затем последовательно 7 раз давал ему различные назначения. Кроме того, выяснилось, что одним из заговорщиков, кроме того, состоящим в родственных связях с зачинщиками, был *деджазмач* Ассэрат. То, что самые близкие люди прилагали усилия к тому, чтобы свергнуть его, было очень плохим знаком в нынешнем положении Такла Гиоргиса, который постепенно лишался всяческой опоры. На последовавшем за этим празднике Вознесения Богородицы не устраивалось пиров и развлечений, ибо весь двор был в печали, включая *эччеге* и митрополита.

В погоню за *деджазмачем* Ассэратом, который также покинул столицу, отправился сын сестры *деджазмача* Хайлу, Нахасе. Ему удалось нагнать его. Завязалась битва, в которой войско *деджазмача* Ассэрата было разбито, а сам он бежал. И только Гондар с радостью встретил эту новость, как новое сообщение омрачило его ликование. Вместо того, чтобы отправиться обратно

в столицу, Нахасе завернул в Манзеро в области Дамбия и разграбил в ней много селений. Царь послал к нему гонца с приказом вернуть награбленное и отправляться в свои земли, но тот пренебрег волей царя и продолжил свой уже в полной мере военный поход, встав на этот раз лагерем в Цада, а некоторые его воины продвинулись до реки Ангараб и устроили там разбой и бойню среди местных жителей. Судя по всему, этот Нахасе вошел в сговор с вышеупомянутым Ваxеду.

В Гондаре началась очередная мобилизация. Мятеж был настолько крупным, что в дело вмешались даже митрополит и *эччеге*, которые посоветовали царю издать указ, по которому всякий, кто присоединится к Ваxеду, будет отлучен от Церкви, его дом будет разрушен, а имущество конфисковано. Не ясно, могло ли это в сложившейся ситуации кого-то напугать, и имел ли царь возможность привести в действие свои угрозы. 1 пагуме (4 сентября) в местечке Каха состоялась битва между отрядами Ваxеду и войском, посланным против них Такла Гиоргисом. Многие были убиты. Затем мятежник продвинулся в Самона Бар и попутно сжег город Такла Гиоргиса Аринго. Затем он двинулся в сторону столицы, чтобы выманить из резиденции митрополита *аце* Иону, еще одного представителя династии Соломонидов, сына царя Соломона I[229], который нашел там прибежище после отмены института царской тюрьмы. Такла Гиоргис заранее предугадал этот план и забрал *аце* Иону и его брата Гошу в свою резиденцию.

1 маскарама (9 сентября) состоялось еще одно сражение, в котором взяли верх отряды Такла Гиоргиса. Тогда царь лично отправился в путь, дошел до Дамбии и к 16 маскараму (24 сентября) вернулся обратно в район Гондара. 17 маскарама (25 сентября) был праздник Крестовоздвижения, а на следующий день к столице подошли мятежники и подожгли резиденцию царя. Самому Такла Гиоргису удалось спастись. Теперь были сожжены обе его резиденции и он, кроме всего прочего, оставался без собственного

[229] О его родословии сведения разнятся. См. об этом: Crummey 2014a.

жилища. Обе стороны приготовились к битве. Состоялось жестокое сражение, жертвами которого едва не стали ни в чем не повинные *аце* Иона и *аце* Гошу. Вахеду отступил, но 19 маскарама с новыми силами двинулся в наступление. Состоялось новое сражение, после которого, встав лагерем в Кайла Меда, Вахеду послал сообщение к митрополиту, в котором просил, чтобы ему отдали должность правителя земель Эдея. В случае удовлетворения его требования, он обещал примириться с *эччеге* (о ссоре с которым хроника не сообщает) и с миром удалиться, а в противном случае войско царя должно было незамедлительно покинуть свои шатры, ибо он переходил в наступление. Кроме того, обезумев от жажды власти и забыв о своих религиозных чувствах, мятежник не останавливался ни перед чем. Он даже грозился поджечь резиденции *эччеге* и митрополита. В данном случае остается неясным, каким влиянием на царя обладал митрополит, и имел ли он полномочия и моральную возможность просить у него за третье лицо.

Сдержав слово, 20 маскарама (28 сентября) Вахеду приготовил свое войско к новой битве, на этот раз против высших церковных иерархов, которые естественно отказались удовлетворить его бесцеремонную просьбу, и царя Такла Гиоргиса I. Автор хроники сообщает, что битва была тяжелой и жестокой и длилась 3 часа, до самого захода солнца. Многие пали на поле боя. Мятежник отступил к Дамбии и с оставшимися силами встал лагерем в Мэнйэчэр. Там он узнал о том, что *баламбарас* Валда Такле со значительным войском выступил на подмогу царю и приближается к Дамбии. Вахеду осознал, что ему не справиться с такой многочисленной армией и, бросив свой лагерь, в страхе бежал в Фэрка.

26 маскарама (4 октября) *баламбарас* Валда Такле, которому не пришлось вступить в решающее сражение, торжественно вошел в резиденцию Такла Гиоргиса (следовательно, она была не полностью разрушена) в Аринго, и швырнул перед царем добытые им «трофеи». По этому поводу был устроен пир.

29 маскарама (7 октября) царь снимал и назначал на должности и занимался другими государственными делами. 8 тэкэмта (16 октября) пришло еще одно тревожное известие из Гондара. 2 заговорщика, Ассэрат и Вахеду добрались до Вантафет Манкария. Царь незамедлительно двинулся им навстречу со своими войсками. Кроме того, он послал свои войска из Ласты в сторону Бегемдера по дороге, ведущей в Марьям Веха, чтобы они могли атаковать мятежников с тыла. Судя по тому, что мятежники заняли Гондар, а царь с войском кружил по стране, в это время он не имел стабильной позиции в стране. Да и автор летописания оговаривается о том, что Такла Гиоргис I был в изгнании.

21 тэкэмта (29 октября), на праздник Богородицы[230], *фитаурари* Геннэ украдкой пробрался в лагерь мятежников на Ангарабе и избил самого Вахеду при входе в его шатер. После он принес царю «трофеи» от людей Вахеду.

Мятеж продолжил *деджазмач* Ассэрат, который отступил в Бегемдер. Царь безуспешно пытался собрать новые войска. Даже самые близкие люди и родичи отказывались прислать подмогу. Тогда царь двинулся с теми войсками, которые оставались в его подчинении, но когда он добрался до Энкаша, к нему прибыли люди его соратника Валда Габриэля, которые взяли на себя тяготы военного похода. Царя отправили обратно, чтобы он был в безопасности. Такла Гиоргис дал согласие и удалился на безопасное расстояние, в Гонко. Тогда к нему пришли люди *раса* Валда Селласе и сообщили, что *рас* Габре готов выступить на подмогу царю в обмен на дружбу и прощение (достаточно вспомнить, что его дочь, по всей видимости, не без его содействия, участвовала в заговоре против Такла Гиоргиса). В сложившемся положении это было более чем кстати. Он дал согласие и 12 хэдара (19 ноября), в день памяти архангела Михаила, он вышел из Махуртача и направился со своим войском в сторону Самена, чтобы там

[230] В эфиопской церковной традиции 21 число каждого месяца посвящено Богородице так же, как 12 число – архангелу Михаилу.

соединиться с отрядами *раса* Габре. Встреча состоялась в Энчат Каб, по случаю чего был устроен пир.

К 5 тахсасу (12 декабря) страна вновь была мобилизована. Значительные силы сподвижников царя стояли в Цада. Такла Гиоргис покинул Самен и остановился в монастыре Вальдебба, где ему была обеспечена безопасность. Мятежники же во главе с *расом* Ассэратом встали лагерем в Мэнэйчэр. 7 тахсаса (14 декабря) рас Валда Габриэль пришел в Вальдеббу, где его ожидал Такла Гиоргис, и с радостью встретился с царем. Они объединили свои отряды и двинулись в Фантар. 8 тахсаса (15 декабря) они вместе прибыли в резиденцию *эччеге*, находящуюся в Фантаре, и в его присутствии поклялись действовать сообща. Митрополит и *эччеге*, вдохновленные этим союзом, отправились в Мэнэйчэр к мятежникам просить их о мире, но вернулись не солоно хлебавши в Гондар. 17 тахсаса (24 декабря) царь со своей коалицией был готов дать сражение мятежникам, обосновавшимся в Мэнэйчэр. Битва продолжалась три часа, но дело усугубило прибытие на подмогу мятежникам *деджазмача* Валда Хэйвата. Причем прислан он был *расом* Габре, его братом и прежде союзником Такла Гиоргиса. Тем не менее, царю удалось одержать победу в этом сражении. Враг был разгромлен, а мятежники бежали в Годжам, где их ожидал еще один влиятельный деятель страны, рас Мэр‘эд.

Царь встал лагерем на реке Каха, куда его солдаты в течение двух дней приносили «трофеи». Когда он прибыл в свою резиденцию и отпустил *раса* Валда Габриэля восвояси.

Царь находился в освобожденном от мятежников Гондаре, пока 14 йакатита (19 февраля 1799 г.) ему не пришлось отправиться в Вагара, а затем в Амбарис (путь от Вагара до Амбарис занял у него 1 день) на встречу с *расом* Валда Селласе. Поводом для этого послужил союз между *расом* Валда Селлассе и *расом* Габре, заключенный без ведома царя, что грозило Такла Гиоргису новой опасностью (особенно в виду того, что оба они не раз предавали царя). В Амевалек, где остановился царь, неожиданно прибыло

множество высокопоставленных людей Эфиопии, а именно *рас* Валда Селласе, *рас* Габре и *деджазмач* Валда Хэйват. К изумлению Такла Гиоргиса они несли над головами камни в знак признанной вины и подчинения. После *рас* Валда Селласе принес царю налог со своих земель и различные дары: оружие, богатые одежды из хлопка, ковры и, кроме того, 300 динаров золотом[231]. Получив дань, Такла Гиоргис в тот же день отдал *расу* Валда Селласе право на сбор налогов и в провинции Тигрэ на четырехлетний срок с титулом *бетвадада*.

20 маггабита (27 марта) *рас* Валда Селласе отправился в свои земли, а Такла Гиоргис тронулся в путь в сторону столицы и 14 мийазйа (20 апреля) прибыл в Гондар. Пасха в этом году выпала на 22 мийазйа (28 апреля). «Царь устроил пир, на котором они ели и пили 4 дня. Было зарезано 200 буйволов в Аддабабай и он накормил каждого жителя города, подобно тому, как кормил людей его отец Иясу»[232]. Пока город праздновал, пришла весть о том, что *рас* Мар‘эд выступил со своим войском в поисках *раса* Валда Габриэля. В начале месяца гэнбот они сразились в местечке Дагуила, а 14 гэнбота (20 мая) мятежники неожиданно ворвались в Гондар. Такла Гиоргис в спешке покинул столицу и отправился в Вагара, а затем в Адет и Аджре. Что касается двух его соратников, Алулы и Гугсы, то они встали лагерем на горе (название которой не уточняется), но у них было недостаточно сил, чтобы взять верх над противником. Тем временем в Гондар вошел *аце* Соломон II, о котором хроника умалчивала в течение 2 лет и 3 месяцев, где его ожидал *рас* Мар‘эд, чтобы поставить его на престол и прикрываться его личностью для достижении своих целей. Так закончился пятый, предпоследний официальный период правления Такла Гиоргиса I.

---

[231] См. Orient. 821, л. 572, стлб. 3, стк. 21-22; Eth. 143, л. 357, стлб. 1, стк. 7. Эта золотая монета, циркулировавшая в денежном обороте в большинстве стран арабского мира, была в ходу в средневековой Эфиопии (Rubenson 2005).

[232] Orient. 821, л. 572об., стлб. 2, стк. 22 – стлб. 3, стк. 2; Eth. 143, л. 357, стлб. 2, стк. 6-10. Причем неясно, почему его отца историограф называл именем Иясу, когда тот был Иоанн II. Скорее всего речь идет об ошибке.

Рас Ассэрат и Вахеду, бывшие его соратники (а прежде помощники Такла Гиоргиса) по приказу раса Мар‘эда, были посажены под стражу. В цепи было заковано множество людей, среди них даже *эччеге* и митрополит. Царь Соломон II вновь взошел на трон.

Уже 10 сане (15 июня) *рас* Габре, некогда воевавший на стороне Такла Гиоргиса, поддерживавший его, поставивший его на трон и отдавший ему в наложницы родную дочь, выступил с предложением пойти на Вагара и сразиться с Такла Гиоргисом. *Расу* Мар‘эду пришлась по вкусу эта идея, и он сам, *рас* Габре и царь Соломон II, которого не стоило оставлять в Гондаре без присмотра, дабы он не собрал себе поддержки, или не затеял что-либо подобное против его благодетелей, отправились с войсками в Вагара.

Узнав об этом, Такла Гиоргис двинулся дальше на север искать убежище в уже знакомой ему провинции Тигрэ. С ним отправилась целая свита, состоящая из знатных вельмож и военачальников. В Аксуме его с почестями и радостью встретил *рас* Валда Селласе, которого он сам всего около четырех месяцев тому назад назначил правителем в этой области. 28 сане (3 июля) они прибыли в Антало, где и пережидали вместе сезон дождей. В это время *рас* Валда Габриэль с одной стороны и *рас* Мар‘эд и *рас* Габре с другой стороны встретились в Вагара. Изначально целью этой встречи был очередной сговор против Такла Гиоргиса, то, ради чего последние и отправились в военную кампанию из Гондара. Вскоре же, не найдя общего языка и не прейдя к согласию, руководствуясь собственными интересами и ставя их во главу угла, они поссорились. Результатом ссоры стала битва заговорщиков друг против друга, состоявшаяся 5 хамле (11 июля), в ходе которой *рас* Валда Габриэль первым лишился жизни от огнестрельного ранения и нескольких копий[233]. *Рас* Мар‘эд погиб, проткнутый копьем, на 27-м году жизни[234]. Историограф явно сочувствовал ему, ибо при первых

---

[233] Он был погребен в монастыре Ацацами св. архангела Михаила.

[234] Историограф расценивает его как погибшего очень молодым, из чего следует, что в позднесредневековой Эфиопии средняя продолжительность жизни была достаточно велика.

упоминаниях о нем в тексте хроники он выводит его имя красными чернилами, что, судя по всему, и скопировали последующие переписчики, а после описания его гибели добавляет: «Так умер *рас* Мар‘эд, нищий духом, как говорится в Библии: “Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное” (Мф. 5:3)»[235]. Далее он приводит и другие цитаты из Писания. Он был погребен в могилу своей матери в известном монастыре Дабра Куаскуам, расположенном в нескольких километрах от царской резиденции в Гондаре.

Сразу после этого, оставшись без своих лидеров, воины из Годжама убежали в свою землю. *Рас* Габре и *деджазмач* Хайлу пытались скрыться, но были тяжело ранены, так что с поля боя их выносили на носилках.

10 хамле (15 июля) умер сын Такла Гиоргиса I *абето* Иоас. Его погребли в Баата, где его отец основал церковь, в могилу его отца (когда историограф писал эти строки, по всей видимости, Такла Гиоргиса уже не было в живых). Царя Соломона II сразу заковали в цепи, ибо он потерял всех сподвижников, и свергли с престола.

В это время в Гондаре два новых персонажа, у которых в сложившейся ситуации появилась возможность взять инициативу в свои руки, вышли на политическую сцену. *Деджазмач* Гугса и *деджазмач* Алула уже 20 хамле поставили на трон *аце* Димитрия, сына *абето* Аркадия, внука *царя* Василида, брата *деджазмача* Гугсы. При этом остается неясным, почему сам Гугса, будучи членом царской семьи, не был помещен ранее на Вахни и свободно участвовал в политических интригах в стране. Следовательно, 24 хамле (29 июля), во время первого заседания, устроенного новым царем по вопросам снятия и назначения на должности, Гугса получил должность *деджазмача* крупной провинции Бегемдер, а Алула – *кэньазмача* и другие почетные должности.

Пока новые распорядители праздновали легкую победу, заработанную чужими руками и достигнутую во многом благодаря стечению

[235] Orient. 821, л. 573об., стлб. 3, стк. 16-20; Eth. 143, л. 358, стлб. 1, стк. 7-11.

обстоятельств, в месяце нахасе (август-сентябрь) рас Габре смог организовать освобождение из-под ареста Ассэрата и Вахеду[236]. Это могло бы привести к новому восстанию, но они были схвачены *расом* Гугсой по дороге в Бегемдер.

2. *Последнее восхождение Такла Гиоргиса I на трон*

10 сентября 1799 г. начался новый год по эфиопскому календарю[237]. Историограф по традиции особо отмечает эту дату в летописании. Он так начинает хронику нового года: «Мы начинаем писать историю печали этого мира. Мы не получили (сведения) от ученых монахов или из рассказов наших отцов. И не нашли мы друзей, кто мог бы поведать нам обо всем, о чем мы печалились и сожалели. Только Господь ведает. Во вторник начался маскарам (10 сентября) в год евангелиста Иоанна. В четверг начался тэкэмт (10 октября)»[238]. В то время как царь Димитрий находился в Гондаре, в столицу ворвались люди Такла Гиоргиса и пустили по городу глашатая, с сообщением, согласно которому Такла Гиоргис требовал от всех жителей города, включая *кэньазмача* Алулу, выйти на дорогу, ведущую в Вагара, ибо он сам возвращался из Тигрэ. Но, 27 тэкэмта (5 ноября) Алула заболел и умер[239].

18 хэдара (26 ноября) Такла Гиоргис отправился в путь в сторону Гондара. Смерть одного из мятежников значительно облегчала его возвращение в Гондар. По прибытии он без промедления вошел в царские палаты Димитрия. Прибыли митрополит и *эччеге* (по всей видимости, к тому моменту уже освобожденные от оков). После долгих разговоров и споров,

---

[236] В этом контексте историограф, как бы мимоходом, замечает, что 13 нахасе (17 августа) с первым петушиным криком (то есть рано утром) произошло землетрясение.

[237] Летописание рукописей D'Abbadie и 118 Rüppell 18, начиная с этой даты опубликовано К. Конти Россини (Cronaca (Conti Rossini 1917). Повествование в этих двух рукописях подчас значительно отличается от текста использованных нами в данной работе рукописей.

[238] Orient. 821, л. 574об., стлб. 2, стк. 4-17; Eth. 143, л. 358об., стлб. 1, стк. 24 – стлб. 2, стк. 3.

[239] Он был погребен в монастыре Мацраха на одном из островов на озере Тана.

хотя Такла Гиоргис и пришел с миром, на него обрушилась гневная речь митрополита Иоасафа, явно утомленного беспорядками в государстве и откровенным надругательством над Церковью и над ним самим, которые он терпел уже более полутора десятков лет. Он вопрошал: «Зачем ты пришел сюда? Ты не приносишь ничего, кроме разрушения. Было бы лучше, если бы Господь уничтожил и тебя, глупца, и правителей Бегемдера и Амхары!»[240] Такла Гиоргис спокойно выслушал долгую речь главы Эфиопской Церкви, не проронив ни слова наперекор. Как замечает историограф, он вел себя так смиренно согласно тому, что Библия гласит: «Не приклоняй главы твоей пред глупцом, не бойся человека, гордящегося собой и восхваляющего почет дома своего»[241]. Теперь даже сам Такла Гиоргис потерял уважение к церковным иерархам.

После этих слов, судя по соответствующему замечанию историографа «люди не ходили (более) в дом митрополита, только галласы[242] зашли в резиденцию *эччеге* и разрушили (там) две постройки»[243].

Тем не менее, Такла Гиоргис, поддержанный населением, остался в Гондаре, но уже 22 тахсаса (30 декабря) был вынужден пойти в очередной военный поход. Первым перевалочным пунктом в этом марше было местечко Коб. Здесь, накануне Рождества, которое в сложившихся условиях уже никто не собирался праздновать, он отпустил своих воинов добывать себе пропитание (на практике они чинили разбой и грабеж). Большое число людей из местного населения было убито. 4 тэрра (11 января 1800 г.) он прибыл в Махдара Марьям и разграбил монастырское имущество, которое там оставалось после последнего десятилетия постоянных набегов. Исходя из этого, становится ясно, что личность Такла Гиоргиса I претерпела значительные изменения за эти более чем 20 лет скитаний между властью и изгнаниями. Постоянный страх расправы, заговоров и предательства, смерти

---

[240] Orient. 821, л. 575, стлб. 1, стк. 25 – стлб. 2, стк. 5; Eth. 143, л. 359, стлб. 1, стк. 7-11.
[241] Orient. 821, л. 575, стлб. 2, стк. 11-15; Eth. 143, л. 359, стлб. 1, стк. 15-17. Прямая аналогия в Библии обнаружена не была.
[242] Уничижительное название народа оромо. См. также примеч. 111.
[243] Orient. 821, л. 575, стлб. 2, стк. 16-20; Eth. 143, л. 359, стлб. 1, стк. 17-20.

близких сделали его сердце, столь высокопарно восхваляемое *алакой* Габру в начале его хроники, черствым. Он потерял набожность и человеколюбие.

Рас Валда Селласе продолжал рассылать по разным концам Эфиопии угрозы, основная идея которых заключалась в том, что тот, кто не признает царем Такла Гиоргиса, поплатится своим жильем и всем имуществом. В это время началась очередная смута между *расом* Габре и *расом* Валда Селлассе, который входил в коалицию Такла Гиоргиса. Тогда к этим последним присоединился *деджазмач* Гугса. В качестве доказательства своей верности и заслуг он преподнес царю «трофей», отрезанный у убитого *раса* Ассэрата, его пленника. В награду 9 тэрра (16 января) Такла Гиоргис одарил Гугсу и назначил его правителем Бегемдера.

После этого, по неизвестным нам причинам Такла Гиоргис I в течение около четырех месяцев пробыл в Сабра, занимаясь в основном различного рода назначениями на должности[244], не имеющими особого значения на государственном уровне.

9 маггабита (17 марта) Такла Гиоргис отправился в Гадабэге, где все это время находился Гугса. При этом он пошел один, по той или иной причине оставив своих соратников на своих местах. Затем, 17маггабита (25 марта), после встречи с Такла Гиоргисом, Гугса отправился в Гондар к своему брату Димитрию. Там он не застал его в царских покоях и, пройдясь по резиденции, обнаружил его молящегося в дверях церкви, которую Димитрий построил неподалеку[245]. Причиной этого стало то, что в этот день люди узнали о смерти *абето* Иоаса. Затем, когда город начал оплакивать его смерть, это вызвало недовольство митрополита и *эччеге*, отношения которых с его отцом, Такла Гиоргисом, были натянутыми. Они вмешались и увели Димитрия в его покои. Когда в городе оказался Гугса, он стал свидетелем тому, что смерть члена царской семьи не оплакивают. Это шло вразрез как с церковной и придворной традициями, так и с личными планами Гугсы

---

[244] Историограф замечает, что у этих назначений не было ни какого смысла. Они были пустыми словами, подобием «золотых диадем» на головах приближенных царя.
[245] Церковь Дабра Мэтмак.

представить Такла Гиоргиса любимцем народа и поставить его на престол для достижения своих интересов. Он ворвался к брату и между ними произошла ссора. Историограф поясняет, что он нанес царю три оскорбления и третьим, самым серьезным, стало то, что Гугса устроил процедуру назначения и снятия с должностей без ведома и участия царя, то есть фактически самовольно возложил на себя функции, присущие монарху. В месяце мийазйа (апрель-май) случилось следующее. 2 мийазйа (9 апреля) *рас* Валда Сэлласе отправился в свои земли в провинции Тигрэ. Правителем Годжама стал *деджазмач* Завуде, причем неясно, от кого он получил это назначение. Историограф скупо замечает, что он прислал в подарок лошадей и глашатая, сообщить о своем назначении. Царь посвящал большую часть своего времени перестройке Дабра Мэтмака, а Гугса всецело отдался разрушению деревень в Дамбии и Габа. На 13 мийазйа (20 апреля) выпала Пасха, о праздновании которой, впрочем, в хронике не сообщается ни слова. В месяце гэнбот (май-июнь) Гугса вернулся в Бегемдер и встал лагерем в Кароде. 22 гэнбота (29 мая) Либан, сын одного из вождей оромо, перешедших на службу к царю, отправился в набег и разрушил три христианские святыни, а именно Цага, Зурамба и Гораф, убив при этом многих монахов. Безнаказанный, он вернулся в Бегемдер, в свои земли.

Месяц сане (июнь-июль) начался с нового появления на политической арене Такла Гиоргиса. Сначала это выражалось в том, что по стране и, в частности, по Гондару, были разосланы глашатаи с сообщением, в котором содержалось требование, чтобы те, кто всегда шел за царем, присоединились к нему и сейчас. Ко вторнику (по-видимому 4 сане (10 июня), историограф называет только день недели) Такла Гиоргис со своим войском пришел в Вагара. Тем временем Гугса вызвал своего брата Димитрия на центральную площадь дворцового комплекса в Гондаре и, судя по всему, наказал ему быть в центре Гондара и создавать видимость присутствия легитимного монарха в столице. Такла Гиоргис продолжал движение в сторону Гондара, Гугса продолжал грабить и разрушать Дамбию, а Фенджа Кабте разрушил церковь

Рождества Богородицы, построенную царем Юстом[246]. Он дошел до такой степени богохульства, что проткнул копьем, принадлежащим дружиннику Гугсы находящуюся в церкви икону Богородицы[247].

В месяце хамле (июль-август) Такла Гиоргис двинулся из Сабантера по дороге, ведущей к реке Ангараб. Тогда, как и следовало ожидать в дождливый сезон, начался сильный ливень и много людей и скота погибло. После этого он встал лагерем в Адет, затем в Эгера Дабер и приготовился к битве. Битва вскоре состоялась, но победа была не на стороне Такла Гиоргиса. Силы противника, по-видимому, ненамного превышали его собственные, так как за ним не была отправлена погоня, и он беспрепятственно возвратился в свой лагерь. Тогда он перешел в Целало. По дороге, к несчастью, Такла Гиоргису и его войску оказало сопротивление местное население, которое не желало кормить их своим хлебом (о чем уже говорилось выше), тем более в этот период, когда многие феодалы собирали свои армии, которые разоряли Эфиопию. Крестьян совсем не прельщало кормить и царское войско, и войска местных правителей, обрекая себя, таким образом, на голод. К удивлению царя, крестьяне одержали верх над царским войском, разграбили его добро и даже взяли в плен нескольких солдат царя и дружинников *лигаба меча* и *кэньазмача* Валда Клавдия. Этот инцидент говорит о том, что теперь царское войско было совсем не многочисленным и вряд ли насчитывало больше двух сотен человек. По причине этого события в лагере царила тишина и печаль. Воины, естественно, были голодными. В этом месте войско простояло несколько дней. Хронист замечает, что несколько человек умерло от голода. Следовательно, войско еще до этого момента недоедало. Это в очередной раз подтверждает тот факт, что в Эфиопии к тому времени начался голод, спровоцированный как разорением сельского хозяйства в ходе смуты, так и, возможно, неблагоприятными климатическими условиями. В этот месяц погибло много лошадей и скота.

---

[246] См. о нем выше примеч. 34.
[247] Об отношении к иконам в Эфиопии см. выше примеч. 88.

Так изнеможденное войско царя за два дня пути добралось до территорий, близ Вальдеббы и встало лагерем у Дабра Саквара.

Следующий месяц был ознаменован победами *деджазмача* Зауде, приближенного Такла Гиоргиса, талантливого военачальника и тестя *деджазмача* Хайлу. В это время он бился против кушитоязычного народа агау, а также со своими личными неприятелями и соперниками на политической сцене. Несмотря на то, что в его руках было достаточно сил и материальных средств, после битвы с войском *баламбараса* Фасила ему пришлось бежать. В битве же при Хаварья Сион, Фасил был побежден и взят в плен.

Такла Гиоргис, наученный неудачами, разработал новый план и в одиночку вышел из лагеря, оставив свое войско. 8 хэдара (16 ноября) на праздник четырех Евангелистов (буквально «четырех животных»[248]) он переправился через реку Такказе. Так он добрался до монастыря Дабра Аббай, а затем отправился через Аксум в сторону Адуа. На пути он встретил *раса* Валда Селласе с его отрядами. Встреча эта сильно обрадовала обоих. В распоряжении *раса* Валда Селласе было значительное войско, судя по замечанию историографа о том, что при его движении земля содрогалась как при землетрясении. Весь дождливый сезон до Пасхи, которая выпала на 28 маггабита (2 апреля 1801) они провели в Адуа. В то время, как Такла Гиоргис отправился в Антаро, *рас* Валда Селласе устроил рейд в земли Сарайе и Хамасен. Единственной целью этого рейда была нажива, ибо у него кончались средства, необходимые для содержания многочисленного войска. Но еще до начала агрессии жители Хамасена принесли ему богатые дары и таким образом откупились. Тогда *рас* Валда Селласе повернул назад, чтобы присоединиться к Такла Гиоргису, который, тем временем послал сообщение *деджазмачу* Гугсе с предложением мира. Гугса дал согласие, но этому союзу не суждено было состояться. Когда Такла Гиоргис прибыл в столицу,

---

[248] В соответствии с общехристианской традицией четырех Евангелистов изображали в Эфиопии в виде четырех зверей: льва, быка, орла и человека.

деджазмач Гугса находился на смертном одре. Вслед за его кончиной один из его дружинников поставил на трон нового царя, а именно *абето* Гуалу (Эгуала Сиона) (1801-1818), сына царя Езекии. Легитимность его в качестве монарха династии Соломонидов вызывала обоснованные сомнения. Историограф с печалью восклицает: «О, горе, и стало царство принадлежать недорослям и рабам. О, горе, стало царство принадлежать необрезанным без прошлого. О, горе, стало царство как цветок, сорванный детьми…и я причитаю о царстве, ибо был (там) в то время»[249]. Затем он выражает свое желание, чтобы восстановил Господь праведную власть, как когда-то рукой Такла Хайманота она была отнята у узурпаторов династии Загве и отдана Соломонидам.

Что касается прежнего царя Димитрия, то его несколько раз приводили в Гондар и вновь изгоняли из столицы. На этой печальной ноте наступил 1801 г. Историограф продолжает свое повествование, главным героем которого стал царь Гуалу. Он описывает невеселые подробности его царствования. *Рас* Ассэрат, которого ранее продали в рабство, смог освободиться и, не теряя времени, собрал войско и со своим братом *кэньазмачем* Вахеду пошел в сторону Гондара. Остается неясным, каким образом он остался жив после того, как некоторое время назад его «трофей» был принесен Такла Гиоргису (возможно, это было частью плана заговорщиков). Первый привал он сделал в Вагара. Против него со своим войском выступил действующий монарх. Интересно, что историограф называет Гуалу царем, а Такла Гиоргиса I традиционно царем царей, как бы подчеркивая несправедливость его свержения и его личные качества, достойные монарха. В это время Такла Гиоргис находился в изгнании в монастыре Дабра Саквар в области Вальдебба, а его военачальники разошлись по своим землям. Что касается управления государством, то Гуалу имел одно преимущество, и состояло оно в том, что его резиденция находилась в Гондаре, великой столице Гондарской монархии. На самом деле

[249] Orient. 821, л. 578, стлб. 2, стк. 1-15; Eth. 143, л. 361, стлб. 1, стк. 17-22.

в каждой земле был свой «царь» из династии Соломонидов, а именно: «*Аце* Иона был в земле Ласта, *аце* Соломон в Тигрэ, *аце* Баэда Марьям в Сэмен, все – чада царей, рассеянные, как пыль пред лицом ветра»[250]. В месяце маскарам (сентябрь-октябрь) события в стране зашли так далеко, что митрополит Иоасаф отлучил от церкви всех христиан Эфиопии, предав их анафеме. Но на придворных это произвело лишь незначительное впечатление. Умер в своей резиденции *аце* Димитрий и был похоронен в Баата, Гуалу больше не покидал столицы, ибо это было бессмысленно и небезопасно. В стране продолжалась неразбериха и хаос. В 1803 г. упокоился и митрополит Эфиопии Иоасаф, а вскоре его дом был разграблен. Теперь уже не царь и его придворные и высокопоставленные священнослужители, а крупные политические деятели решали, кого и на какие средства послать в Египет за новым митрополитом, необходимость присутствия которого в Эфиопии, пусть чисто формального, понимало большинство из них.

Все это время Такла Гиоргис I находился в изгнании, возможно, добровольном. На этот раз он пребывал в другом Вальдеббском монастыре в Ваша. Большинство верных ему военачальников, друзей и соратников к тому времени погибли. Давно отошла в мир иной и его наложница, дочь раса Габре. Судя по тому, что историограф упоминает только эту наложницу Такла Гиоргиса, остальные его «жены» (а их в хронике упоминается три) либо ушли из жизни раньше и новый историограф мог их не знать, или не были столь важны для Такла Гиоргиса. По-видимому, он не предпринимал новых попыток взойти на престол по двум основным причинам. Во-первых, в сложившейся ситуации, когда процессы диссипации уже шли полным ходом, набирая все большие обороты, это было уже невозможно, а люди все больше теряли всякие добродетели. Во-вторых, у него фактически (и, главное, физически) не осталось людей, на которых он мог бы положиться, а один, как известно, в поле не воин. Удивляет лишь то, что за эти долгие годы никто из влиятельных особ, жаждущих власти, не попытался убить или искалечить

[250] Orient 821, л. 579, стлб. 1, стк. 21 – стлб. 2, стк. 3; Eth. 143, л. 361об., стлб. 2, стк. 4-7.

его, чтобы убрать потенциального противника и претендента на престол. Либо его спасли монастырские стены, либо всем было ясно, что он не станет вновь вмешиваться в эту борьбу, которой он отдал 22 (если не больше!) года своей жизни

Нам известно, что он все еще находился в Вальдеббе и в 1808 г., когда у *деджазмача* Гугсы возникла мысль вновь воцарить его. Он даже попытался свергнуть Эгуала Сиона. Возможно, ему бы это удалось, но в последовавшей битве с *деджазмачем* Зауде, с которым он враждовал, он потерпел поражение (на стороне *деджазмача* Зауде воевали опытные в военном деле оромо). Ему пришлось бежать, оставив свои далеко идущие планы.

Смута продолжалась. Теперь историограф уже не утруждал себя записыванием незначительных событий и дрязг между придворными и высокопоставленными феодалами. В какой-то момент он начинает перечисление только особо важных происшествий и смертей. В 1817 г., например, в Эфиопию прибыл новый митрополит, *абба* Кирилл (которого всего через три года снимут с престола Эфиопской Церкви по догматическим соображениям).

12 тахсаса (20 декабря 1818 г.) упокоился и Такла Гиоргис I. После своего последнего неудачного и краткосрочного восхождения на трон Эфиопии он без малого двадцать лет прожил далеко от политики в тишине монастырских келий, которых в наименьшей мере касались мирские проблемы борьбы за власть. Его погребли в Аксуме. Весьма символично, что, не будучи коронованным у Ковчега Завета, он нашел вечный покой в священном городе эфиопских царей.

Спустя два десятилетия с лишним, 29 августа 1840 г., на престол при поддержке влиятельной *вейзаро* Манан взойдет сын Такла Гиоргиса I – Иоанн III (1840–1841, 1844–1845, 1850–1851). Она же вскоре станет его законной женой и, следовательно, царицей[251].

---

[251] Впрочем, события, происходившие после 1830 г. уже не вошли в состав рассматриваемых нами рукописей. Тем не менее, «Сборник Хайлу», составленный по специальному заказу для французского путешественника Антуана д’Аббади, доводит повествование до 1840 г.

Экскурсы

Экскурс 1.
Хроника царствования Такла Гиоргиса I: особенности содержания, языка и стиля

1. *Кризис царской историографии*

Во второй половине XVIII в. в Эфиопии возобладали сильные центробежные тенденции, которые разрывали страну на части. Главной причиной этого стало падение престижа Гондарской монархии и, как следствие, рост амбиций крупных феодалов. Речь идет о продолжавшейся приблизительно с 1769 по 1855 г. так называемой «Эпохе судей», в ходе которой последние представители Гондарской ветви Соломоновой династии, оказались марионетками в руках могущественных военачальников[1]. Церковь больше не являлась надежной опорой царской власти в этой разобщенной стране, а митрополит не пользовался тем авторитетом, с которым прежде относились к обладателю этого сана[2].

Подобная ситуация не укладывалась в традиции летописания, которыми руководствовались придворные историографы, что привело к кризису самой царской историографии. Если прежде власть монарха в глазах эфиопов была незыблема, то в нынешней ситуации, когда царь являлся фигурой номинальной, а власть была сконцентрирована в руках «третьего лица», утрачивался сакральный статус царя. Официальные хроники в этот период начинают посвящать не царю, а тому или иному крупному феодалу, вокруг

---

[1] Подробнее о кризисе Гондарской монархии см. раздел 1 главы 1 **Основной части** данного диссертационного исследования.

[2] Авторитет главы Эфиопской церкви, присылаемого из Египта, был бесспорно выше в более спокойные периоды истории этой страны. Тем не менее, он не мог обеспечить себе полное доверие паствы, для которой белокожий митрополит всегда оставался чужеземцем. См. о нем: **Экскурс 4**.

которого вращались основные политические события в стране. Хроника Такла Гиоргиса I в этом контексте выделяется среди прочих летописаний «Эпохи судей», ибо этот монарх был уникален тем, что ему единственному удавалось с переменным успехом сохранять некое подобие реальной власти. Поэтому его летописание более или менее соответствует традиционным царским хроникам предшествующих периодов, от которых оно, тем не менее, отделено хронологически. Таким образом, учитывая временную удаленность и смену исторических обстоятельств, при проведении аналогий между этими памятниками царской историографии нужно учитывать тот факт, что традиция была прервана и данное летописание в какой-то мере представляет собой искусственно возрожденную практику. Поэтому, хроника Такла Гиоргиса I приобрела форму, близкую к классическим хроникам эфиопских царей средневековья, лишь благодаря стараниям и учености ее составителя.

При чтении хроники Такла Гиоргиса I в памяти всплывают произведения эфиопской царской историографии предшествующих периодов. В ее тексте, большая часть которого посвящена военным походам царя, можно найти параллели с хроникой победоносных военных кампаний царя Амда Сиона I (1314-1344)[3] против мусульманских государств на юге и юго-востоке Эфиопии, первым произведением, которое можно причислить к жанру царских хроник в истории эфиопской письменности. Традиция же описания военных походов вообще может восходить к царским надписям аксумского периода[4].

Хроника Такла Гиоргиса I имеет типичный для сочинений такого рода зачин, сходный со вступлением составителя описания походов Амда Сиона и последующих хроник, состоящий из воззваний к Господу и некоторым святым и восхваления монарха, которому посвящено летописание. Похожим образом (по сравнению с хроникой царя Амда Сиона) ведется повествование, представлены премудрые изречения царя, в обеих хрониках отдельно

---

[3] Chronique d'Amda Ṣyôn (Perruchon) 1889, p. 270-326 (эфиопский текст); Хроники (Тураев) 1936, с. 15-52 (русский перевод).
[4] См. о монументальных надписях аксумских царей: Avanzini 2007.

оговаривается празднование царем дня Воздвижения Креста, одного из важнейших церковных праздников в Эфиопии. Стандартно, по сравнению со средневековыми хрониками, дано описание царских военных походов[5].

Сопоставление хроники Такла Гиоргиса I, описывающей первый период его царствования, с современными ей летописаниями еще раз подтверждает ее особое место, т. к., например, предыдущая по времени описываемых событий хроника была посвящена крупному землевладельцу и влиятельному политическому деятелю Михаилу Сэхулю, фактическому правителю Эфиопии, прикрывавшемуся номинальной фигурами царей Иоаса I (1755–1769), Иоанна II (10.05–15.10.1769) и Такла Хайманота II (1769–1777), а предыдущие и последующие летописания посвящались различным правителям, таким как *рас* Хайлу и *рас* Али при таких же номинальных фигурах царей. Таким образом, они не являлись в полной мере царскими хрониками и, следовательно, отличаются от последних как по форме, так и по содержанию. Главным героем хроники царя Такла Хайманота II был не сам царь, а Михаил Сэхуль. Предшествующей воцарению Такла Гиоргиса I и последней перед длительным перерывом настоящей царской хроникой была хроника Иоаса I[6], который был смещен с трона, а затем задушен по приказу Михаила Сэхуля.

2. *Личность* алаки *Габру и цитаты из Писания*

Первый период царствования Такла Гиоргиса I освещен в «Сборнике Хайлу» наиболее удачно. Эта часть летописания была составлена одним из двух царских секретарей, *алакой* Габру[7], чье имя известно нам из текста

---

[5] Ср., например, с хроникой Иоанна I: Annales Ioannis I (Guidi) 1903 (эфиопский текст); (Хроники (Чернецов) 1989, с. 4-63 (русский перевод).

[6] См. Annales (Iyāsu II, Iyo’as) 1910, p. 168-257 (эфиопский текст); Хроники (Чернецов) 1991, с. 146-207 (русский перевод).

[7] См. о нем: Shiferaw Bekele 2004, p. 248–253. *Алака* (*алека*) – титул, первоначально обозначавший главу или командира, который давался главам и настоятелям крупных церквей, отвечавшим за материальное обеспечение вверенного им храма, знавшим порядок совершения литургии, а также игуменам в монастырях или просто

хроники. При сравнении этой части повествования с продолжением летописания, принадлежащим другому автору, бросаются в глаза особенности подхода к повествованию *алаки* Габру, хорошо знавшего Священное Писание, прибегавшего в тексте к цитатам (не всегда точным) из него, к метким сравнениям героев повествования с библейскими персонажами, умело использовавшего особые литературные приемы для передачи тех или иных эмоций. Данное повествование качественно отличается от летописаний других историографов этой эпохи.

А*лака* Габру являлся одним из приближенных царя, возможно даже его личным другом[8]. Судя по титулу *цехафе-тээзаз*, (дословно «записывающий указы»)[9], он принадлежал к духовному сословию[10] и получил хорошее традиционное образование. При составлении хроники *алака* Габру следовал сложившимся канонам царской историографии: ее текст изобилует прямыми цитатами и аллюзиями на Библию и постоянно отсылает нас к ее образам. Такла Гиоргис I нередко сравнивается в ней с библейскими персонажами, в том числе с самим Иисусом Христом. Так, в описании свержения царя наместником столовой горы Вахни, где находилась тюрьма для мужчин, принадлежавших к царствующему дому, хронист сравнивает жестокие испытания, выпавшие на долю царя, помазанника Божия, с муками

высокообразованным в религиозном отношении людям, как правило, представителям духовенства (Французов 2012, с. 214, примеч. 2).

[8] Хронист неоднократно упоминает о своем особом положении при дворе, в подробностях передает, сколько времени он проводит при царе в его шатре, и пр. Царь всячески поощрял и его, и *алаку* Зена – еще одного своего приближенного, тесно связанного с церковными кругами: **ወአመ ፤ወ፪ ፡ ጠብሐ ፡ ብዙኃነ ፡ አልህምተ ፡ ወገብረ ፡ ምሳሐ ፡ ለአለቃ ፡ ገብሩ ፡ ወለአለቃ ፡ ዜና ፡** «12 (*хэдара*, 19 ноября 1780 г. – *Е. Г.*) (царь) зарезал много коров и устроил пир для *алеки* Габру и *алеки* Зена» (Orient. 821, л. 462об., стлб. 1, стк. 21-26; Eth. 143, л. 296об., стлб. 2, стк. 26-28). В тексте хроники встречается несколько примеров такого рода.

[9] См. о нем в **Экскурсе 3**.

[10] О его религиозном рвении свидетельствует такой эпизод: **እምዘቦአ ፡ በ፫ዕለት ፡ እንዘ ፡ ኢየዓርፍ ፡ ኀዳጠ ፡ እስመ ፡ ነበረ ፡ ሐዊሮ ፡ በትእዛዘ ፡ ንጉሥ ፡ ወአለቃ ፡ ገብሩ ፡ ጸሐፌ ፡ ዝንቱ ፡ ታሪክ ፡ ምስለ ፡ ኩርዓተ ፡ ርእሱ ፡ በእገሪሁ ፡ እስመ ፡ መፍቀሬ ፡ እግዚኡ ፡ ውእቱ ፡ ወከመ ፡ ይትዓወቅ ፡ ዝንቱ ፡ ሠዓለ ፡ በበዓታ ፡** «После этого через 3 дня пришел пешком *алека* Габру, написавший эту историю, даже немного не отдохнув, потому, что он продолжал идти по приказу царя с образом *кур‘ата рэ’эсу*, ибо он любил Господина своего и (желал), чтобы был явлен этот образ в (церкви) Ба‘ата» (Orient. 821, л. 448об., стлб. 2, стк. 7–17; Eth. 143, л. 289об., стлб. 2, стк. 16-22). См. об этой иконе примеч. 58 к **Основной части** этой работы.

Спасителя, подчеркивая, что Господь спас его, как спас он “Иосифа из рук Фараона и Даниила из пасти львов»[11]. Такла Гиоргиса I хронист называет царем-священником, хотя по отношению к данному монарху подобная характеристика не соответствует действительности[12].

При дворе было два лица с одним и тем же титулом *цехафе-тээзаз*. Они отвечали за запись царских указов и ведение царского летописания соответственно. Царские историографы (придворные секретари) в Эфиопии непременно были питомцами традиционного образования и происходили из среды книжников. Знакомясь с эфиопскими рукописями и книгами (будь то царские хроники, монастырские хронографы или жития святых), постоянно ощущаешь начитанность их авторов в Писании и творениях отцов Церкви. За трудом эфиопских книжников чувствуется школа, комплекс знаний и умений, который можно было приобрести только путем традиционного образования. Это образование до начала XX в. было исключительно церковным и во многом определяло репертуар эфиопской книжности. Уже с момента своего зарождения образование в Эфиопии оказалось тесно связанным с письменной традицией, с одной стороны, и с Церковью, с другой. Было оно многоступенчатым и в общей сложности могло занимать у студента до 30 лет его жизни.

Личность составителя хроники проступает в стиле ведения летописания, литературных приемах, лирических отступлениях. В случае *алаки* Габру заметную роль играют его обращения к библейским текстам.

Стоит сказать, что проблематичным остается сличение точных цитат с соответствующими местами в Священном Писании, так как в рукописях имеются разночтения, причем в тексте Писания подчас значительные, а печатные издания соответствующих книг появились лишь во второй половине XX в. До этого времени Эфиопская Церковь пользовалась

---

[11] Orient. 821, л. 446об., стлб. 1, стк. 23 – стлб. 3, стк. 1; Eth. 143, л. 288об., стлб. 1, стк. 27-28.

[12] Сан иерея носило большинство царей из династии Загве, правившей в «темные столетия» эфиопской истории между падением Аксума и переворотом 1270 г. (см., например: Французов 2008г). Сменившие их Соломониды эту традицию не сохранили.

исключительно рукописями. Поэтому в большинстве случаев будет корректно говорить не о прямых цитатах, а об аллюзиях на библейские тексты.

Удивляет разнообразие цитат, приводимых в хронике *алакой* Габру. Царский историограф ходил в военные походы вместе с царем и не мог носить с собой большую библиотеку церковных книг, а библейские тексты воспроизводил по памяти. Цитаты из священных книг подбирались и адаптировались к политической ситуации в стране. Так, на начальном этапе правления Такла Гиоргис I уповал на Господа, негодовал из-за большого числа недругов и врагов, которые противостояли его планам и укреплению его позиций как царя Эфиопии. Затем, хроника переполняется цитатами, восхваляющими Господа и воссылающими ему благодарности. При описании походов против племен оромо, сознательно подбирались цитаты, включающие упоминания народов и их места в этом мире и пред Господом и т.д.

В обращениях *алаки* Габру к Писанию можно выделить прямые речи царя и аллюзии (сравнения), связанные с библейскими сюжетами. Сходным образом цитируется Писание и в первой известной нам хронике походов Амда Сиона I, в которой также преобладают цитаты из Псалтири[13]. Кроме того, *алака* Габру приводит аллюзию на строки из Пс. 32,16-17[14], которая частично уже встречалась в хронике Амда Сиона I: «И вот, когда мы

---

[13] Примерно половина всех обращений к библейским книгам взяты составителем хроники из Псалтири. Что касается частоты употребления цитат из Писаний, то за Псалтирью следуют по частоте Первая книга Царств (ок. 14%), Евангелие от Матфея, Вторая книга Царств и Книга Иеремии (по 3,5% соответственно). Однократно в хронике встречаются обращения к Книги Судей, Исаие, Даниилу, Осии, Варуху, Экклезиасту, Притчам, Евангелиям от Луки, от Иоанна и др. Такое частое упоминание в хронике текста Псалтыри объясняется тем фактом, что традиционное обучение обычно завершалось освоением этой главной литургической книги Эфиопской Церкви. Многие ученики запоминали всю Псалтирь наизусть. Особенно важно это было для тех, кто собирался продолжить церковное образование и служить при церквях, так как псалмы составляют основу христианской литургии и гимнологии. Псалтирь в средневековом обществе имела большую популярность и среди мирян.

[14] «16 Не спасется царь множеством воинства; исполина не защитит великая сила. 17 Ненадежен конь для спасения, не избавит великою силою своею».

услышали о разрушении церквей и о взятии в плен верующих и более всего о том, что разбит на куски наш алтарь топором и молотом рукой язычников, взревновали мы ревностью духовной ... ибо не спасается царь множеством своих воинов и ненадежен конь во спасение, но поскольку мы верим в ваши молитвы, отныне молитесь за нас, как молились за царя Ираклия жители Иерусалима и отец наш Пантелеймон за Калеба[15], царя Эфиопии»[16]. В хронике же Амда Сиона I Пс. 32,16-17 (первая половина) и Пс. 43,7[17] представлены следующим образом, также в контексте опасностей военного похода: «Он не надеялся ни на многочисленность войска своего, ни на лук и стрелы, как сказал Давид: “Не спасется царь множеством силы своея и ненадежен конь во спасение. Не на лук мой уповаю, и меч мой не спасет мене”»[18].

Алака Габру замечательным образом подбирает меткие сравнения и аллюзии на Писание. Вот как подвел он известный псалом 136, выражающий скорбь иудеев, попавших в Вавилонское пленение, под страдания эфиопских христиан, уведенных в полон в ходе набега племен оромо: «На реках галлассов сидели мы и плакали»[19]. К этому псалму часто прибегали авторы тех или иных исторических и религиозных произведений. Он цитируется в житии Маскал Кэбра, жены загвейского царя Лалибалы (конец XII – начало XIII вв.), так же, как и его супруга, причисленного Эфиопской Церковью к лику святых. Когда царь Лалибала отправляется в сопровождении архангела Гавриила в паломничество в Иерусалим, агиограф в сцене прощания

---

[15] Царь Аксумского царства с тронным именем Элла Ацбэха (Елезвой), который правил в 20-х гг. VI в. См. о нем Fiaccadori 2007; Французов 2008в.

[16] Orient. 821, л. 472, стлб. 3, стк. 6-14, 19-21 - л. 472об., стлб. 1, стк. 5; Eth. 143, л. 302об., стлб. 2, стк. 5-9, 11-17.

[17] «Ибо не на лук мой уповаю, и не меч мой спасет меня».

[18] Chronique d’Amda Ṣyôn (Perruchon) 1889, p. 295 (эфиопский текст); Хроники (Тураев), с. 21 (русский перевод). При этом в переводе неточно указан только Пс. 43,7 (Там же, с. 21, примеч. 3).

[19] Orient 821, л. 474, стлб. 1, стк. 22 - стлб. 2, стк. 1, Eth. 143, л. 303об., стлб. 1, стк. 26-28.

Лалибелы с женой вкладывает в уста царя два стиха из Пс. 136 (5-6), в которых Иерусалим заменен на имя царской супруги[20].

Чувство авторства и осознание себя как личности и творца пришло относительно поздно в средневековую Эфиопию. В этом плане бросается в глаза частота, с которой хронист упоминает самого себя и перипетии своей биографии в тексте хроники[21]. Уже на л. 448об. в Orient. 821 и на л. 289об. в Eth. 143 он сообщает о себе как об авторе хроники и одновременно подчеркивает свое религиозное рвение и отношение к царю Такла Гиоргису. Историограф всегда описывает внимание, оказанное ему лично со стороны Такла Гиоргиса I. Он перечисляет врученные ему дары, рассказывает о совместных с монархом трапезах, пирах, на которые он был приглашен. В некоторой степени это напоминает заключительные формулы русских народных сказок: «И я там был, мед, пиво пил…» Он явно гордился своим высоким положением при дворе.

На л. 482об. в Orient. 821 и л. 308об. в Eth. 143 *алака* Габру в последний раз упоминает свое имя в качестве царского историографа в тексте: «Среди священников, кто получил назначения, *алака* Габру был назначен над своей землей, как уже было сказано, *азажем* земли Кана, которая пребывала в руках *лика*-мазэмран Кэнфу. И царь назначал всех не по собственному предпочтению, а по справедливости, так как он (*алака* Габру) работал над написанием истории до того, как был направлен в поход, чтобы он ничего не упустил, касающегося царя. А *лика*-мазэмран Кэнфу не был отправлен в поход, так как ему это не подобает по почтенному статусу и потому, что мудрый царь молвил: “Работа достойна исполнителя”»[22]. Таким образом, автор в очередной раз восхваляет себя перед потенциальным читателем[23].

---

[20] Kur 1972, p. 338 (эфиопский текст), 408 (французский перевод).

[21] Стоит отметить, что автор хроники всегда упоминает себя в третьем лице и, чаще всего, по имени и титулу.

[22] Orient. 821, л. 482б., стлб. 1, стк. 24 - стлб. 2, стк. 17; Eth. 143, л. 308б., стлб. 2, стк. 5-16.

[23] Вопрос о потенциальном читателе эфиопских царских хроник остается открытым. Трудно сказать, насколько составители летописаний представляли себе, для кого предназначался составляемый ими текст. Можно только предположить, что писали они

Далее в тексте хроники он сухо упоминается несколько раз с новым титулом как *азаж* Габру.

При анализе текста, в котором встречаются многочисленные высказывания Такла Гиоргиса I, восхищает складность его речи, дипломатичный подход ко многим проблемам, начитанность в религиозной литературе. Все это могло бы охарактеризовать царя Такла Гиоргиса I как высокообразованного и просвещенного монарха, если не учитывать тот факт, что он, как и многие представители правящей династии, скорее всего, не знал языка геэз[24]. Доказательством этому служат дошедшие до нас, пусть и немногочисленные, рукописи, принадлежавшие представителям царского дома и высокопоставленным государственным деятелям, тексты которых содержат параллельный перевод или маргиналии на амхарском языке[25].

Судя по всему, царский историограф сам составлял эти тексты, приписывая царю речи, сообразные положению дел при дворе и конкретным обстоятельствам, создавая, таким образом, своего рода художественное произведение, творцом которого он являлся.

3. *Отражение смены царского историографа в тексте хроники*

За хроникой первого периода царствования Такла Гиоргиса следует хроника *раса* Али и царя царей Такла Гиоргиса, автором которой был некий *абето* Абагаз[26]. Причем, до начала этой части хроники он уже фигурировал в

ради сохранения доброго имени царя и истории его жизни для будущих поколений, и не забывали сохранить на века и свое имя.

В принципе свободно читать на геэзе (а не механически повторять тексты на нем в ходе литургии) могли лишь крайне немногочисленные образованные представители духовенства и те *дэбтэра*, которые в совершенстве овладели этим мертвым языком в стенах *кэне-бет* или *тэргваме-бет* (см. о них: Французов 2007).

[24] До начала XVI в. на листах рукописей, принадлежащих царственным особам, пометы делались на языке геэз, а в рукописях, написанных позднее – уже на амхарском языке. См. Getatchew Haile 1970.

[25] Например, Digital Oriental Manuscript Library, DD-044, содержащая текст свода законов *Фэтха Нагаст*; DD-049, содержащая *Филкэйос* (сочинения Филоксена Маббугского) – основной текст эфиопской монастырской литературы; Or. 133 из собрания Университетской библиотеки во Франкфурте-на-Майне.

[26] См. краткую информацию о нем в: Chernetsov 2003a.

тексте, составленном *алакой* Габру в качестве приближенного *раса* Хайлу. Ему также посчастливилось встретить другого влиятельного деятеля Эфиопии того времени – Хайла Микаэля Эшате, по заданию которого он взялся за переписывание трудов по истории Эфиопии, т. к. рукописи многих царских хроник погибли в результате сильного пожара в Гондаре.

С первых строк бросается в глаза несколько иное отношение автора к тексту. Восхваляя, как подобает, своего господина в начале текста хроники, он не сравнивает его с персонажами из библейских текстов (не придает ему сакральный статус, который традиционно имели цари как помазанники Божии) и реже обращается к текстам Священного Писания. Возможно, получив церковное образование (а иначе он не владел бы геэзом, языком, на котором написана хроника), он не часто обращался к религиозной литературе, и она не отложилась прочно в его памяти. Зато *абето* Абагаз показывает себя как талантливый историк. В его хронике встречаются замечательные сравнения описываемых им происшествий с событиями прошлых веков: «И содрогнулись основы (земли) Годжам из-за иноземца, который ввез оружие, а именно пушки. И не случалось (такого) прежде и с тех пор не случается, хотя привозили оружие, а именно ружья, царю Эфиопии *аце* Клавдию, сыну *аце* Лебна Денгеля, убившему могучего мусульманина – Граня, того, что разрушил Дабра Либанос; (так вот) не привозили ему (этому царю) такое оружие, как это»[27].

Начиная с л. 523 в Orient. 821 и л. 328об. в Eth. 143, в той части хроники, в которой описывается очередное непродолжительное восшествие на престол Такла Гиоргиса I, по всей видимости, вновь меняется историограф, т. к. количество цитат из Писания резко увеличивается. Имя нового историографа в тексте не встречается. И если *алака* Габру периодически приводил свое имя

[27] Orient. 821, л. 518, стлб. 1, стк. 12 - стлб. 2, стк. 7; Eth. 143, л. 325об., стлб. 2, стк. 25-33. Повествование в рукописи Eth. 143 имеет некоторые отличия от текста Orient. 821 (сравни: «Сотряслась земля Годжам и содрогнулись основы (земли) Дамот из-за пушек иноземца – (такого) дела, которого не случалось прежде и не было после этого. И когда привезли царю Клавдию, сыну *аце* Лебна Денгеля, убившему могущественного Граня, ружья, не привезли пушек (ни ему), ни всем, кто был доныне»).

в тексте[28], а *абето* Абагаз представился только в начале, то можно предположить, что более скромный составитель последующего повествования не включил своего имени в текст хроники, что в общем отвечало сложившейся издавна традиции[29], тем более, если он не являлся царским историографом.

Метко подобранные сравнения и цитаты и стиль ведения летописания характеризуют царского историографа – автора хроники Такла Гиоргиса I – как образованного и начитанного человека, обладавшего немалым литературным даром. Хроника представляется не сухим перечислением событий, а занимательным повествованием с лирическими отступлениями и использованием своеобразных литературных приемов. В этом видна немалая заслуга ее автора, *алаки* Габру, преданного своему господину и старательно следующего церковной книжной традиции.

---

[28] В общей сложности имя *алаки* Габру, в составленной им самим хронике засвидетельствовано 14 раз.

[29] Произведения эфиопских писцов крайне редко подписывались их авторами. Особняком в этом отношении стоит «История галласов», автор которой, абба Бахрэй, живший в XVI в., поставил в конце нее свое имя.

Экскурс 2.
Где находилась столовая гора Вахни? Проблемы исторической географии средневековой Эфиопии

Сформировавшееся и поддерживавшее свое существование на краю Ойкумены на протяжении полутора тысяч лет Эфиопское христианское государство являлось форпостом цивилизации среди оставшихся на стадии первобытности народностей и племен, чьи нравы и обычаи оказывали заметное влияние как на эфиопских царей, так и на окружавшую их элиту. Одним из установлений, находившимся в вопиющем противоречии с предписаниями христианской морали, была традиционная полигамия этих монархов, объяснявшая вовсе не их распущенностью[30], а соображениями политической целесообразности, поскольку испокон веков на Африканском Роге межэтнические и межгосударственные союзы принято было скреплять династическими браками[31]. Результатом царского многоженства стало обилие потомков у государя, в том числе мужского пола, любой из которых в принципе мог претендовать на трон.

Подобная ситуация была не типичной для христианских монархий, но весьма характерной для средневековых мусульманских государств, и требовала жесткого контроля за потенциальными престолонаследниками. Так, в Османской империи, по крайней мере с конца XVI в., точнее с царствования Мехмеда III (1595–1603), все принадлежавшие к правившей династии мужчины, за исключением находившего у власти падишаха, с ранней юности и до смерти содержались взаперти (фактически под своего рода домашним арестом) в павильоне Кафес (букв. «Клетка») в стамбульском

---

[30] Как наивно полагал, например, Б. А. Тураев, выражавший свое восхищение тем, что «представители церкви возвысили свой голос против беззаконного поступка царя» (Тураев 1902, с. 118), имея в виду женитьбу Амда Сиона I (1314–1344) на наложнице его покойного родителя.

[31] Об этом явлении, ставшем поводом для конфликта между общежительным монашеством юга Эфиопии (в первую очередь, области Шоа) и царской властью, стремившейся несколько ограничить монастырское землевладение, см. подробнее: Чернецов 1982, с. 44-47, 54-57.

дворце Топкапы и могли выйти из заточения только в том случае, если волею судеб их возводили на трон.

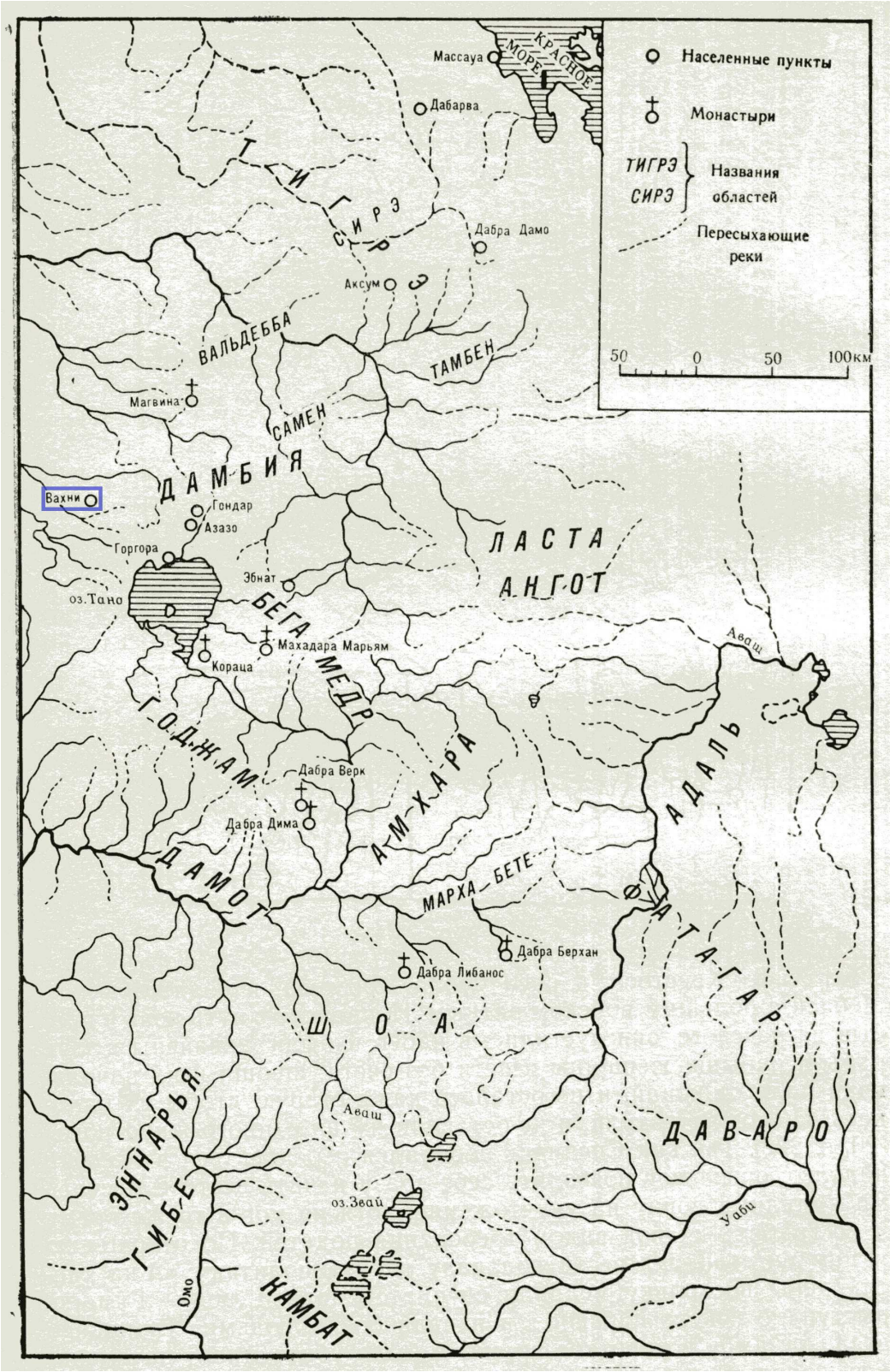
В Эфиопском царстве аналогичный институт сложился гораздо раньше в форме узилища для отпрысков мужского пола Соломоновой династии на столовой горе (*амбе*) Гешен, известной также под геэзским наименованием Дабра Нагаст («Гора царей»)[32]. Согласно традиции, его учредил ок. 1299 г. четвертый по старшинству сын царя Ягбиа Сиона (1285–1294), сына основателя династии Йэкуно Амлака (1270–1285)[33]. Место заточения принцев крови действовало там непрерывно на протяжении почти двух с половиной веков, пока в 1539 г. воины имама Ахмада Граня в ходе джихада, поставившего под вопрос само существование христианской Эфиопии, не взяли хитростью *амбу* Гешен и не разграбили ее[34]. Часть ее узников при этом была перебита, а остальные покончили с собой, бросившись в пропасть[35]. На протяжении нескольких десятилетий, последовавших за разгромом и гибелью Граня в феврале 1542 г. и реставрацией монархии Соломонидов, потребности в восстановлении такой тюрьмы не ощущалось, поскольку общее число уцелевших мужчин, принадлежавших к этой династии, и их прямых потомков оставалась крайне незначительным, в пределах десятка человек. Несколько позже представлявших угрозу правившему монарху сородичей стали ссылать, а иногда и убивать, но специальной тюрьмы для них не создавали.

Лишь между концом 40-х и концом 60-х гг. XVII в. царь Василид (1632–1667), которого следует по праву признать основателем Гондарской династии (точнее, Гондарской ветви Соломоновой династии), обустроил на *амбе* Вахни новое место заточения[36]. Согласно С. Б. Чернецову, ее следует локализовать

---

[32] Об этой «царской тюрьме» см.: Haile Gabriel Dagne 2003.
[33] См. подробнее: Чернецов 1982, с. 16.
[34] Описание богатой добычи, захваченной при разорении «Горы царей» показывает, что царские родичи содержались на ней в весьма приличных условиях, если не в роскоши.
[35] См. Чернецов 1982, с. 218, 239-240.
[36] О датировке данного события см.: Berry 2010, p. 1077.

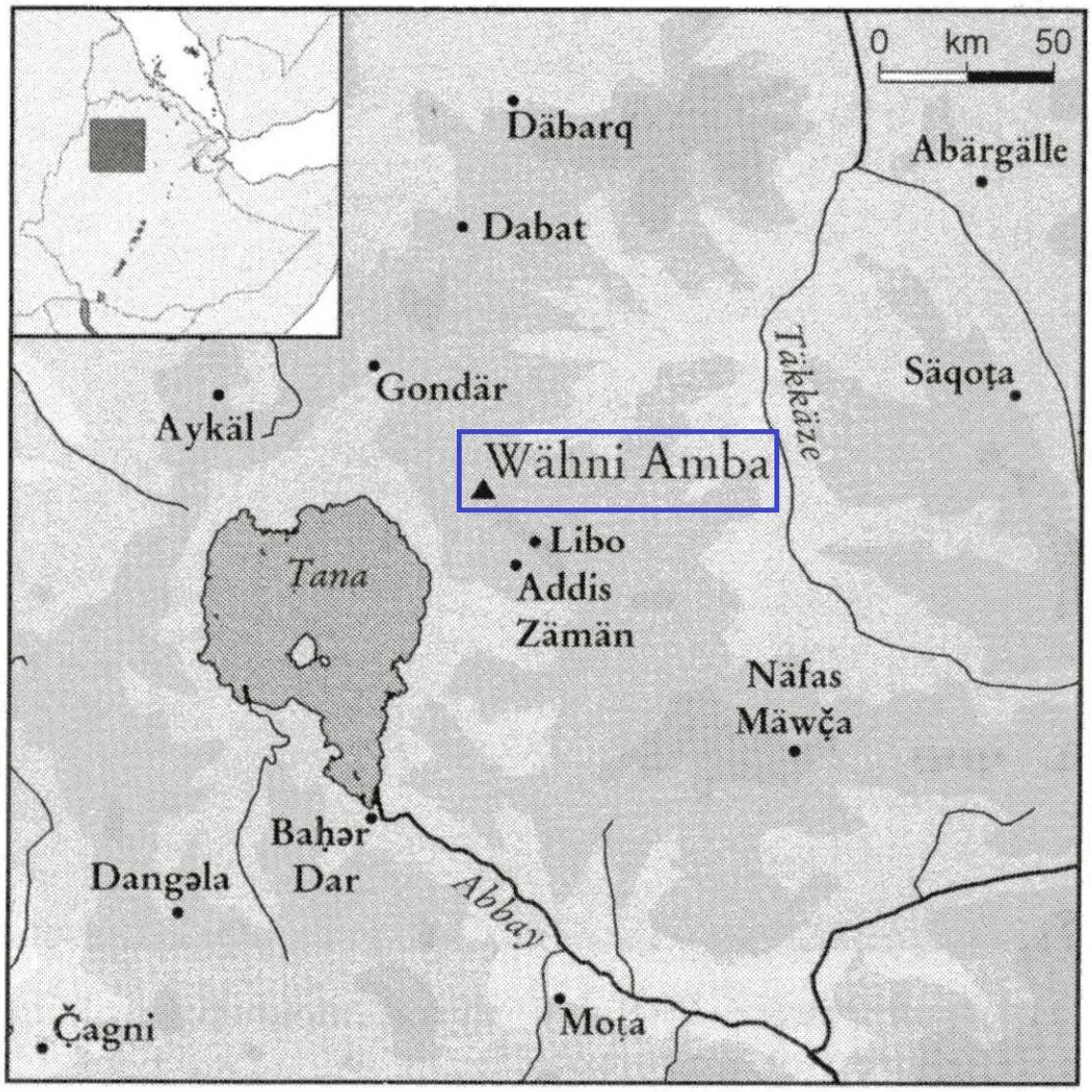
«в области Белеса неподалеку от Гондара»[37], т. е. в Дамбии[38]. Отмечена она и на включенной в его монографию карте[39].



Карта-схема 1. Эфиопия в середине XVII в. (по: Чернецов 1990, с. 82).

[37] См. Чернецов 1982, с. 192.
[38] См. Чернецов 1982, с. 193.
[39] См. *Карту-схему 1*, где искомый топоним заключен в рамку.

Правда, остается не совсем ясным, что подразумевалось под «областью Белеса». В «Эфиопской энциклопедии» отмечены два омонимичных топонима Белеса, обозначающие две различные водные артерии: реку в Эритрее[40] и один из западных притоков реки Такказе, протекающий в 20 км к северо-востоку от Гондара[41], но никак не к западу от него, где, судя по *Карте-схеме 1*, находилась гора Вахни. Еще больше настораживает то обстоятельство, что в соответствующей статье в «Эфиопской энциклопедии» *амба* Вахни локализована совсем не там, где у С. Б. Чернецова[42].



Карта-схема 2. Расположение *амбы* Вахни, где в середине XVII–XVIII вв. находилось место заточения для царских родичей (по: Berry 2010, p. 1076).

[40] См. Smidt 2003.
[41] См. Tsegaye Tegenu, Kleiner 2003.
[42] См. *Карту-схему 2*, где искомый топоним заключен в рамку.

Так где же располагалась столовая гора Вахни, использовавшаяся для заточения Соломонидов мужского пола: к западу от Гондара или к юго-востоку от него?

Разобраться в этом вопросе без непосредственного посещения этих мест позволяет обращение к памятникам эфиопской царской историографии, к некоторым из тех контекстов, в которых упоминается *амба* Вахни. Так, в хронике Иясу I Великого (1682–1706) сообщается, как 1 января 1683 г. «наутро поднялся царь из Гондара и ночевал в Сарбакуаса, и поднялся из Сарбакуаса, и вошел в Эмфраз в субботу 27 тахсаса (2 января – *Е. Г.*), и жил там три дня, и справил там праздник Крещения. И, оставив там всех людей двора, отправился он один рано утром на следующий день после Рождества, и пошел к Вахни, и встретился со всеми чадами государя Сэлтан Сагада (т. е. Сисиния – *Е. Г.*) и государя Алам Сагада (т. е. Василида – *Е. Г.*) и с двумя сыновьями государя Аэлаф Сагада (т. е. Иоанна I – *Е. Г.*)»[43]. В хронике Бакаффы (1721–1730) рассказано, что когда его решили свести с Вахни, находившиеся вместе с ним в заточении сородичи воспротивились этому и угрожали его убить. Тогда 22 мая 1721 г. по молитве будущего царя Господь покрыл его облаком, «и вечером спустился он с Вахни и ночевал у подножия горы. А на следующий день ночевал он в Сарбакуса, и в первую субботу 18 генбота (24 мая – *Е. Г.*) прибыл в столицу Гондар…»[44]

Оба этих маршрута, на отрезке Гондар – Сарбакуса (Сарбакуаса) полностью совпадающих, легко восстанавливаются благодаря четкой локализации селения Сарбакуса и местности Энфраз (Эмфраз) к юго-юго-востоку от Гондара[45]. Тем самым уверенно подтверждается локализация столовой горы Вахни, использовавшейся в качестве тюрьмы для царевичей,

---

[43] Annales Iyāsu I (Guidi) 1903, p. 64.4-11; русский перевод дан по: Хроники (Чернецов) 1989, с. 69-70.

Родственные связи упоминаемых в этом отрывке царей см. в **Таблице** в конце диссертации.

[44] Annales Bakāffā (Guidi) 1903, p. 275.21-23; русский перевод дан по: Хроники (Чернецов) 1989, с. 290.

[45] См. *Карту-схему 3*.

не на северо-западе, а на северо-востоке от озера Тана в полном соответствии с *Картой-схемой 2*.

Карта-схема 3. Местоположение Сарбакусы и Энфраза
(по: Dege 2010, p. 539).

С сожалением приходится констатировать, что привязка упоминаемых в хрониках топонимов к местности, была слабым местом в исследованиях по истории Эфиопии С. Б. Чернецова и что опубликованная им схематическая карта Эфиопии середины XVII в. нуждается, по меньшей мере в одном серьезном исправлении. Да и текст упомянутой выше монографии необходимо скорректировать, поскольку «царское узилище» Вахни было расположено не в Дамбии, а в Бегамедре (Бегамдере)[46].

[46] См. Dege 2010, p. 539.

Однако топоним Вахни действительно отмечен на картах и северо-западнее озера Тана[47]. Дело в том, что, как и многие топонимы в различных странах, он происходит от имени нарицательного, а именно от амхарского *wähni* “тюрьма”. Установлено, что столовая гора Вахни, возвышающаяся среди равнинной местности Чэльга, которая простирается к западу от Гондара в области Дамбия, также служила местом заключения но не для особ царской крови, а для простолюдинов[48]. Таким образом, С. Б. Чернецов просто неверно идентифицировал соответствующую *амбу*, среди двух гор, имевших одинаковое назначение и располагавшихся в двух соседних областях: Бегамедре и Дамбии.

[47] Например, в форме Uahni на East Africa, Gondar, 1947.
[48] Berry 2010, p. 1076.

Экскурс 3.
Государственная и церковная иерархия в позднесредневековой Эфиопии

К концу XVIII в. внутри Эфиопского христианского государства и Эфиопской Церкви сложилась сложная и четко стратифицированная иерархия, имевшая длительную историю формирования и развития. Хроника царя Такла Гиоргиса I, уникальный источник по истории позднесредневековой Эфиопии[49], которая только вступила в так называемую «Эпоху судей» (*Замана Масафэнт*), содержит ценную информацию о механизме взаимодействия царской власти с военно-политическими институтами, церковной иерархией и иными структурами Гондарского царства.

Заглядывая в прошлое, можно заключить, что эфиопская государственная иерархия, неотъемлемой частью которой являлась иерархия церковная, была коренным образом реформирована и упорядочена при царе Иясу I Великом (1682–1706)[50], после чего сохранялась, претерпевая лишь незначительные изменения, вплоть до перехода Эфиопии к современному государственному строительству на рубеже 30-х гг. XX в. Стоит отметить, что эфиопский «Табель о рангах» не был создан этим царем на пустом месте. К концу XVII в. в стране функционировала достаточно развитая система военной, гражданской и церковной иерархии, которая сложилась во многом стихийно. Во главе нее, естественно, стоял сам монарх, носивший в геэзской традиции титул *нэгуса нагаст* «царь царей», а в амхарской – *аце* «государь». Существовала необходимость подвести ее под общие стандарты и унифицировать в контексте разобщенной и мультирегиональной Эфиопии, различные религиозные центры которой, представленные в основном крупными монастырями, находились на большом расстоянии друг от друга как географически, так и духовно и подчас не могли поддерживать

---

[49] Характеристика этого произведения дана в **Экскурсе 1**.
[50] Об этой реформе см. в первую очередь: Чернецов 1990, с. 258-259.

регулярные контакты. Отсутствие четкого порядка наблюдалось и в структуре обширного и многофункционального царского двора. Государственную и церковную иерархию в Эфиопии было бы некорректно рассматривать по отдельности в силу той тесной связи, которая существовала между царской властью и Церковью.

Положенные в основу диссертации источники, в первую очередь хроника царя Такла Гиоргиса I, изобилуют упоминаниями разнообразных должностей и титулов, того, кто именно и когда их получал или их лишался, но в них мало данных о том, выполнение каких именно функций было сопряжено с вступлением в ту или иную должность. Задача настоящего экскурса заключается в том, чтобы дать общий обзор этих титулов, уделив особое внимание иерархии Эфиопской Церкви в период позднего средневековья как наименее исследованному сюжету.

Необходимость четко упорядочить иерархию была, в первую очередь, связана с тем, что на многочисленных советах, которые царь по разным поводам собирал при дворе, участвовавшие в их работе сановники брали слово в определенной последовательности, начиная с тех, кто имел более низкое звание[51]. В ряде случаев на почве такого местничества вспыхивали серьезные конфликты.

К числу важнейших преобразований, осуществленных царем Иясу I, относится его реформа, призванная впервые в истории Эфиопии жестко структурировать как светскую, так и церковную иерархии, которые, впрочем, на рубеже XVII–XVIII вв. были уже довольно тесно переплетены между собой[52]. К ее реализации он приступил в 1690 г., после кончины своей матери, царицы Сабла Вангель, принимавшей заметное участие в управлении государством. Первым делом царь закрепил и детализировал порядок предоставления слова на заседаниях, которые сам созывал. Именно поэтому

---

[51] Это правило неоднократно разъясняется в царских хрониках.

[52] Названия государственных должностей в Эфиопии постепенно превращались в служебные титулы, которые даровались царем, и тем самым отрывались от своего реального содержания, утрачивая первоначальное значение.

разработанная им сложная система, включавшая в себя 20 ступеней, от главы исполнительной власти, именовавшегося *бехт-вадад*[53] и носившего также титул *раса* «главы»[54], который считался высшим среди эфиопских феодалов, до царских конюших, кравчих и виночерпиев, в наибольшей степени была ориентирована на придворную службу, так что представители военных, гражданских и церковных властей были охвачены ею лишь частично.

Интересно, что придворные титулы, совпадающие в основной своей части, как то *талалак бэлятен-гета* «начальник старших пажей», т. е. командир отряда царских телохранителей, и *тэкакэн бэлятен-гета* «начальник младших пажей», т. е. своего рода дворецкий, возглавлявший царскую прислугу[55], занимали соответственно 3-й и 18-й ранги в разработанной Иясу I системе. Гораздо меньше был разрыв между различными категориями *азажей*, которых можно сравнить с думными дьяками Московской Руси: «внутренние *азажи*», особо приближенные царские советники, занимали в эфиопском «Табели о рангах» 13-е место, на 15-м месте находились четыре члена верховного суда – два *азажа* «справа» и два *азажа* «слева», на 16-м – *таресемба-азаж*, ведавший дворцовым хозяйством, на 17-м – *жандараба-азаж* – глава царских евнухов.

Не вошел в эту иерархию известный с первой половины XVI в. титул *баджеронд*, обозначавший царского казначея, возглавлявшего по совместительству придворных ремесленников и являвшегося хранителем трона и короны. Впрочем, в «Эпоху Судей» его значение заметно снизилось: так, наместники провинций начали давать его золотых дел мастерам, изготовлявшим драгоценную тварь для храмов[56]. Почетным титулом стал

---

[53] Здесь и далее эфиопские термины, обозначавшие должности и титулы, даны в облегченной транслитерации, в соответствии с традицией, заложенной С. Б. Чернецовым. Полный перечень эфиопских титулов, рангов и должностей, переданных согласно научной транслитерации, см. в: EAE, 5, 2014, p. 580-590.

[54] См. о нем подробнее: Nosnitsin 2010 a.

[55] Здесь и ниже характеристика титулов дана согласно терминологическим словарикам, приложенным к работам С. Б. Чернецова (Чернецов 1990, с. 303-306; Хроники (Чернецов) 1989, с. 351-356; Хроники (Чернецов) 1991, с. 322-326).

[56] См. подробнее: Merid Wolde Aregay 2003 b.

ликаба (*лигаба*), первоначально обозначавший царского дворецкого, отвечавшего за допуск на аудиенцию.

Оторвался от своей первоначальной семантики и титул *кантиба*, который с XVI в. носили наместники Дамбии, а также Верхнего и Нижнего Хамасена, с середины XVII в. – столичные городничие, а в наши дни – любой мэр. Изначально означавший «глава купцов» *нагадрас* из аналога мусульманского *мухтасиба*, отвечавшего за порядок на базаре, превратился в начальника таможни.

В иерархической системе Иясу I титулы военачальников *кень-азмач* («воевода полка правой руки»), *гра-азмач* («воевода полка левой руки») и *фитаурари* «командир авангарда») стояли на предпоследней, 19-й, ступени, что никак не отражало реальное положение их обладателей, тем более, что титул *деджазмач* («командир передового отряда») был высшим в воинской иерархии и лишь на ступеньку ниже *раса* в иерархии государственной[57]. Судя по хронике Такла Гиоргиса I, *фитаурари* к этому времени практически превратился не в обозначение должности, а в своего рода воинское звание, поскольку его обладатель нередко становился во главе арьергарда[58]. Так же и *шалеки* (вариант – *йа-шалека*; «тысяченачальник») необязательно являлся командиром отряда численностью в 1000 воинов, а *баламбарас* отнюдь не во всех случаях обозначал начальника столовой горы (точнее, гарнизона, размещенного на ней). В то же время восходящий к османской традиции титул *паша* непременно относился к командиру подразделения, вооруженного огнестрельным оружием, что наглядно демонстрирует, откуда этот вид военной техники пришел в Эфиопию.

Особо следует отметить упоминание в связи с походами Такла Гиоргиса против оромо титула *марэдазмач*[59], ни разу не засвидетельствованного в царских хрониках XVI–XVIII вв., переведенных на русский язык с

---

[57] См. подробнее: Bairu Tafla 2005.
[58] См. примеч. 86 к **Основной части** работы.
[59] См. примеч. 196 к **Основной части** работы.

комментарием С. Б. Чернецовым. Его носили наместники области Шоа, ставшие к концу XVIII в. полунезависимыми правителями[60].

Из тех, кто составлял в тот период церковную иерархии, в «Табель о рангах» Иясу I вошли: *аккабе саат*[61], глава придворного духовенства, оказавшийся на четвертой ступени, и *нэбура-эд*, протоиерей кафедрального собора в Аксуме[62], занимавший пятую ступень. Два чиновника, носившие титул *цехафе-тээзаз* (букв. «записыватель указов»)[63], придворные секретари и по совместительству историографы, делили четырнадцатое место в этой иерархической лестнице. Они относились не столько к светской, сколько к церковной иерархии, поскольку эту должность обычно занимал человек мудрый, просвещенный, знающий язык геэз, а, следовательно, получивший хорошее церковное образование. Интересно, что в одной из кратких хроник приводится пример, когда *цехафе-тээзазом*, царским историографом, был назначен За-Вальда Марьям, один из приближенных царя Иясу I, тяжело раненный в грудь в битве с оромо 4 мая 1700 г., поскольку он уже не был годен к военной службе, которая более всего подобала мужчине, а прежний *цехафе-тээзаз* Хаварья Крестос погиб на поле боя. При этом За-Вальда

---

[60] См. о нем подробнее: Nosnitsin 2007. Второй элемент этого титула означал «воевода», тогда как первый представлял собой амхаризацию геэзского **መርዕድ** : «наводящий ужас». Столь грозная семантика объяснялась тем, что наместникам Шоа приходилось постоянно отражать натиск племен оромо (см. о них **Экскурс 4**).

[61] Дословно «тот, кто следит за часами». Человек, занимавший эту должность, как видно из самого ее названия, отвечал за внутреннее расписание монарха и за определение часов чтения молитв. По преданиию, этот титул был впервые дан св. Иясусу Моа, жившему в XIII в., основателю знаменитого монастыря Дабра Хайк Эстифанос на озере Хайк, царем Эфиопии Йэкуно Амлаком. См. Kaplan 2003. Должность *аккабе саат* была одной из самых почетных в Эфиопии на протяжении достаточно длительного периода ее существования и потеряла свое реальное значение лишь к моменту полного упадка гондарской монархии. Обладатель данного титула активно участвовал в жизни страны и часто находился не только при дворе, где зачастую участвовал в пирах, устраиваемых царем, но и следовал за царем в его военных экспедициях. В истории Эфиопии он даже короновал царей и становился регентом царевича.

[62] По преданию именно в этом храме хранится подлинный Ковчег Завета. См. о нем подробнее: Чернецов, Французов 2000.

[63] Это один из старейших титулов в государственной иерархии Эфиопии. Упоминание о нем восходит к правлению царя Лалибалы (тронное имя которого было Габра Маскаль) Загвейской династии, правящего на рубеже XII-XIII вв. См. Chernetsov, Nosnitsin 2010.

Марьям получил почетный титул *азажа*, который принято было давать исполнявшим обязанности царского историографа[64].

Непосредственно за *цехафе-тээзазом* в установленной Иясу I иерархии следовали уже упоминавшиеся выше четыре азажа, являвшиеся членами Верховного суда, в случае с которыми также невозможно провести четкое разделение между светской и церковной иерархией, поскольку суд в средневековой Эфиопии считался в значительной мере прерогативой Церкви. Так, перед началом наиболее важных процессов царь специально предписывал проводить их в соответствии с *Фэтха Нагаст*, составленном на геэзе судебнике, в основе которого лежало византийское каноническое право[65].

Стоит отметить, что лиц, назначенных на эти должности, достаточно часто меняли, смещали одних и назначали других, что нередко описывается в царских, или даже в кратких хрониках. Делалось это для того, чтобы не допустить появления чрезмерно влиятельных деятелей, представляющих угрозу царской власти.

Обращает на себя внимание отсутствие в этой иерархической схеме не только митрополита (*паппаса*)[66], носившего почетный титул *абун*[67], но и второго по положению должностного лица в Эфиопской Церкви (и первого в ней среди этнических эфиопов) – *эччеге*[68]. Что касается митрополита, как

---

[64] См. факсимильное издание данной хроники: Ṭānāsee 106 (Dombrowski) 1983, fol. 21v, col. 1.4-22. Подробнее ход этого сражения, закончившегося катастрофой для эфиопского войска, разобран в: Чернецов 1990, с. 281-285.

[65] См. об этом памятнике: Paulos Tzadua, Red. 2005.

[66] См. Kaplan 2010.

[67] См. Чернецов, Муравьев 2000.

[68] Титул, который по традиции носил настоятель Дабра-Либаносского монастыря, первоначально находившегося в Шоа. Вполне вероятно, что происхождение этого титула совпало с возникновением самой обители в начале XIV в. *Эччеге* назначался непосредственно царем и возглавлял Дабра-Либаносскую монашескую конгрегацию, крупнейшую в Эфиопии. В соответствии с местной легендой, такую значимость данный титул получил благодаря тому, что основатель этого монастыря, Такла Хайманот, величайший святой Эфиопской Церкви, принимал непосредственное участие в восстановлении в 1270 г. власти династии Соломонидов, которая была ранее узурпирована династией Загве. Очевидный анахронизм делает эту гипотезу

правило, являвшегося единственным архиереем в средневековой Эфиопии, то причина того, почему он оказался вне составленного Иясу I «Табеля о рангах», заключалась, скорее всего, в том, что он рукополагался и направлялся в Эфиопию патриархом Коптской Церкви и до некоторой степени оставался чужд как местной культуре, так и локальной политической системе. Отсутствие же в этой формализованной иерархии *эччеге* можно гипотетически связать с тем, что в отличие от *аккабе саата*, возглавлявшего придворное духовенство, он сохранял известную самостоятельность по отношению к царской власти.

Впрочем, реальная иерархия Эфиопской Церкви была гораздо сложнее той, что реконструируется на основании жестко упорядоченной схемы, разработанной в конце XVII в. царем и его ближайшим окружением. За исключением митрополита, все остальные эфиопские церковные иерархи были священниками. Высшую ступень среди них делили *эччеге* и *аккабе саат*. Смерть или смещение с должности одного из них имело общегосударственное значение. Такое событие обязательно заносилось как в царскую летопись, так и в краткую хронику. При этом зачастую сообщалось, что царь был опечален этим прискорбным событием в той же мере, что и кончиной близкого родственника.

Со временем в Эфиопии появились титулы, образованные от слова *мальак* (መልአክ ፡)[69]. Такие титулы фигурируют как в хрониках[70], так и в литературе религиозного содержания. Например, в агиографическом предании «Чудо Богородицы в Атрибе», входящем в сборник «Чудеса Марии», который был переведен на геэз с арабского языка[71], слово *ал-*

неправдоподобной. На самом деле эту роль, по-видимому, сыграл *аккабе саат*. См. Getatchew Haile 2005.

[69] В языке геэз означает «посланник (также ангел); чиновник, ответственный за что-либо; начальник; правитель».

[70] Речь, прежде всего, идет о титуле *мальака хайлу* (дословно «посланник силы его»). Он очень часто встречается в хрониках. При переводе его принято не транслитерировать, а переводить как «военачальник».

[71] Данное сочинение попало в Эфиопию через коптов в конце XIV – начале XV вв. См. Cerulli 1943, p. 3.

мукаддим «предводитель, командир» переведено с арабского как *мальака сарве*, где *сарве* означает «войско»[72].

Что касается церковных титулов с термином *мальак* в качестве первого элемента, то здесь проявилось столь характерное для эфиопских книжников употребление слов в двух смыслах: прямом («воск») и переносном («золото»). Особенно это типично для поэзии в жанре *кэне*[73]. Стоит отметить, что традиция составления произведений в этом жанре сохраняется в наши дни среди эфиопских книжников, прежде всего, у *дабтара*[74].

В текстах хроник эфиопских царей встречается несколько церковных титулов, имеющие в своем названии слово *мальак*. Ниже приведены те из них, которые относятся к позднесредневековому периоду истории Эфиопии:

- *мальака цахай* (дословно – «ангел, или посланник, Солнца»). Этим титулом величали настоятеля собора Дабра Цахай[75] в Гондаре;

- *мальака берханат* (дословно – «ангел, или посланник, светов») служил эпитетом настоятеля собора Дабра Берхан Сэлласе[76] в Гондаре,

---

[72] См. ተአምረ ፡ ማርያም ፤ ግእዝና ፡ አማርኛ ። አዲስ አባባ ፤ ፲፱፻፹፱ ፡ ዓ/ም C. 305, § 27 (ср. «Чудо в Атрибе», Бухарест (Французов) 2013, с. 134; «Чудо в Атрибе», Тайба (Французов) 2013, с. 145).

[73] Литературный жанр на языке геэз. Основным его предназначением была импровизация гимнов в церкви во время литургии. Для этого в Эфиопии до сих пор существует ступень церковного образования, которая называется *кэне бет* (дословно «дом *кэне*»). Одной из характерных особенностей произведений данного стихотворного жанра является наличие в них двух смыслов: явного и скрытого. Талант составителя состоял в том, чтобы тщательно и остроумно запрятать в тексте второй из них. В репертуаре уличных певцов (*азмароч*) *кэне* имеют сатирический характер и нередко изобилуют смелыми остротами.

[74] См. о них: Французов 2007.

[75] Собор Дабра Цахай Квэсквам был основан в первой половине XVIII в. (ок. 1733-1746 гг.) и вскоре стал одной из первостепенных церквей города Гондара, столицы эфиопского государства. Чуть более, чем столетие спустя ему суждено было быть разграбленным Феодором II (1855–1868), правителем Эфиопии, который положил конец «Эпохе судей». Протоиерея этого собора принято было называть *лика табабт* (дословно «глава мудрецов»), что служило его почетным эпитетом. В таком случае, если предположить, что титул *мальака цахай* неразрывно связан с собором, то возникновение его можно отнести к первой половине XVIII в. Таким образом, этот титул можно рассматривать как достаточно поздний в сравнении с другими титулами внутри церковной и государственной иерархии.

[76] Этот собор, также известный под именем Сэллус Кэддус (Святой Троицы), был освящен в 1694 г., в правление Иясу I. Существует еще одна церковь, носящая то же название, но также известная под именем Энда Сэлласе; она была построена в Адуа во второй половине XIX в. царем Эфиопии Иоанном IV (1872–1889).

посвященного, как видно из названия, Святой Троице. Возведение этого собора относится к началу гондарского периода истории Эфиопии;

- *мальака ганнат* (дословно – «ангел, или посланник, райского сада») – титул, который употребляли по отношению к настоятелю придворной церкви св. Михаила;

- *мальака кахэнат* (дословно – «ангел, или посланник, священников») – управляющий священниками в монастыре и церкви Дабра Мэтмак

Очевидно, что в эфиопской церковной иерархии были титулы более ранние и более поздние. Титулы, в состав которых входило слово *мальак* оказываются моложе, судя по вероятному времени их возникновения. Эти титулы относятся в основном к гондарскому периоду. Древнейший же титул придворного секретаря и царского хрониста, *цехафе-тэззаз*, впервые упоминается при царе Лалибале, в XII-XIII вв. Затем его упоминания становятся крайне редкими и вновь начинают часто фиксироваться лишь в гондарский период. Исходя из этих и подобных фактов, можно предположить, что система государственной, а в том числе и церковной, иерархии получила значительное развитие именно в этот период истории Эфиопии[77].

Следует особо отметить, что на рубеже XVIII-XIX вв. у церковных иерархов были собственные телохранители[78]. Они неоднократно упоминаются в царских летописях. В хронике Такла Гиоргиса I приводится описание ситуации, в которой эти телохранители жаловались на то, что им приходилось нести службу в непосредственном окружении церковных иерархов, в результате чего они лишались возможности захватывать военную добычу, которая доставалась тем, кто призван был обеспечивать безопасность военачальников, участвовавших в боевых действиях.

---

[77] Впрочем, памятники эфиопской историографии догондарского периода не слишком подробно освещают повседневную жизнь двора, так что наличие в них информационных лакун, касающихся структуры государственного аппарата, вполне вероятно.

[78] Orient. 821, л. 465об., стлб. 1, стк. 16-24; Eth. 143, л. 298об., стлб 2, стк. 8-11. См. также примеч. 38 к **Основной части** работы.

Хроника царя Эфиопии Такла Гиоргиса I изобилует упоминаниями не только государственных, но и церковных должностей. Особое место среди последних занимает *эччеге*, чья резиденция вместе с Дабра-Либасносским монастырем, настоятелем которого он считался, переместилась из области Шоа в селение Азазо при царе Василиде. Тогда появились понятия *бета абун* и *бета эччеге*, «дом митрополита» и «дом *эччеге*», образованные в Гондаре специальные кварталы для этих церковных иерархов. С этого момента они постоянно перемещались между монастырем в Азазо и царским двором в Гондаре. Как видно из источников, *эччеге* в конце XVIII в. назначался или, по крайней мере, утверждался самим царем[79]. В хронике Такла Гиоргиса I этот титул упоминается около полсотни раз, при том, что на митрополита хронист ссылается менее, чем в двадцати случаях. По всей видимости, *эччеге*, принимал более активное участие в церковных и государственных делах.

Уход из жизни *эччеге* являлся событием большого значения для государства. Такое событие обязательно находило отражение в царской хронике, а царя специально извещали об этом. 24 тахсаса (31 декабря 1780 г.) царь услышал о смерти *эччеге* Еноха. «Его слуга (по имени) Фанта был, как подобает (в таком случае), закован в цепи»[80]. Слуга, вероятно, попал под подозрение. Он должен был следить за тем, чтобы с человеком такого высокого положения в Церкви ничего дурного не случилось. Хотя хронист называет слугу термином *габр* (дословно – «раб»), здесь, по-видимому, имеется в виду его телохранитель. Отношение царя к *эччеге* действительно было в высшей степени уважительным. Автор краткой хроники поражался тому, что царь Юст (1711–1716) при назначении За-Микаеля на пост *эччеге* оказал ему всяческие почести вплоть до того, что пожаловал ему трон из золота![81]

Интересно, что митрополит Эфиопии неоднократно наносил визиты царю совместно с *эччеге*. Посланники от митрополита и *эччеге* также нередко

---

[79] Хроники (Чернецов) 1991, с. 326.
[80] Orient. 821, л. 463об., стлб. 3, стк. 15-18; Eth. 143, л. 297v, стлб. 1, стк. 30-32.
[81] Ṭānāsee 106 (Dombrowski) 1983, fol. 35r, col. 1.18-22.

приходили к царю совместно[82]. Еще в начале первого периода правления Такла Гиоргиса I, «…21 магабита[83], в среду прибыли те, что были посланы и отправлены от митрополита и *эччеге*, и царица (*йэтеге*) и Кэнфу Аддам – прибыли они внешне для заключения мира, а на самом деле для ссоры…»[84]. В это время царю предстояло выполнить сложную задачу, от которой зависело, сможет ли он удержать власть в своих руках. В первую очередь ему нужно было во что бы то ни стало побороть своих противников, претендующих на трон. Основным из них был мятежник Гадлу. На момент важного визита посланников от глав Эфиопской Церкви и царицы мятежник бежал со столовой горы (*амбы*), где стоял лагерем, а люди его отказались спуститься. Таким образом можно заключить, что митрополит и *эччеге* наравне с главой государства были самым непосредственным образом вовлечены в урегулирование внутриполитического конфликта в стране.

Благословление на то или иное деяние, судя по тексту хроники, царь мог получать также совместно от митрополита и *эччеге*, особенно когда речь шла о неординарных случаях. Например, после того, как царь отрубил руку и ногу *паше* Васану и обе руки Сахлю, которые выпустили мятежника Кэнфу Аддама и дали ему сбежать. Царь был сильно разгневан, ибо многих трудов ему стоило поймать и посадить в заключение мятежника, но после жестокой расправы за вину сомнительного характера он нуждался в общении с духовными лицами. «24 тэкэмта[85] после 10 часов ночи пришел царь царей Такла Гиоргис, тронное имя которого Фэкэр Сагад, и получил благословление от митрополита и *эччеге*, и ночевал в Адарджэха…»[86].

---

[82] См., например: Orient. 821, л. 454об., стлб. 1, стк. 11-15; Eth. 143, л. 292об., стлб. 2, стк. 36 – л. 293, стлб. 1, стк. 1.
[83] 28 марта 1780 г.
[84] Orient. 821, л. 457, стлб. 1, стк. 9-16; Eth. 143, л. 294, стлб. 1, стк. 15-18. Мятежник Кэнфу Аддам представлял особую угрозу для царя Такла Гиоргиса I. Именно он сверг с престола его предшественника Соломона II и позволил воцариться Такла Гиоргису I. События эти описаны в его хронике.
[85] 1 ноября 1780 г.
[86] Orient. 821, л. 461, стлб. 2, стк. 1-9; Eth. 143, л. 296, стлб. 1, стк. 18-22.

Глава Эфиопской Церкви иногда наносил личные визиты царю, который традиционно считался помазанником Божьим, и не упускал случая послать ему дары, как, например, святое помазание[87]. К царю приходили посланники и от *мальака берханат*. Несколько позднее, 27 декабря 1782 г. священники, посланные от человека по имени Зафару, состоящего в этой должности, прибыли к царю, принеся *таботы* (аналоги антиминсов) Святой Троицы и св. Такла Хайманота. Вместе с ними пришли другие деятели, доставившие дары, предназначенные царю. От церковных деятелей поступали подарки религиозного характера, а некий Йалеу Айкар преподнес ему золотое седло, подобного которому не было сделано ни для одного царя ранее[88].

Эччеге и митрополит Эфиопии упоминаются в хронике и по другим поводам, подчас напрямую не связанным с реальной политической ситуацией. Так, в первый период правления Такла Гиоргиса I, когда он все еще вел борьбу с мятежниками, царский хронист описывает следующее происшествие: «26 числа (месяца сане)[89] прибыли священники из Дага и принесли с собой мощи честного царя Зара Якоба, который звался Константином, возраст которых 330 лет. Это казалось волей Божьей, что благословляла царя царей Такла Гиоргиса. Царь же послал им глашатая, говоря: «Всякого, кто прибегнет к защите мощей отца моего Зара Якоба царя честного и *табота* Стефана-мученика, совершив грех и беззаконие, мы помилуем его дабы прибывала благодать в доме митрополита и *эччеге*…»[90].

Упоминание *эччеге* и митрополита встречаются в качестве средства устрашения. Так, если хронист пишет, что кому-то угрожают наложением анафемы, то непременно ссылается на этих церковных иерархов, «устами»

---

[87] «25 числа месяца тахсаса (1 января 1781 г.) пришел к царю посланник от митрополита Иоасафа, принесший святое помазание» (Orient. 821, л. 470об., стлб. 3, стк. 23-26; Eth. 143, л. 301об., стлб. 2, стк. 24-25).

[88] Orient. 821, л. 471об., col. 1, стк. 16 – стлб. 2, стк. 12; Eth. 143, л. 302, col. 2, стк. 3-18.

[89] 1 июля 1781 г.

[90] Orient. 821, л. 466, стлб. 3, стк. 14 – л. 466v, стлб. 1, стк. 9; Eth. 143, л. 299, стлб. 2, стк. 3-15.

которых она и накладывалась на провинившегося или на потенциальных нарушителей воли царя.

Совместное упоминание различных титулов показывает их значимость в Эфиопском государстве того времени. Когда царь узнал о разрушении церквей рукой язычников, он послал обращение к «матери своей царице, митрополиту Иоасафу, *эччеге* Тесфа, *аккабе саату* Авессалому и *расу* Аядару, всем священникам и протоиереям: «Когда мы услышали о разрушении церквей и взятии в плен верующих и разбитии алтарей топором и молотом рукой язычников, зажглись мы огнем духовного негодования… не спасается царь количеством своих солдат … но мы верим в ваши молитвы. Молитесь за нас, как молился … отец наш Пантелеимон за Калеба, царя Эфиопии»[91]. Следовательно, именно эти люди играли основную роль в государстве, и из списка адресатов этого послания Такла Гиоргиса I мы видим иерархию Эфиопской Церкви, государства в целом и ее значение для царя. Еще в одном случае хронист перечислил «старейшин Церкви». «25 числа месяца сане[92], в пятницу, царь направился с визитом в дом митрополита с восьмью старшинами Церкви (ሊቃውንተ: ቤተ: ክርስቲያን:), а именно: *аккабе саатом* Кабте, *азажем* Габру, *мальака цехай* Ровоамом, *мальака берханат* Хирутом, *лика губа*е Зена, *алека* Зафару, *алека* Такла Хайманотом в связи с делом *баламбараса* Рамекха»[93].

На заключительном этапе военной экспедиции в земли народа меча царь прибыл в Робит неподалеку от Гондара. Там его встретили с радостью и восторгом *аккабе саат* Авессалом, сановники и священники. Автор хроники добавляет, что там была и сама царица. Принимали царя в специально отведенных палатах. Подчеркивается парадность этого приема. Немаловажен здесь и порядок перечисления лиц, встречавших царя, в котором *аккабе саат* стоит на первом месте.

---

[91] Orient. 821, л. 472, стлб. 3, стк. 6 – л. 472об., стлб. 1, стк. 5; Eth. 143, л. 302об., стлб. 2, стк. 5-17.
[92] 30 июня 1782 г.
[93] Orient. 821, л. 483об., стлб. 2, стк. 3-17; Eth. 143, л. 309, стлб. 2, стк. 28-36.

Стоит отметить, что в Эфиопском государстве титул *аккабе саата* одновременно мог принадлежать более чем одному человеку. Этот вывод мы делаем, исходя из текста хроники Такла Гиоргиса I, хотя никаких данных о наличии в Эфиопии более чем одного *аккабе саата* в одно и то же время в научной литературе не приводится. Между тем, во время пира, устроенного царем по поводу праздника Благовещения, прибыли посланники от *кес аце* (царского духовника) Кабте и *аккабе саата* Такла Хайманота. Затем к ним присоединился *аккабе саат* Авессалом[94].

Далее по ходу повествования вновь упоминается *кес аце* Кабте в связи с назначением его царем на должность *аккабе саата*. Следует интересное разъяснение данной процедуры и цитируется указ царя, касающийся назначений на различные должности. Так, *аккабе саат* Авессалом стал *мальака ганнат* – настоятелем придворной церкви св. Михаила, что также являлось высокой и почетной должностью[95]. «И он нашел, кого назначить на должность *аккабе саата*, самую высокую должность по рангу. И поклонились ему все царские сановники от *расов* до *чэфра алека* (командиров отрядов воинов-амхара). И после этого выбрал он мужа из Дабра Либаноса, священника…»[96] Далее следует описание превосходных качеств этого священника, а именно мудрости, красноречия, скромности, благочестия в поведении и праведности в суждениях и т. д. Следовательно, человек, занимающий эту должность, должен был обладать незаурядными качествами и тщательно выбирался. Этим человеком стал *кес аце* Кабте, весть о котором разнеслась от границы до границы. «14 числа того же месяца в субботу вечером послал он (царь) глашатая, говоря: «Отдали мы должность настоятеля монастыря нашего Дабра Мэтмак и выбрали на эту должность *аккабе саата* …»[97] Ему был дан земельный надел (*гульт*) в земле Шоа. Было

---

[94] Orient. 821, л. 480об., стлб. 1, стк. 11-15; Eth. 143, л. 308об., col. 1, стк. 6-8 и Orient. 821, л. 480об., стлб. 3, стк. 10-11; Eth. 143, л. 308об., стлб. 2, стк. 1-2.
[95] Orient. 821, л. 481v, стлб. 2, стк. 22 – л. 482об., стлб. 2, стк. 6. Eth. 143, л. 308, стлб. 1, стк. 27 – л. 308об., стлб. 2, стк. 9.
[96] Orient. 821, л. 481об., стлб. 3, стк. 8-18. Eth. 143, л. 308, стлб. 2, стк. 3-8.
[97] Orient. 821, л. 482, стлб. 1, стк. 5-13. Eth. 143, л. 308, стлб. 2, стк. 15-18.

провозглашено его имя (Кабте). На следующий день царь собрал совет и сделал целый ряд новых назначений. Из этого отрывка становится ясно, что должность *аккабе саата* требовала больше внимания и времени при выборе подходящей кандидатуры, чем остальные должности в государстве. В это время (т.е. в мае 1782 года) также упоминается о том, что царь задумывался, кого назначить на должность *мальака кахэнат*.

Стоит отметить, что *мальака ганнат* Яред фигурирует среди воинов царя, защищавших его в самом конце его царствования перед тем, как Такла Гиоргис I был низложен и отправлен в ссылку.

Титул *мальака берханат*, имевший большое значение в Церкви и при дворе, также мог, вероятно, принадлежать более чем одному человеку сразу. Хронист сообщает, что когда 28 хамле (2 июля 1782 г.), в первый период правления Такла Гиоргиса I, умер *мальака бэрханат* Хирут, было большое волнение и печаль в царской ставке, потому что он был очень хорошим человеком и знатоком Писания[98]. Как уже сообщалось[99], месяцем раньше он совместно с царем наносил визит в дом митрополита в составе восьми старейшин Церкви. Одновременно в хронике встречается имя другого *мальака берханат*, а Зафару, который также периодически наносил визиты царю и по разным поводам упоминается в тексте хроники[100]. Это кажется странным, поскольку у собора Дабра Берхан Сэлласе должен быть один настоятель. Раз в хронике одновременно упоминаются два лица, величаемые *мальака берханат*, то, возможно, этим термином называлась еще какая-либо должность в церковной иерархии описываемого периода времени или он мог превратиться в почетный титул и уже не иметь прямого отношения к соответствующему собору. К сожалению, текст хроники не дает нам ключ к разгадке этого вопроса.

Церковная иерархия прослеживается и в описании разногласий в монастырской среде. Как известно, религиозные споры не были редкостью

---

[98] Orient. 821, л. 484об., стлб. 1, стк. 9-17; Eth. 143, л. 309об., стлб. 2, стк. 31-35.
[99] См. выше примеч. 93.
[100] Orient. 821, л. 468, стлб. 2, стк. 16-26; Eth. 143, л. 300, стлб. 2, стк. 24-30.

внутри Эфиопской церкви и иногда продолжались несколько столетий. Особое место среди них занимает распря между сторонниками «соединения» (*тэвахдо*) и помазания (*кэб‘ат*)[101], начавшаяся еще на рубеже XVI–XVII вв. и продолжавшаяся в правление Такла Гиоргиса I. Например, однажды монахи из Дабра Мэтмак[102] отказались принимать пищу со стола в доме *аккабе саата* Кабте, так как они были против, что с ними вместе присутствовали приверженцы движения евстафиан[103], являвшихся в отличие от них сторонниками *кэб‘ат*[104]. Царь, которого не могла не волновать напряженная ситуация внутри Церкви, безуспешно пытался примирить их. Стоит отметить, что он не обделял вниманием монахов из этих монастырей и давал им значительные земельные наделы[105].

Описания подобного диспута, возникшего на религиозной почве, встречается и в краткой хронике. В 1721 г., при царе Давиде III, во время наибольшего накала страстей среди враждующих между собой религиозных деятелей начался набег воинствующих оромо, которые в конечном итоге ограбили и убили многих священников и монахов. В результате этого нападения пострадал и сам *эччеге*[106].

В назначении на некоторые должности могли случаться перебои: в Церкви, как и в государстве не всегда были заняты те должности, которые необходимы для нормального ее функционирования. Например, после последнего смещения с трона Такла Гиоргиса I в июне 1800 г., перед тем, как

---

[101] См. о ней: Болотов 1888.

[102] Церковь и монастырь, основанные царем Зара Якобом в середине XV в. См. о них подробнее: Derat 2005.

[103] Orient. 821, л. 484об., стлб. 2, стк. 12-18; Eth. 143, л. 310, стлб. 1, стк. 10-14.

[104] О последователях св. Евстафия см.: Французов 2008б.

[105] Хронист перечисляет дары царя этим монастырям непосредственно перед тем, как перейти к описанию несогласий и споров между духовными лицами, принадлежащими к различным религиозным течениям внутри Эфиопской Церкви, по всей видимости, чтобы подчеркнуть нейтральную позицию царя по отношению к ним и его желание удовлетворить и тех, и других. См.: Orient. 821, л. 484об., стлб. 1, стк. 17 – стлб. 2, стк. 10; Eth. 143, л. 310, стлб. 1, стк. 1-9. Хронист часто упоминает щедрость и милосердие как основные душевные качества царя Такла Гиоргиса I.

[106] Ṭānāsee 106 (Dombrowski) 1983, fol. 39v, col. 1.1 – 40r, col. 1.1.

на трон взошел царь Гуалу (1801–1818)[107], в месяце тэкэмт (9 октября – 7 ноября) умер *аккабе саат* Кабте[108]. Царь должен был выступить в военный поход против мятежника, куда он и отправился в сопровождении отрядов оромо[109]. Здесь хронист уточняет, что Кабте был человеком из племени азал. Царь не назначил ему преемника, так как вскоре потерял власть.

Священник, занимавший должность *мальака цахай* – настоятеля монастыря Дабра Цахай, мог исполнять и другие обязанности в государстве. В 1769 г. при восшествии на престол Такла Хайманота II, одного из предшественников Такла Гиоргиса I, титулов *мальака цахай* и одновременно *цехафе-тээзаза* «слева» (т.е. придворного историографа) был удостоен *алека* Нахуда[110], ставший автором хроники его правления.

Обладатели титула *цехафе-тээзаз* имели большое значение в государстве. Царь праздновал с ними основные церковные праздники: например, в мае 1782 г. он отметил Пасху с *алека* Габру, автором своей хроники, и *алека* Зена. По прошествии некоторого времени он одарил их одеждами из хлопка, шитыми золотом, что было исключительной привилегией и также указывало на близкие отношения царя с этими придворными[111].

Подробное описание практически всех сколько-нибудь заметных событий царствования Такла Гиоргиса I, составляющее содержание его хроники, позволяет составить достаточно полное представление о государственной и церковной иерархии в позднесредневековой Эфиопии. Из текста этого источника можно сделать вывод о том, что наименования

---

[107] Сокращение от Эгуала Сион, тронное имя которого было Невай Сагад. После свержения Такла Гиоргиса I и до воцарения Гуалу в течение непродолжительного времени правил царь Деметрий.

[108] Orient. 821, fol. 578v, col. 3.6-8; Eth. 143, fol. 361v, col. 1.11-13.

[109] Народ оромо на протяжении значительной части истории Эфиопии совершал набеги на христиан этой страны. Тем не менее, со временем, некоторые его представители, будучи прирожденными воинами, поступили на царскую военную службу.

[110] Orient. 821, л. 432об., стлб. 3, стк. 20 – л. 433, стлб. 1, стк. 2; Eth. 143, л. 280, стлб. 2, стк. 26-30.

[111] Orient. 821, л. 481об., стлб. 1, стк. 8-16; л. 481об., стлб.. 2, стк. 10-15; Eth. 143, л. 308, стлб. 1, стк. 12-15; л. 308, стлб. 2, стк. 21-24.

должностей, некогда появившиеся в лоне Церкви, к концу XVIII в. прочно вошли в государственную иерархию, а лица, их занимавшие, оказались приближенными царя. Они влияли на политическую ситуацию в государстве, на взаимоотношения царя с его ближайшим окружением, в том числе с родственниками, а также на придворное летописание. На материале хроники, относящемся к представителям эфиопской церковной иерархии, удается четко проследить общую для многих средневековых государств тенденцию к постепенному превращению служебных титулов в титулы почетные, во многом утратившие свое первоначальное содержание.

Экскурс 4.
Иоасаф II, митрополит Эфиопии

С момента обращения Эфиопии в христианство при царе Эзане в середине IV в. и вплоть до 1959 г., когда Эфиопская Церковь[112] приобрела автокефальный статус, она канонически зависела от Коптской Церкви. Главой Эфиопской Церкви являлся митрополит, который поставлялся патриархом Коптской Церкви и присылался из Египта.

На протяжении средневековья эфиопские цари регулярно отправляли посольство за новым митрополитом в Египет с богатыми дарами для его мусульманских правителей и коптских иерархов в долгий и тяжелый путь морем или по суше через Судан. Как известно, рукополагать во священники имеет право только обладатель архиерейского сана, а таковым в Эфиопской Церкви был только митрополит. В случае продолжительного отсутствия митрополита в стране начинала остро ощущаться нехватка церковных кадров, некому было совершать таинства, а вокруг его резиденции в ожидании хиротонии собиралось значительное количество людей, получивших церковное образование и ожидавших распределения по приходам.

Церковь и государственный аппарат в Эфиопии традиционно находились в тесной связи друг с другом[113]. Это сотрудничество не ограничивалась вопросами совершения религиозного культа, а охватывало буквально все сферы государственной и общественной жизни. Поддержка Церкви обеспечивала сакральный статус эфиопскому царю, который, в свою очередь, гарантировал ей ведущую роль в деле окормления и духовного просвещения своих подданных и щедро одаривал материально, в частности земельными наделами. Архимандриты крупнейших монастырей, настоятели наиболее почитаемых храмов, а также придворный клир составляли

[112] Эфиопская Церковь – одна из монофизитских (дохалкидонских) Восточных Церквей, единоверная с коптами и армянами. Ее нынешнее полное официальное наименование – Эфиопская Православная Церковь «Соединения».
[113] См. Гусарова 2013 в.

неотъемлемую часть государственного аппарата христианского царства. Стоит отметить, что Церковь, наравне с монархом и его войском, участвовала в расширении границ Эфиопии и покорении населявших новые территории язычников путем обращения их в христианство.

Несколько иным было положение митрополитов в исторически сформировавшихся отношениях между представителями центрального государственного аппарата и высокопоставленными церковными деятелями. Посланники Коптской Церкви воспринимались в Эфиопии как иноземцы. Они были чужды местному духовенству и царской администрации, их старались не посвящать не только во внутренние дела государства, но и Церкви. Митрополит зачастую являлся лишь номинальной фигурой, условной главой Эфиопской Церкви, от решений которого на практике мало что зависело.

Периоды относительного единства в этой стране сменялись периодами смуты и раздробленности, наступлению которых способствовали полиэтнический и поликонфессиональный состав ее населения, климатические условия и перипетии социально-экономического развития. Теологические споры, доводившие подчас до расколов, также приобретали со временем региональную окраску, и Церковь в такие периоды из фактора, обеспечивающего единство государства, превращалась в одну из сил, способствующих его распаду. Еще до прибытия в Эфиопию митрополита Иоасафа II, а именно во второй половине XVIII в. в стране наметились активные центробежные тенденции, приведшие к началу затяжного периода политической раздробленности[114].

Иоасаф II (III) стал митрополитом Эфиопии в конце XVIII в. и возглавлял ее до своей кончины в 1803 г.[115] В 1770 г. он занял престол митрополита после кончины своего предшественника Иоанна III, став, таким

---

[114] См. **Главу 1, раздел 1** в начале данной работы.

[115] Краткие сведения о нем см. в: Ancel 2014. Нельзя с уверенностью сказать, был ли он вторым или третьим митрополитом по имени Иоасаф. Судя по доступным нам спискам митрополитов, рассмотренным ниже в данном **Экскурсе**, это имя носили 39-й, 90-й и 104-й митрополиты Эфиопской Церкви.

образом, 104-м митрополитом этой страны. Его назначение выпало на эпоху невиданной ранее в Эфиопском христианском государстве политической раздробленности. Таким образом, за время своего служения, Иоасаф принимал участие в коронации нескольких царей: Иясу III (1784-1788), Баэда Марьяма II (1794-1795) и Соломона III (1796-1797, 1799)[116].

Имя, некоторые подробности биографии и годы служения митрополита Иоасафа в качестве главы Эфиопской Церкви встречаются в нескольких источниках. В первую очередь, это списки митрополитов Эфиопии, хроника царствования Такла Гиоргиса I[117] и некоторых других правителей и царей конца XVIII–начала XIX, а также приписки к рукописям[118].

До недавнего времени было известно четыре рукописи, содержащие списки митрополитов Эфиопии. Две из них входят в состав собрания Британской библиотеки[119], одна – Национальной библиотеки Франции[120], еще одна была привезена в Италию миссионером-капуцином П. Леоном во второй половине XIX в. Эти тексты были изучены выдающимся итальянским эфиопистом Игнацио (Иняцио) Гвиди[121], сравнившим четыре текста и на основе этого сделавшего вывод о том, что до нас дошло два разных списка митрополитов: краткий[122]и расширенный[123]. И. Гвиди подготовил и опубликовал критическое издание обоих списков и их комментированный перевод на итальянский язык[124]. Первая и вторая пары текстов разнятся

---

[116] О коронации Такла Гиоргиса I нет данных в его хронике. Факт коронации вышеперечисленных монархов также остается под вопросом. В хронике упоминается возложение короны рукой митрополита и *эччеге* на голову царя Баэда Марьяма, но сделано это было в Гондаре, а не в Аксуме, где по традиции должны были принимать помазание на царство эфиопские монархи.

[117] См. **Введение** к данной работе, а также **Экскурс 1**.

[118] В коллекции Британского музея имеется несколько рукописей, привезенных из Магдалы (Макдалы) в 1868 г., в которых неоднократно упоминается митрополит Иоасаф, как в приписках, так и в формулах благопожелания в основных текстах.

[119] Orient. 812 (Wright 1877, p. 290-291) и Orient. 769 (Wright 1877, p. 320-321, где издан текст списка митрополитов (Ibid., p. 320)).

[120] Éth. 160 (Zotenberg 1877, p. 263).

[121] См. о нем: Ricci 2005, p. 908-909.

[122] Представленный в рукописях Éth. 160 и Orient. 812.

[123] Входящий в состав Orient. 769 и рукописи П. Леона

[124] Guidi 1899.

между собой не только по объему, но и по содержанию. Первая передает имена 26-ти митрополитов и доводит повествование до *аббы*[125] Исаака и *аббы* Марка, прибывших вместе[126] в 1481 г. в сопровождении группы египетских церковнослужителей, и приводит некоторые биографические подробности[127].

Пространные списки доводят повествование до 107-го митрополита, то есть от *аббы* Саламы (Фрументия) до *аббы* Саламы, который стоял во главе Эфиопской Церкви с 1841 г. до своей кончины в 1868 г.[128]

В настоящее время нам известна еще одна рукопись, в которой содержится список митрополитов Эфиопии. Она входит в состав библиотеки монастыря Дабра Дамо[129] и доступна в виде цифровых изображений в составе коллекции Digital Oriental Manuscript Library, Asien-Afrika-Institut. [130]

В этой рукописи на л. 35 об., стлб. 2, стк. 15 – л. 36, стлб. 3, стк. 28 приведен список митрополитов от *аббы* Саламы (Фрументия) до *аббы* Афанасия, 107-го митрополита по счету, принятому в данном списке, который стал главой Эфиопской церкви в 1869 г., уже после смерти царя

---

[125] *Абба* (дословно «отец») или *абуна* (дословно «отец наш»), были почетными титулами митрополита (*nannaca*) Эфиопии. См. Nosnitsin 2003. Официально глава Эфиопской Церкви именовался *nannac*, от греческого «отец, священник». См. Kaplan 2010 a.

[126] Чрезвычайно редкий случай в истории Эфиопской Церкви, возможно, объяснявшийся стремлением царя Зара Якоба и его преемников добиться в перспективе ее автокефалии.

[127] Составитель приводит уточнения, касающиеся одновременного прибытия в Эфиопию нескольких митрополитов, подробности о месте погребения иерархов и т.п. В некоторых случаях он указывает, что между таким-то и таким-то митрополитом престол главы Эфиопской Церкви занимало еще несколько иерархов (приводя их точное количество), чьи имена неизвестны. При этом он ссылается на общее место их погребения. По его подсчетом от первого митрополита *аббы* Саламы (Фрументия) до *аббы* Исаака и *аббы* Марка в Эфиопии сменилось 65 митрополитов. Таким образом, повествование доведено до начала XVI в.

[128] Рукопись Orient. 769 была составлена для правителя Шоа Сахле Селассе (1806-1847), одного из многочисленных «князей» эпохи политической раздробленности, и список патриархов, отредактированный, по всей видимости, в этот период, включает в себя, соответственно здравствующего на тот момент митрополита аббу Саламу.

[129] Также именуется Энда Арагави. Монастырь в провинции Тиграй, на севере Эфиопии. Один из древнейших монастырских комплексов в этой стране. См. о нем: Tsegay Berhe G. Libanos, Red. 2005.

[130] Digital Oriental Manuscript Library, DD-020 (C3-IV-265) Synaxarion, Däbrä Dammo, Tigray (photo Ethio-Spare 2010).

Феодора II[131]. Сама рукопись датируется периодом правления царя Эгвала Сиона. В начале интересующего нас текста сообщается, что он восходит к правлению царя царей Иоанна, которого, по всей очевидности, следует отождествить с Иоанном IV. Судя по данному анахронизму, список митрополитов был добавлен к кодексу более чем через 60 лет после написания основной части рукописи.

Список митрополитов из рукописи DD-020 является более полным по сравнению с четырьмя опубликованными И. Гвиди, впрочем, не так уж значительно (на одного митрополита больше); кроме того, в нем приводится больше ценной информации житийного характера. Первая половина текста списка состоит исключительно из сухого перечисления имен митрополитов и их порядковых номеров, только с 95-го митрополита Симеона автор начинает давать те или иные комментарии.[132] В пространном списке митрополитов, опубликованном И. Гвиди такие отступления также начинаются с *аббы* Симеона, но они отличаются несколько иным содержанием.

Прибытие Иоасафа в Эфиопию и его восшествие на митрополичий престол описано в хронике Михаила Сэхула[133]. Можно себе представить, в какое затруднительное положение поставила прибывшего в чужеземную страну представителя Коптской Церкви эта двусмысленная ситуация в стране, при которой царь царей стал номинальной фигурой, а государством с переменным успехом правили сумевшие собрать достаточно материальных средств и человеческих ресурсов феодальные властители.

---

[131] Всего через семь лет, в 1876 г, *абба* Афанасий ушел из жизни в Адуа. По другой версии он был убит по приказу царя Иоанна IV.

[132] Это не удивительно. При царе Сисинии (1607-1632) произошли трагические для истории Эфиопии события, связанные с обращением этого царя в католичество в 1624 г. Войны с мусульманами и реальная угроза христианскому государству заставили эфиопских царей обратиться за помощью к иноземцем, а это повлекло за собой то, что вместе с военной поддержкой в Эфиопию проникла и католическая вера. Тогда против политики царей восстали представители Эфиопской Церкви. Это привело к убийству За-Дэнгеля (1603-1604). Митрополит Симеон трагически погиб в сражении против войска царя Сисиния, в котором он принимал участие на стороне защитников «александрийской веры». См. об этом: Чернецов 1990, с. 45-47, 111-113.

[133] См. примеч. 5 к **Основной части** работы.

Иоасаф прибыл в Эфиопию в 1770 г. Он прекрасно знал, что со времен основания Гондара в 1736 г. в качестве постоянной столицы резиденция митрополита находилась в этом городе. Тем не менее, судя по тексту хроники, Михаил Сэхуль пытался изменить эту традицию, чтобы обеспечить себе еще больше влияния. Так, он прилагал усилия к тому, чтобы убедить нового митрополита остаться на севере страны, в провинции Тигре. В эти дни *рас* Михаил с царем покинули город и отправились в эту область. Согласно царскому историографу, Иоасаф нашел в Гондаре вельмож и военачальников, которые сомневались и не могли принять решения, как вести себя в сложившейся ситуации, когда непонятно было, кто стоит во главе государства и кому по справедливости нужно служить и подчиняться. Судя по всему, это привело Иоасафа в смятение. Хронист так описывает эти события и состояние митрополита: «И 13 числа месяца *сэне*, в понедельник, вошел митрополит *абуна* Иоасаф в Гондар в сопровождении немногочисленных разбойников, подобно тому, как привели в неволю Иосифа (Прекрасного)[134]. И, когда он вошел в Гондар, не оправдалась его надежда. Вот если бы встретился он в Тигре с царем и *расом* Михаилом, то не случилось бы с ним неприятностей. Ведь верен главе верующих *рас* Михаил, который щедро одаривает, и не вспоминает (об этом). Вот если бы отдал он много имущества отцу нашему Иоасафу, митрополиту, а тот бы говорил: “Хватит мне, хватит!” Но, не дал ему Господь»[135].

Таким образом, сложилась абсурдная ситуация, в которой митрополиту нужно было, прежде всего, выжить, а уже затем искать подходящий способ управления Эфиопской Церковью. Хронист, подобно митрополиту, видимо не мог найти нужных слов для передачи случившегося и ссылался на волю Божью, чтобы обойти весьма скользкий вопрос о полной материальной зависимости главы Эфиопской Церкви от влиятельного временщика, которым являлся *рас* Михаил. Ко времени прибытия митрополита Иоасафа в

---

[134] Судя по всему, поводом для такого сравнения стала относительная молодость митрополита, которому в 1770 г., скорее всего, было около 30 лет.
[135] Orient 821, л. 444, стлб. 2, стк. 3-24, Eth. 143, л. 287, стлб. 2, стк. 9-21.

Эфиопию Церковь больше не являлась надежной опорой царской власти в этой разобщенной стране, а митрополит уже не пользовался тем авторитетом, с которым прежде относились к обладателю этого сана.

Подобная ситуация не укладывалась в традиции летописания, которыми руководствовались придворные историографы. В хрониках *раса* Михаила и Такла Гиоргиса I историограф нечасто упоминает митрополита. Создается впечатление, что он достаточно редко принимал какое-либо значимое участие в политической и религиозной жизни страны. Так, после описания его злополучного прибытия в Эфиопию 18 июня 1770 г., следующее упоминание о нем датируется 1 ноября 1780 г., т.е. в течение 10 лет он ни разу не фигурировал в официальных придворных сводках. На сей раз царь Такла Гиоргис I в ходе борьбы против мятежников собирался отправиться в погоню за одним из них в земли меча, воинственных племен народа оромо, а митрополит вместе с *эччеге*[136] прибыли благословить царя перед трудным и опасным походом в земли оромо.

С конца 1780 г., когда внутриполитическая ситуация в стране ненадолго стала относительно стабильной, митрополит Иоасаф стал чаще упоминаться в царской хронике, что отражало возрастание его роли в жизни государства. Время от времени он присылал царю дары[137]. Установилась регулярная связь между монархом и митрополитом. 30 июня 1782 г. царь отправился с визитом в дом митрополита в сопровождении высокопоставленных церковных деятелей. Это было связано с тем, что среди эфиопского монашества вновь разгорелись теологические споры между сторонниками «соединения» и «помазания»[138]. Враждующие стороны удалось временно

---

[136] На время пребывания *аббы* Иоасафа в Эфиопии выпала смена *эччеге*. 20 декабря 1780 г. царю Такла Гиоргису I принесли печальную весть о смерти *эччеге* Еноха. Затем *эччеге* становится некий Тасфа.

[137] Обычно это подразумевало святое помазание.

[138] Партии в Эфиопской Церкви, названные позже Дабра-Либаносской верой и Тиграйской верой; приверженцы первой поддерживали доктрину «соединения» или «трех рождений». Как известно смута между приверженцами двух богословских доктрин внутри Эфиопской Церкви, «соединения» и «помазания» (*кэб‘ат*), связанных с вопросом об отношении

примирить. Раскол в Церкви был опасен для центральной власти в стране, и без того ослабленной многочисленными мятежами феодалов. Такла Гиоргис I старался всеми средствами сплотить страну, и в этой ситуации он посчитал нужным заручиться поддержкой главы Эфиопской Церкви. Таким образом, по истечении 12 лет с того момента, как *абуна* Иоасаф стал главой Эфиопской Церкви, он, наконец, в силу своих заслуг или благодаря сложившимся обстоятельствам, получил должное уважение и начал активно участвовать в делах государственной важности.

В доме митрополита стали устраиваться пиры, на которых присутствовали видные государственные деятели, приближенные царя, монахи из крупных эфиопских монастырей. Митрополит Иоасаф обрел, таким образом, славу миротворца, как в делах церковных, так и светских.

Вспыхнувший с новой силой в 1782 г. давний богословский конфликт тщетно пытался погасить царь Такла Гиоргис I, устраивая для приверженцев доктрин «соединения» и «помазания» совместные обеды и встречи, в ходе которых их увещевал *эччеге*. Наконец, в дело вмешался митрополит Иоасаф, который имел хорошее церковное образование и понимал, что данный спор, родившись из мудрствований местных начетчиков, по самой своей сути лежит вне официального богословия Коптской Церкви.

К концу XVIII в. ситуация в стране еще более обострилась. Влиятельные феодалы пытались использовать митрополита для достижения своих корыстных целей, нередко угрожали ему. В 1799 г., когда на политической сцене Эфиопии возник новый персонаж – *рас* Мар’эд, *эччеге* и митрополит, оказавшиеся неугодными его далекоидущим планам, были закованы в цепи. Естественно, в душе митрополита накапливались досада и раздражение. Когда в ноябре того же года в Гондар вновь пожаловал Такла Гиоргис, чтобы в последний раз попытать счастье и взойти на престол Эфиопии, он нашел митрополита Иоасафа не в духе. На него обрушился гнев митрополита,

---

Богочеловека по человечеству к Отцу и Святому Духу, продолжалась несколько столетий, начиная с середины XVII в. (см. Болотов 1888).

который, наученный горьким опытом, не хотел новых перемен в стране, а тем более в Гондаре.

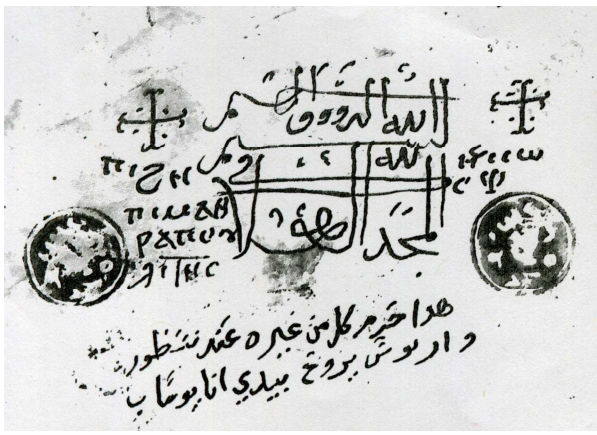
В 1801 г. он придал анафеме всех сторонников доктрины «соединения», включая самого *эччеге*, который полностью ее поддерживал. Расплата за это опрометчивое решение не заставила себя ждать. Среди священнослужителей Гондара поднялись волнения, и митрополит Иоасаф был вынужден отправиться в ссылку на один из островов на озере Тана[139]. Он смог вновь возглавить Эфиопскую Церковь только выполнив поставленное ему условие, то есть после того, как он снял наложенную им анафему.

Вслед за концом правления Такла Гиоргиса I, алчущие власти царевичи и князья в своей борьбе за власть уже не обращали должного внимания на Церковь и ее митрополита, попытки которого призвать паству к порядку были тщетны.

Стоит отметить, что митрополит Иоасаф неоднократно упоминается в приписках к рукописям, большая часть которых входит в состав коллекции Британской библиотеки. В одной из них, Orient. 80[140], на л. 54 записана молитва, посвященная митрополиту Иоасафу, за которой, на л. 55 об. следует молитва, посвященная царю Эгвала Сиону. В нескольких списках встречается и личная подпись митрополита с оттисками его печати, которые, к сожалению, не читаются[141]. В рукописи Orient. 778 сохранились подпись митрополита Иоасафа на арабском языке, а также его автограф на коптском (см. илл. 1 к данному **Экскурсу**). Судя по всему, все эти рукописи принадлежали одному из крупных монастырских центров, которые посещал митрополит.

---

[139] Озеро Тана славится своими действующими и поныне островными монастырями, с которыми связаны многие исторические события, происходившие в Эфиопии.
[140] Wright 1877, p. 91-92.
[141] Orient. 511, л. 2 об. (Wright 1877, p. 26); Orient 778, л. 2 об. (Ibid., p. 235-254).



Илл. 1. Подпись митрополита Иоасафа II на арабском,
его автограф на коптском и оттиски его печати (Or. 778, л. 2об.)

Митрополит Иоасаф закончил свои дни в Эфиопии. Он скончался 12 маскарама (22 сентября) 1803 г. в Гондаре и по традиции был погребен в церкви св. архангела Гавриила в *бета абун*, специально построенном в столице квартале, предназначенном для пребывания митрополита, неподалеку от резиденции *эччеге*.

Особый интерес представляет любопытная история, связанная с кончиной митрополита Иоасафа. Соответствующее повествование и некоторые подробности его жизни вошли в состав вышеупомянутого списка митрополитов[142], а также в текст хроники из «Сборника Хайлу». Оба эти рассказа носят вымышленный характер, т.к. верующим свойственно приписывать различные добродетели и чудеса снискавшим их расположение церковным иерархам. «И после смерти его на 7-й день ((согласно тексту хроники, 5 числа этого месяца (маскарама) – явная неточность!) спустился свет на его могилу, и устрашились и пали ниц священники, которые находились (там), служа заупокойную по нему. И все созерцали (этот) свет ночью, после крика петуха. И за свою жизнь он сотворил много чудес»[143].

Судя по той информации, которая приведена в списке рукописи DD-020 о митрополите Иоасафе, в Эфиопии о нем остались хорошие воспоминания, и паства любила и уважала его. Составитель текста называет его «великим

[142] См. выше примеч. 130.
[143] DD-020, л. 36, стлб. 2, стк. 27-30. Кратко о том же см.: Orient 821, л. 580, стлб. 3, стк. 3-10; Eth. 143, л. 362об., стлб. 1, стк. 14-19.

праведником». Само понятие «свет» имеет большое значение для эфиопской христологии и широко употребляется в различных контекстах религиозного характера. Поэтому весьма знаменательно, что, согласно легенде, свет спустился на могилу добродетельного митрополита.

Заключение

При обращении к объекту настоящего диссертационного исследования невозможно было обойти вопрос о предпосылках беспрецедентной в истории Эфиопии политической раздробленности, которая охватила Эфиопское христианское государство в конце XVIII в. и по аналогии с освященной авторитетом Священного Писания историей Израиля получила название «Эпоха Судей». Господство натурального хозяйства несомненно способствовало центробежным тенденциям в развитии страны, однако оно было характерно для нее на протяжении всего средневековья. С другой стороны, характерной чертой сложившегося в Эфиопии феодализма было отсутствие четко структурированной феодальной иерархии и значительная социальная мобильность, по крайней мере внутри господствующего сословия *чева лиджоч*, которое составляли наделенные земельными владениями воины и на базе которого к XX в. сложилась народность амхара. Этот фактор задерживал сложение феодальной раздробленности классического западноевропейского типа. В таких условиях особое значение приобретали субъективные факторы исторического развития, такие как авторитет института царской власти и умение государя поддерживать баланс интересов между различными группировками внутри военно-политической и церковной элиты. В этом отношении с начала XVIII в. в Эфиопии стала складываться крайне неблагоприятная ситуация: низложение и убийство царя Иясу I Великого (1682–1706), осуществленные по прямому указанию его сына Такла Хайманота I (1706–1708), поколебали веру в незыблемость монархии как Богом данного установления, а череда сменявших друг друга на троне слабых монархов, за единственным исключением Бакаффы (1721–1730), окончательно подорвали престиж Гондарской династии. Оставался только один шаг для того, чтобы превратить «царя царей» Эфиопии в ширму, прикрывавшую притязания на верховную власть наиболее деятельных и

циничных представителей военной верхушки. И его сделал 7 мая 1769 г. *рас* Михаил Сэхуль, повелевший удушить свергнутого с престола царя Иоаса I.

Господство временщиков значительно облегчалось тем обстоятельством, что источником претендентов на престол служила для них расположенная на столовой горе (*амбе*) Вахни особая тюрьма для лиц мужского пола, принадлежавших к правящей династии – институт, не характерный для христианских монархий, но имевший аналоги в мусульманском мире (например, в Османской империи) и связанный с обусловленным политическими резонами многоженством эфиопских царей. Понятно, что воспитанные в столь специфических условиях принцы крови, как правило, годились лишь на роль безвольных марионеток. Такла Гиоргис I, сын Иоанна II, несчастного престарелого инвалида, которому по приказу Бакаффы отрубили руку, чтобы исключить из числа возможных престолонаследников, стал неожиданным исключением. По своим морально-психологическим качествам этот юный монарх оказался способен на решительные поступки, на то, чтобы вернуть себе хотя бы некоторые атрибуты реальной власти. И первые его действия в этом направлении нашли отклик у подданных, прежде всего, у жителей столичного города Гондара и его окрестностей, сильнее всего страдавших от феодальной смуты, а также у церковных иерархов, в первую очередь, у митрополита Эфиопии Иоасафа, ровесника царя. Такое развитие событий совершенно не соответствовало замыслам могущественного военачальника Кэнфу Аддама, который в июле 1779 г. возвел Такла Гиоргиса на престол, и он решил свергнуть его чужими руками, для чего сначала спровоцировал на мятеж Цадалу, одного из придворных, а затем поддержал восстание Гадлу, выразившего царю открытое неповиновение. Такла Гиоргису удалось опереться на противников Кэнфу Аддама, в первую очередь, из числа своих родственников и свойственников. Так, серьезную поддержку ему оказывал на протяжении всего первого периода его правления, продолжавшегося по февраль 1784 г., *деджазмач* Бакату, сестру которого Энкой Лул, он взял в наложницы.

Если первый мятеж, вспыхнувший в конце 1780 – январе 1781 гг., удалось за считанные месяцы подавить силами одного *кэньазмача* Васана, сына сестры царя, то поход против Гадлу, продвигавшегося в северном направлении, к провинции Тигре, потребовал напряжения всех наличных сил Гондарского царства. Приблизительно за месяц, с начала января по начало февраля 1781 , царь прошел около 400 км, достигнув области Вальдебба, где осадил мятежника Гадлу с его сторонниками на одной из столовых гор. За вычетом воскресений и церковных праздников, во время которых войско оставалось на привале, получается около 20 дней пути, что дает среднюю скорость приблизительно 20 км в день. Принимая во внимание наличие обоза и сложный рельеф местности, это был довольно высокий темп продвижения. К сожалению, никаких данных о численности царского войска или отрядов его противников ни для этого, ни для последующих походов в источниках не приводится. Лишь по одному косвенному свидетельству можно заключить, что отряд в тысячу воинов считался довольно крупным. Судя по тому, что все войско Гадлу поместилось на одной столовой горе, оно вряд ли сильно превышало это число, а вся царская армия включала в себя максимум несколько тысяч воинов.

Несмотря на усилия выступивших в традиционной для себя роли миротворцев монахов из знаменитых на всю Эфиопию обителей Вальдеббы, прежде всего из монастыря Дабра Саквар, примирения Гадлу с царем не последовало, а потерпевшему сокрушительное поражение мятежнику удалось скрыться. Хотя позиции Такла Гиоргиса I оставались шаткими, прежде всего, из противодействия Кэнфу Аддама, который поспешил спустить с горы Вахни его соперника Соломона I, правившего непосредственно перед ним, победы над мятежниками произвели столь сильное впечатление на эфиопскую элиту, что, по крайней мере, к концу апреля 1781 г. царь удостоился нового тронного имени *Адьям Сагад* «Пределы поклонились» в дополнение к взятому им при восшествии на престол имени *Фэкр Сагад* «Любовь поклонилась». Такое случалось прежде

лишь в случае крупных успехов правившего монарха, прежде всего военных. Сам факт получения еще одного тронного имени Такла Гиоргисом впервые установлен благодаря тщательному анализу текста его хроники при подготовке настоящей диссертации.

Дальнейшие военные кампании царя разворачивались в южном направлении. Необходимо отметить, что Такла Гиоргис оказался последним гондарским монархом, которому платили налоги (скорее, дань) полунезависимые наследственные правители южной области Шоа. На ее границах, а частично и на ее территории обитали воинственные племена кушитоязычного народа оромо, чьи набеги представляли постоянную и достаточно серьезную угрозу как христианам, так и мусульманам Эфиопии со второй половины XVI в. Первый из южных походов Такла Гиоргиса, продолжавшийся с начала ноября 1781 г. по начало июля 1782 г., проходил по землям оромского племени меча, обитавшего к юго-западу от озера Тана, но целью его был сбежавший из-под стражи интриган Кэнфу Аддам. Зато другой его поход, начавшийся в середине ноября 1782 г. и завершившийся в начале апреля 1783 г., был направлен непосредственно против волло и вучале, заселявших одноименные земли, которые располагались приблизительно в 400 км к юго-востоку и востоку от Гондара. Поводом для него стал захват этими оромскими племенами христиан из области Амхара. Добившись подчинения этих язычников и освобождения полоненных, Такла Гиоргис проявил веротерпимость, которая была и ранее присуща выдающимся эфиопским царям, и, щедро одарив тех вождей и их соплеменников, кто согласился добровольно принять христианство, позволил остальным остаться в «вере их отцов». Речь, разумеется, шла об изъявивших покорность оромо; если же язычники оказывали упорное сопротивление, то после победы царь не останавливался перед показательными карательными мерами, такими как казнь вождя.

Помимо очевидных для всех задач, заключавшихся в подавлении мятежей и демонстрации силы непокорным оромо, военные кампании царя

имели глубинную подоплеку, которая состояла в том, что их участники получали возможность завладеть военной добычей. В условиях натурального хозяйства, когда ни о какой регулярной выплате жалования не только рядовым воинам, но и их командирам не могли быть и речи из-за отсутствия средств, а доходы с земельных наделов были скромны, это обеспечивало лояльность *чева лиджоч* и стоявших во главе них крупных феодалов. Постоянно находиться в походах царь не мог, но и длительные интервалы между ними были чреваты для него серьезными последствиями, особенно во время смут. Не случайно первому низложению Такла Гиоргиса в феврале 1784 г. предшествовали почти десять месяцев его спокойного правления. Свергнувший его, а затем воцаривший его в 1788 г. *рас* Али, как видно по его имени, был крещенным мусульманином, и это лишний раз указывает на теснейшую взаимосвязь представителей двух влиятельнейших авраамических религий в истории Эфиопии.

В этой связи следует отметить, что еще летом 1781 г. ко двору Такла Гиоргиса I прибыли с дарами «арабы из Сеннара», которых, по всей видимости, следует идентифицировать как послов султаната Фунг. Таким образом, этого царя признавали в качестве законного владыки Эфиопии ее мусульманские соседи.

Последовавшие за первым низложением полтора десятилетия Такла Гиоргис провел, то пребывая в изгнании, подчас добровольном, то на довольно непродолжительный срок, от нескольких месяцев до полутора лет, занимая трон. Авторитет, который он приобрел за четыре с половиной года своего первого царствования, делал его привлекательной «разменной картой» в междоусобных распрях влиятельных феодалов, но ни о какой самостоятельности этому монарху не приходилось более и мечтать. От прочих гондарских царей-марионеток того времени его отличало, пожалуй, лишь развитое чувство собственного достоинства. Морально опустошенный и сломленный Такла Гиоргис вынужден быть наблюдать, как рушилась его страна. Этот благочестивый государь, возводивший храмы во время первого

периода своего правления, стал свидетелем того, как в пылу братоубийственных схваток военачальники-христиане, ничтоже сумняшися, предавали церкви огню. Даже с митрополитом Иоасафом, поддержавшим Такла Гиоргиса на заре его царствования, из-за обоюдных обид и претензий было утрачено взаимопонимание. В конце концов бывший царь удалился от мира, отыскав убежище в монастырском комплексе Вальдеббы, где и окончил свои дни 20 декабря 1818 г., почти два десятилетия спустя после своего последнего низложения.

В ходе детального рассмотрения по текстам хроник последних пяти периодов правления Такла Гиоргиса I выяснилось, что их хронология, общепринятая в эфиопистике, достаточно условна. Дело в том, что стараниями крупных феодалов, зачастую конфликтовавших друг с другом, на трон возводились в одно и то же время сразу несколько представителей Гондарской династии, под формальным контролем которых могли оказаться разные области Эфиопии. Это делает постановку вопроса о четких временных рубежах периодов царствования Такла Гиоргиса, как, впрочем, и других царей той эпохи, в принципе некорректной. Вероятно, под влиянием такой ситуации, связанной с одновременным пребыванием у власти нескольких монархов, *рас* Алигаз в 1789 г. решился на упразднение тюрьмы для царевичей на Вахни и освободил ее узников.

Весьма вероятно, что в подобных условиях Такла Гиоргису I, а, скорее, его покровителям приходила на ум идея учредить институт соправления, которого не знало эфиопское средневековье. Как иначе объяснить невиданное прежде нарушение этикета, случившееся на пиру в царском дворце в Гондаре 8 февраля 1798 г., когда Такла Гиоргиса I усадил подле себя на трон своего племенника Соломона II, за несколько месяцев до этого свергнутого с престола. Впрочем, такого рода замыслам, даже если они имели место в действительности, не суждено было осуществиться.

Библиография

Источники

Рукописные источники

Британская библиотека: Or. 778; Or. 820; Or. 821.

Национальная библиотека Франции: Eth. 143.

Digital Oriental Manuscript Library: DD-017; DD-020 (C3-IV-265); DZ-019 (монастырь Дабра Зайт Кэддэст Марьям, Эфиопия); MSM-001 (монастырь Манабайти Дабра Сион Кэддэст Марьям, Тиграй, Эфиопия); MKL-005, (монастырь Лакай Кидана Мэхрат, Тиграй, Эфиопия).

Опубликованные нарративные источники

Арабские источники (Матвеев, Куббель) 1985 – Арабские источники XII-XIII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подготовка текстов и пер. В. В. Матвеева, Л. Е. Куббеля. Л.: Ленинградское отделение Издательства «Наука», 1985 (Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары).

Вайнберг 1907 – *Вайнберг И.* «Сказание Иесуса». Апокриф о последних временах Мира // Памятники эфиопской письменности, VI. СПб., 1907. С. 1–44.

Тураев 1910 – *Тураев Б. А.* Заметки к краткой эфиопской хронике. 2. Новейшая история Абиссинии по краткой Хронике из собрания Азиатского Музея Имп. Академии Наук // Византийский временник, XVII, СПб. С. 270-282.

Хроники (Тураев) 1936 – *Тураев Б. А.* Абиссинские хроники XIV–XVI вв. / Пер. с эфиоп. Под ред. И. Ю. Крачковского М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936 (Труды Института востоковедения, XVIII).

Хроники (Чернецов) 1989 – Эфиопские хроники XVII–XVIII веков / Введ. и закл., пер. с эфиопск. и коммент. С. Б. Чернецова. М.: ГРВЛ, 1989.

Хроники (Чернецов) 1991 – Эфиопские хроники XVIII века / Введ., пер. с эфиопск., коммент. и закл. С. Б. Чернецова. М.: ГРВЛ, 1991.

«Чудо в Атрибе», Бухарест (Французов) 2013 – Бухарестская версия «Чуда Богородицы в Атрибе» / Подготовка к публ., пер. с арабского и коммент. С. А. Французова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2013. Вып. 5 (35). С. 133-142.

«Чудо в Атрибе», Тайба (Французов) 2013 – Тайбитская версия «Чуда Богородицы в Атрибе» / Подготовка к публ., пер. с арабского и коммент. С. А. Французова // Там же. С. 143-160.

Annales Bakāffā (Guidi) 1903 – Annales regis Bakāffa / Ed. I. Guidi // Annales Iohannes I, Iyāsu I, Bakāffā. Textus / Ed. I. Guidi. Parisiis: E Typographeo Reipublicae; Lipsiae: Otto Harrassowitz, 1903 (CSCO, vol. 22; Scriptores Aethiopici. Series altera, t. 5). P. 269-321.

Annales Ioannis I (Guidi) 1903 – Annales regis Iohannis (A'lāf Sagad) / Ed. I. Guidi // Ibid. P. 1-55.

Annales Iyāsu I (Guidi) 1903 – Annales regis Iyāsu I (Adyām Sagad) / Ed. I. Guidi // Ibid. P. 57-267.

Annales (Iyāsu II, Iyo'as) 1910 – Annales regum Iyāsu II et Iyo'as / Ed. I. Guidi. Parisiis: E Typographeo Reipublicae; Lipsiae: Otto Harrassowitz, 1910 (CSCO, vol. 61; Scriptores Aethiopici. Series altera, t. 28).

Bruce 1791 – *Bruce J.* Voyage en Nubie et en Abyssinie, entrepris pour découvrir les sources du Nil, Pendant les années 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 & 1773 / Traduit de l'Anglais, par M. Castera. T. IV. Paris: Hôtel de Thou, rue des Poitevins, 1791.

Chronicle (Blundell) 1922 – The Royal Chronicle of Abyssinia 1769–1840 / with translation and notes by H. Weld Blundell. Cambridge: at the University Press, 1922.

Chronique d'Amda Ṣyôn (Perruchon) 1889 – Histoire des guerres d'Amda Ṣyon, roi d'Éthiopie / traduite de l'éthiopien par J. Perruchon // Journal Asiatique, 8ème série, t. XIV, 1889. P. 271-493.

Cronaca (Conti Rossini) 1917 – *Conti Rossini C.* La Cronaca Reale abissina dall'anno 1800 all'anno 1840 // Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Ferie accademiche. Luglio–Ottobre 1916. Roma: Tipografia della Reale Accademia dei Lincei, 1917. P. 779-922 (1-146).

Guidi 1902 – *Guidi I.* La storia di Ḫāila Mikā'ēl // Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei, Classe di scienze morali, storiche e filologiche, vol. XI, 1902. P. 1-79.

Haddis Gebre-Meskel 1992 – *Haddis Gebre-Meskel* A Survey of Representative Land Charters of the Ethiopian Empire (1314-1868) and Related Marginal Notes in Manuscripts in the British Library, the Royal Library and the University Libraries of Cambridge and Manchester. Thesis submitted to the University of London (School of Oriental and African Studies) for the Degree of Doctor of Philosophy. June 1992.

Kur 1972 – *Kur St.* Édition d'un manuscrit éthiopien de la Bibliothèque Vaticane: Cerulli 178 // Atti della Reale Accademia dei Lincei, Classe di scienze morali, storiche e filologiche, vol. XVII, 1972. P. 383–426.

Liber Axumae (Conti Rossini) 1909 – Documenta ad illustrandam historiam. I. Liber Axumae / Ed. K. Conti Rossini. Parisiis: E Typographeo Reipublicae; Lipsiae: Otto Harrassowitz, 1909 (CSCO, vol. 54; Scriptores Aethiopici. Series altera, t. 24).

Liber Axumae (Conti Rossini) 1910 – – Documenta ad illustrandam historiam. I. Liber Axumae / Interpretatus est K. Conti Rossini (Traduit en français). Parisiis: E Typographeo Reipublicae; Lipsiae: Otto Harrassowitz, 1909 (CSCO, vol. 58; Scriptores Aethiopici. Series altera, t. 27).

Ṭānāsee 106 (Dombrowski) 1983 – *Dombrowski F. A.* Ṭānāsee 106: Eine Chronik der Herrscher Äthiopiens. Wiesbaden, 1983 (Äthiopische Forschungen, Bd 12, Teil A).

Картографические материалы

Carte d'Abyssinie (Salt) s. a. – Carte d'Abyssinie et des Contrées adjacentes dressée partie d'après des observations faites sur les lieux par l'auteur, partie d'après des informations prises dans le Pays en 1809 et 1810 par H. Salt. Le cours du Nil et les Contrées situées o l'ouest du Samen ont été tracées d'après les Cartes de M. Bruce. S. l.: s. a.

Carte de l'Abyssinie (Combes, Tamisier) 1838 – Carte de l'Abyssinie, du pays des Galla, de Choa et d'Ifat par M.rs Combes et Tamisier / Dessinée par A. Vuillemin. [Paris]: chez L. Desefsart, éditeur, 1838 (Longitude comptée du Méridien de Paris).

Carte d'Éthiopie (d'Abbadie) 1867 – Carte d'Éthiopie par A. d'Abbadie pour accompagner sa Géodésie d'Éthiopie. 3e livraison. Paris: Imprimérie de V. Goupy, 1867. Carte N° 3. Simen et Zimbila.

Carte d'Éthiopie (d'Abbadie) 1866 – Ibid. Carte N° 4. Dambya et Lasta.

Carte d'Éthiopie (d'Abbadie) 1865 – Ibid. Carte N° 5. Awawa et Bagemidir.

East Africa, Gondar, 1947 – East Africa. Zone H. Gondar. Scale 1 : 500 000 / Published by War Office (Great Britain), Geographical Section, General Staff No. 4355. S.l., 1947.

Gazetteer of Ethiopia, 1982 – Gazetteer of Ethiopia. Names Approved by the United States Board on Geographic Names / Prepared und Published by the Defense Mapping Agency. Washington, D.C.: August 1982.

National Atlas, 1988 – National Atlas of Ethiopia. 1st Edition. Addis Abeba: Ethiopian Mapping Authority, 1988.

Исследования

Болотов 1888 – *Болотов В.* Несколько страниц из Церковной истории Эфиопии. II: Богословские споры в Эфиопской Церкви // Христианское чтение. СПб., 1888. № 7–8, 11–12. С. 21-111 (30–61, 774–832).

Видясова 2005 – *Видясова М.Ф.* Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы (1903–2000). Т. I. Кн. 1: Человек из Сахеля и его путь к «тунисскому возрождению». Кн. 2: Битва за Тунис после операции «Факел» и во время холодной войны. М.: ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005.

Вобликов 1956 – *Вобликов Д. Р.* Дискуссия о периодизации истории стран Востока // Советское востоковедение, № 3. М.: «Наука», 1956. С. 141-147.

Гусарова 2013а – *Гусарова Е. В.* Особенности и предпосылки соблюдения ветхозаветной субботы Эфиопской церковью // Иудаика и библеистика. Материалы Второй ежегодной конференции по иудаике и востоковедению 17 декабря 2012 г. / Под ред. К.А. Битнера, Л. А. Лукинцовой. СПб.: АНОО «Петербургский институт иудаики», 2013 (Труды по иудаике. Филология и культурология. Вып. 2). С. 197–208.

Гусарова 2013б – *Гусарова Е. В.* Награды в Эфиопии в правление царя Такла Гиоргиса I (по рукописи Orient. 821 из Британской библиотеки) // Африканский сборник 2013. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 200–212.

Гусарова 2013в – *Гусарова Е. В.* Царская власть и Церковь в Эфиопии в конце XVIII в. (по данным хроники Такла Гиоргиса I из рукописи Orient. 821 Британской библиотеки) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2013. Вып. 5 (35). С. 21-29.

Гусарова 2014 – *Гусарова Е. В.* Церковная иерархия в позднесредневековой Эфиопии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2014. Вып. 4 (50). С. 22-32.

Давыденков 2011 – *Давыденков О.* Рец. на *Gebru M. K.* Miaphysite Christology. An Ethiopian Perspective. Piscataway (NJ): Gorgias Press, 2010. XII, 112 p. Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Вып. 33, 2011. С. 111-117.

Луцкая 1973 – *Луцкая Н. С.* Очерки новейшей истории Марокко. М.: «Наука», 1973.

Мисюгин 1998 – *Мисюгин В. М.* Становление цивилизации. О вещах и представлениях. СПб.: ООО «Каре», 1998.

Пиотровский 1985 – *Пиотровский М.Б.* Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества. М.: ГРВЛ, 1985.

Сергеев 2001 – *Сергеев М. С.* История Марокко. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2001.

Текле-Цадык Мекурия 1960 – **ተክለ፡ ጻድቅ፡ መኩሪያ። የኢትዮጵያ፡ ታሪክ፡ ከዐፄ፡ ልብነ፡ ድንግል፡ እስከ፡ ዐፄ፡ ቴዎድሮስ። አዲስ፡ አበባ፡ ፲፱፻፺፫፡ ዓ ም።**

Тураев 1902 – *Тураев Б. [А.]* Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1902.

Тураев 1906 – *Тураев Б. А.* Эфиопские рукописи в С.-Петербурге (Памятники эфиопской письменности, III) // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XVII. СПб., 1906. С. 115–248, табл. I–IV.

Тураев 1911 – *Тураев Б.* Заметки к краткой Эфиопской Хронике. 2. Новейшая история Абиссинии по краткой Хронике из собрания Азиатского музея Имп. Академии Наук // Византийский временник. Т. XVII. Вып. 1–4. 1910. СПб., 1911. С. 270-282.

Французов 2007 – *Французов С. А.* Дэбтэра // ПЭ. Т. XVI. 2007. С. 528.

Французов 2008а – *Французов С. А.* Две иллюминированные эфиопские рукописи из коллекции М.Л. Звягина // Петербургская африканистика. Памяти Андрея Алексеевича Жукова. Сборник научных статей преподавателей и выпускников кафедры африканистики СПбГУ к 70-летию со дня рождения А. А. Жукова. СПб.: Восточный факультет СПбГУ, 2008. С. 192-203.

Французов 2008б – *Французов С. А.* Евстафиане // ПЭ. Т. XVII. 2008. С. 285-286.

Французов 2008в – *Французов С. А.* Елезвой // ПЭ. Т. XVIII. 2008. С. 288-290.

Французов 2008г – *Французов С. А.* Загве // ПЭ. Т. XIX. 2008. С. 483-485.

Французов 2010 – *Французов С. А.* Иоанн IV, император Эфиопии // ПЭ. Т. XXIII. 2010. С. 653-656.

Французов 2012 – *Французов С. А.* История эфиопской литературы на языке геэз // Литературы стран Азии и Африки. Начальный период развития / Отв. ред. В.В. Емельянов. СПб.: Восточный факультет СПбГУ, 2012. С. 213-244.

Цыпкин 1980 – *Цыпкин Г. В.* Эфиопия от раздробленности к политической централизации, М.: ГРВЛ, 1980.

Цыпкин 1988 – *Цыпкин Г. В.* Эфиопия в антиколониальных войнах. М.: ГРВЛ, 1988.

Цыпкин, Ягья 1989 – *Цыпкин Г. В.*, *Ягья В. С.* История Эфиопии в новое и новейшее время. М.: ГРВЛ, 1989.

Чернецов 1982 – *Чернецов С.Б.* Эфиопская феодальная монархия в XIII–XVI вв. М.: ГРВЛ, 1982.

Чернецов 1900 – *Чернецов С. Б.* Эфиопская феодальная монархия в XVII веке. М.: ГРВЛ, 1990.

Чернецов 1991а – *Чернецов С. Б.* История дедж-азмача Хайла Микаэля // Хроники (Чернецов) 1991, с. 264-298.

Чернецов 1991б – *Чернецов С. Б.* Кризис официальной царской историографии в XVIII в. // Хроники (Чернецов) 1991, с. 299-319.

Чернецов 2001 – *Чернецов С. Б.* Атронса Марьям // ПЭ. Т. III. М., 2001. С. 679.

Чернецов 2002 - *Чернецов С. Б.* Текле-Цадык Мекурия (сентябрь 1915-июль 2000) /// Христианский Восток. Т. 3 (IX). М., 2002. С. 542-548 (на русском языке); с. 548-553 (перевод на амхарский язык, выполненный Медхыном Тефери Айеле).

Чернецов, Муравьев 2000 – *Чернецов С. Б., Муравьев А. В.* Абуна // ПЭ. Т. I. 2000. С. 67.

Чернецов, Французов 2000 – *Чернецов С. Б., Французов С. А.* Аксумский собор Богоматери Сионской // ПЭ. Т. I. 2000. С. 414-415.

d'Abbadie 1859 – *d'Abbadie A.* Catalogue raisonné de manuscrits éthiopiens... Paris: à l'Imprimerie Impériale, 1859.

Abbink 2007 – *Abbink J.* Mika'el "Səḥul" // EAE, 3, 2007. P. 962–964.

Abir 1968 – *Abir M.* Ethiopia: the Era of the Princes. The Challenge of Islam and the Re-unification of the Chtistian Empire 1769-1855, Praeger, 1968.

Ancel 2014 – *Ancel S.* Yosab II // EAE, 2, 2005. P. 94-95.

Avanzini 2007 – *Avanzini A.* Gə'əz inscriptions in Ethiopia/Eritrea in antiquity // EAE, 3, 2007. P. 159-162.

Bairu Tafla 2003 – *Bairu Tafla.* Afä nəguś // EAE, 1, 2003. P. 113–114.

Bairu Tafla 2005 – *Bairu Tafla.* Däğğazmač // EAE, 2, 2005. P. 62-63.

Balicka-Witakowska 2007 – *Balicka-Witakowska E.* K^{w}ər'atä rə'əsu // EAE, 3, 2007. P. 465–468.

Berry 2010 – *Berry, LaVerle B.* Wähni Amba // EAE, 4, 2010. P. 1076–1077.

Bosc-Tiessé 2007a – *Bosc-Tiessé Cl.* Iyasu I // EAE, 3, 2007. P. 249–251.

Bosc-Tiessé 2007b – *Bosc-Tiessé Cl.* Narga Śellase // EAE, 3, 2007. P. 1148–1149.

Cerulli 1943 – *Cerulli E.* Il Libro Etiopico dei Miracoli di Maria e le Sue Fonti nelle Letterature del Medio Evo Latino. R. Università di Roma, Roma, 1943 (Studi Orient.ali pubblicati a cura della scuola Orient.ale, vol. 1).

Cerulli 1947 – *Cerulli E.* Il “Gesú percosso” nell’arte etiopica e le sue origini nell’Europa del XV secolo // Rassegna di Studi Etiopici, vol. 6, 1947, fasc. 2. P. 109-129.

Chernetsov 1993 – *Chernetsov S.* On the Origins of the Amhara // St. Petersburg Journal of African Studies, No 1, SPb. 1993. P. 97-103.

Chernetsov 1995 – *Chernetsov S.* On the Problem of Ethnogenesis of Amhara // Der Sudan in Vergangenheit und Gegenwart (Sudan Past and Present) / Hrsg. von R. Gundlach, M. Kropp, A. Leibundgut. Bern: Peter Lang, Europäischer Verlag der Wissenschaften, 1995. S. 1–35.

Chernetsov 2003a – *Chernetsov S.* Abägaz // EAE, 1, 2003. P. 5.

Chernetsov 2003b – *Chernetsov S.* Azmač // EAE, 1, 2003. P. 418-419.

Chernetsov 2005 – *Chernetsov S.* Goššu // EAE, 2, 2005. P. 860-861.

Chernetsov 2007 – *Chernetsov S.* Ḥəzqəyas // EAE, 3, 2007. P. 28–29.

Chernetsov, Nosnitsin 2007 – *Chernetsov S., Nosnitsin D.* Iyasu II // EAE, 3, 2007. P. 251-252.

Chernetsov, Nosnitsin 2010 – *Chernetsov S., Nosnitsin D.* Ṣäḥafe tə’əzaz // EAE, 4, 2010. P. 460-461.

Chernetsov, Red. 2005 – *Chernetsov S., Red.* Ḫaylä Mika’el Ǝšäte // EAE, 2, 2005. P. 1059-1060.

Chojnacki 1985 – *Chojnacki St.* The “Kwer‘ata Re’esu”: Its Iconography and Significance. An Essay in Cultural History of Ethiopia. Napoli, 1985 (Supplemento n. 42 agli Annali dell’Istituto Orienale di Napoli, vol. 45, fasc. 1).

Colin 1995 – Le Synaxaire Éthiopien. Mois de Maggābit / Édition critique du texte éthiopien et traduction française par Gérard Colin // Patrologia Orientalis. T. 46, fasc. 3, № 207. Turnhout (Belgique), 1994.

Crummey 2003 – *Crummey D.* Čäwa // EAE, 1, 2003. P. 703.

Crummey 2005 – *Crummey D.* Gwəlt // EAE, 2, 2005. P. 941-943.

Crummey 2010a – *Crummey D.* Rəst // EAE, 4, 2010. P. 381-382.

Crummey 2010b – *Crummey D.* Sälomon I // EAE, 4, 2010. P. 498.

Crummey 2010c – *Crummey D.* Täklä Giyorgis // EAE, 4, 2010. P. 826-827.

Crummey 2010d – *Crummey D.* Täklä Haymanot II // EAE, 4, 2010. P. 835-836.

Crummey 2014a – Crummey D. Yonas // EAE, 5, 2014. P. 92.

Crummey 2014b – Crummey D. Yosṭos // EAE, 5, 2014. P. 97-98.

Crummey, Nosnitsin, Sokolinskaia 2010 – *Crummey D., Nosnitsin D., Sokolinskaia E.* Tewodros II // EAE, 4, 2010. P. 930–936.

Dege 2014 – *Dege S.* Zämänä Mäsafənt // EAE, 5, 2014. P. 122–129.

Derat 2005 – *Derat M.-L.* Däbrä Məṭmaq // EAE, 2, 2005. P. 34-35.

Derat 2010 – *Derat M.-L.* Les donations du roi Lâlibalâ: éléments pour une géographie du royaume chrétien d'Éthiopie au tournant du XIIe et du XIIIe siècle // Annales d'Éthiopie, 25, 2010 (Dossier Lâlibalâ: textes, objets, vestiges). P. 19–42.

van Donzel 2005 – *van Donzel E.* Fasilädäs // EAE, 2, 2005. P. 499-502.

Fiaccadori 2007 – *Fiaccadori G.* Kaleb // EAE, 3, 2007. P. 329-332.

Fritsch, Zanetti 2003 – *Fritsch E., Zanetti U.* Calendar // EAE, 1. Wiesbaden, 2003. P. 668-672.

Gebru 2010 – *Gebru M. K.* Miaphysite Christology. An Ethiopian Perspective. Piscataway (NJ): Gorgias Press, 2010. XII, 112 p.

Getatchew Haile 1970 – *Getatchew Haile* Archaic Amharic Forms // Proceedings of the Third International Conference of Ethiopian Studies. Addis Ababa: Institute of Ethiopian Studies, Haile Selassie I University, 1970. P. 61–80.

Getatchew Haile 2005 – *Getatchew Haile*. Ǝččäge // EAE, 2, 2005. P. 212–213.

Getatchew Haile 2007 – *Getatchew Haile.* Karra // EAE, 3, 2007. P. 348–349.

Goldschmidt 1897 – *Goldschmidt L.* Die Abessinischen Handschriften der Stadtbibliothek zu Frankfurt am Main (Rüppell'sche Sammlungt). Berlin: S. Calvary & Co., 1897.

Guidi 1899 – *Guidi I.* Liste dei Metropoliti d'Abissinia // Bessarione, ser. 1^{a}, 6, 1899. P. 1-16.

Haile Gabriel Dagne 2003 – *Haile Gabriel Dagne*. Amba Gəšän // EAE, 1, 2003. P. 220-221.

Kaplan 2003 – *Kaplan S.* ‘Aqqabe sä‘at // EAE, 1, 2003. P. 292-293.

Kaplan 2010a – *Kaplan S.* Ṗaṗṗas // EAE, 4, 2010. P. 113-114.

Kaplan 2010b – *Kaplan S.* Sabbath // EAE, 4. Wiesbaden, 2010. P. 432–434

Kaufman Shelemay 1986 – *Kaufman Shelemay K.* Music, Ritual, and Falasha History. Michigan: African Studies Center, Michigan State University, 1986.

Kleiner 2007 – *Kleiner M.* Ləbnä Dəngəl // EAE, 3, 2007. P. 535-537.

Kneller 2003 – *Kneller M.* Climate // EAE, 1, 2003. P. 753-756.

Kropp 1989 – *Kropp M.* Die äthiopischen Königschroniken in der Sammlung des Däğğazmač Haylu. Entstehung und handschriftliche Überlieferung des Werkes. Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris: Verlag Peter Lang, 1989.

Levine 2003 – *Levine D. N.* Amhara // EAE, 1, 2003. P. 230-232.

Mantel-Niećko 2003 – *Mantel-Niećko M.* Ali G^{w}angul // EAE, 1, 2003. P. 201.

Merid Wolde Aregay 1989 – *Merid Wolde Aregay*. Gondar and Adwa: a tale of two cities // Proceedings of the Eighth International Conference of Ethiopian Studies. University of Addis Ababa, [26-30 November] 1984 / Ed. by Taddese Beyene. Vol. 2. Addis Ababa: Institute of Ethiopian Studies, 1989. P. 57-66.

Merid Wolde Aregay 2003a – *Merid Wolde Aregay*. Abetohun // EAE, 1, 2003. P. 40.

Merid Wolde Aregay 2003b – *Merid Wolde Aregay*. Bäğərond // EAE, 1, 2003. P. 440-441.

Mulatu Wubneh 2003 – *Mulatu Wubneh*. Angäräb // EAE, 1, 2003. P. 264.

Munro-Hay 1991 – *Munro-Hay St.* Aksum. An African Civilisation of Late Antiquity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1991.

Natsoulas, Nosnitsin 2007 – *Natsoulas T., Nosnitsin D.* Iyo’as I // EAE, 3, 2007. P. 259–260.

Nosnitsin 2003 – *Nosnitsin D.* Abunä // EAE, 1, 2003. P. 56.

Nosnitsin 2007 – *Nosnitsin D.* Märəd azmač // EAE, 3, 2007. P. 780-781.

Nosnitsin 2010a – *Nosnitsin D.* Ras // EAE, 4, 2010. P. 330-331.

Nosnitsin 2010b – *Nosnitsin D.* Waldəbba // EAE, 4, 2010. P. 1112–1114.

Nosnitsin 2010c – *Nosnitsin D.*, Province of Šawa // EAE, 4, 2010. P. 554-558.

Ofcansky 2003 – *Ofcansky Th. P.* Blundell, Herbert Weld // EAE, 1, 2003. P. 599.

Pankhurst 2003 – *Pankhurst R.* Aringo // EAE, 1. 2003. P. 335.

Paulos Tzadua, Red. 2005 – *Paulos Tzadua, Red.* Fətḥa nägäśt // EAE, 2, 2005. P. 534-535.

Ricci 2005 – *Ricci L.* Guidi, Ignazio // EAE, 2, 2005. P. 908-909.

Rubenson 2005 – *Rubenson S.* Dīnār // EAE, 2, 2005. P. 164-165.

Seyoum Wolde 1989 – *Seyoum Wolde*. The Profile of Writings on Ethiopian Medieval Christian Art // Proceedings of the Eighth International Conference of Ethiopian Studies. University of Addis Ababa, [26-30 November] 1984 / Ed. by Taddese Beyene. Vol. 2. Addis Ababa: Institute of Ethiopian Studies, 1989. P. 165-171.

Shiferaw Bekele 1990 – *Shiferaw Bekele.* The State in the Zamana Masafent (1786-1853): An Essay of Reinterpretation // Kasa and Kasa. Papers on the Lives, Times and Images of Téwodros II and Yohannes IV (1855-1889) / Ed. by Taddese Beyene, R. Pankhurst, Shiferaw Bekele. Abbis Abeba: The Book Center of Addis Abeba University, June 1990. P. 25-68.

Shiferaw Bekele 2004 – *Shiferaw Bekele.* The Chronicle of Täklä Giyorgis I (first r. 1779–84): An Introductiry Assessment // Studia Aethiopica. In Honour of Siegbert Uhlig on the Occasion of his 65th Birthday. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. P. 247-258.

Smidt 2003 – *Smidt W.* Bäläsa // EAE, 1, 2003. P. 454-455.

Smidt, Pankhurst 2010 – *Smidt W., Pankhurst R.* Säläwa // EAE, 4, 2010. P. 492.

Sokolinskaya 2007 – *Sokolinskaya E.* Kənfu Addam // EAE, 3, 2007. P. 385–386.

Tedros Abraha 2010 – *Tedros Abraha.* Ṣägga // EAE, 4, 2010. P. 453–455.

Tekle-Tsadik Mekouria 1966 – *Tekle-Tsadik Mekouria.* Les noms propres, les noms de bâptème et l'étude généalogique des rois d'Éthiopie (XIII–XXe siècles) à travers leurs noms patronymiques. Belgrade, Septembre 1966 (личная публикация).

Tekle-Tsadik Mekouria 1989 – *Tekle-Tsadik Mekouria.* Histoire abregée de Haylou Esheté (Degiazmatche) // Proceedings of the Eighth International Conference of Ethiopian Studies. University of Addis Ababa, [26-30 November] 1984 / Ed. by Taddese Beyene. Vol. 2. Addis Ababa: Institute of Ethiopian Studies, 1989. P. 189-213.

Tse Kimberlin 2003 – *Tse Kimberlin C.* Azmari // EAE, 1, 2003. P. 419-421.

Tse Kimberlin 2007 – *Tse Kimberlin C.* Nägarit // EAE, 3, 2007. P. 1104–1106.

Tsega Endalew Etefa, Gascon 2010 – *Tsega Endalew Etefa, Gascon A.* Taqussa // EAE, 4, 2010. P. 862.

Tsegay Berhe G. Libanos, Red 2005 – *Tsegay Berhe G. Libanos, Red*. Däbrä Damo // EAE, 2, 2005. P. 17-20

Tsegaye Tegenu, Kleiner 2003 – *Tsegaye Tegenu, Kleiner M.* Bäläsa // EAE, 1, 2003. P. 454.

Wagner 2007 – *Wagner E.* Maḥfūẓ b. Muḥammad // EAE, 3, 2007. P. 659.

Wright 1877 – *Wright W.* Catalogue of the Ethiopic Manuscripts in the British Museum acquired since 1847. London: Gilbert & Rivington, 1877.

Yaqob Beyene 1989 – *Yaqob Beyene*. La dottrina della Chiesa Etiopica e il «Libro del Mistero» di Giyorgis di Saglaô // Rassegna di Studi Etiopici. Vol. 33. 1989. P. 35-36.

Zotenberg 1877 – *[Zotenberg H.]* Catalogue des manuscrits éthiopiens (gheez et amharique) de la Bibliothèque nationale. Paris: Imprimérie nationale, 1877.

Список сокращений

ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы Издательства «Наука».

ПЭ – Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия».

CSCO – Corpus Scriptores Christianorum Orientalium.

EAE – Encyclopaedia Aethiopica. Vol. 1–3 / Ed. by S. Uhlig. Vol. 4 / Ed. by S. Uhlig in cooperation with A. Bausi. Vol. 5 / Ed. By A. Bausi in cooperation with S. Uhlig. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2003, 2005, 2007, 2010, 2014.

Таблица. **ГЕНЕАЛОГИЯ ЦАРЕЙ ГОНДАРСКОЙ ДИНАСТИИ (НАЧАЛО XVII – КОНЕЦ XVIII ВВ.)**

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- **Жирным** выделены имена царей, под которыми они вошли в историю (как правило личные), *курсивом* – тронные имена;
- Имена цариц даны прямым шрифтом, наложниц – *курсивом*.

Лебна Денгель (ልብነ: ድንግል:), *Давид* (ዳዊት:) (1496-97; 01.08.**1508**–02.09.**1540**) — Сабла Вангель (ሰብለ: ወንጌል:)

Иаков (ያዕቆብ:), *абетохун* (1527-28–1556-57)

Василид Кроткий (ፋሲል: ገራም:), *абетохун* († 1586) — Хамальмаль Верк (ሐመልመል: ወርቅ:), *вейзаро*

Сисиний (ሱስንዮስ:), *Сэлтан Сагад* (ስልጣን: ሰገድ:) (1571; 14.12.**1604**–09(25?).06.**1632**; † 18.09.1632) — Сэлтан Могаса (ሐመልመል: ወርቅ:)

Василид (ፋሲለደስ:), *Сэлтан Сагад* (ስልጣን: ሰገድ:), *Алам Сагад* (ዐለም: ሰገድ:) (1603; 09(25?).06.**1632**–17.10.**1667**) — Эхата Крестос (እጎተ: ክርስቶስ:)

Иоанн I (ዮሐንስ:), *Аэлаф Сагад* (አእላፍ: ሰገድ:) (1603; 17.10.**1667**–19.07.**1682**) — Сабла Вангель (ሰብለ: ወንጌል:)

Кеддеста Крестос (ክድስተ: ክርስቶስ:) — **Иясу I** (ኢያሱ:), *Адьям Сагад* (አድያም: ሰገድ:) (1658-59; 19.07.**1682**–16.03.**1706**; † 13.10.1706) — *Малакотавит* (መለኮታዊት:)

Феофил (ቴዎፍሎስ:), *Ацрар Сагад* (አጽራር: ሰገድ:) (14.07.**1708**–14.10.**1711**)

Такла Хайманот I Проклятый (ተክለ: ሃይማኖት: ርጉም:), *Абрак Сагад* (አብራክ: ሰገድ:), *Леуль Сагад* (ልዑል: ሰገድ:), *Гэрум Сагад* (ግሩም: ሰገድ:) (1684; 08.03.**1706**–30.06.**1708**)

Марьямавит (ማርያማዊት:)

Бакаффа (በካፋ:), *Масих Сагад* (መሲሕ: ሰገድ:) (24.05.**1721**–19.09.**1730**) — *Ментевваб* (ምንትዋብ:), Берхан Могаса (ብርሃን: ሞገሳ:)

Давид II (ዳዊት:), *Адбар Сагад* (አድባር: ሰገድ:) (09.02.1716–17.05.1721)

Иоанн II (ዮሐንስ:), *Цэдк Сагад* (ጽድቅ: ሰገድ:) (1696-97; 10.05–15.10.1769)

Иясу II (ኢያሱ:), *Адьям Сагад [II]* (አድያም: ሰገድ:) (17.06.1723; 21.10.**1721**–26.06.**1755**) — Вэбит (ውቢት:), *Валатта Берсабех* (ወለተ: ቤርሰቤሕ:)

Иоас I (ኢዮአስ:), *Адьям Сагад [III]* (አድያም: ሰገድ:) (ок. 1749; 27.06.**1755**–07.05.**1769**)

Езекия (ሕዝቅያስ:) (26.07.**1788**–01.**1794**; † 26.03.1813)

Адиго (አዲጎ:), *абетохун*

Ацку (አጽቁ:), *абетохун*

Такла Хайманот II (ተክለ: ሃይማኖት:), *Адмас Сагад* (አድማስ: ሰገድ:), *Тэбаб Сагад* (ጥበብ: ሰገድ:) (1754; 17.10.**1769**–13.04.**1777**; † 07.09.1777)

ТАКЛА ГИОРГИС I (ተክለ: ጊዮርጊስ:), *Фэкр Сагад* (ፍቅር: ሰገድ:); *Адьям Сагад [IV]* (አድያም: ሰገድ:)

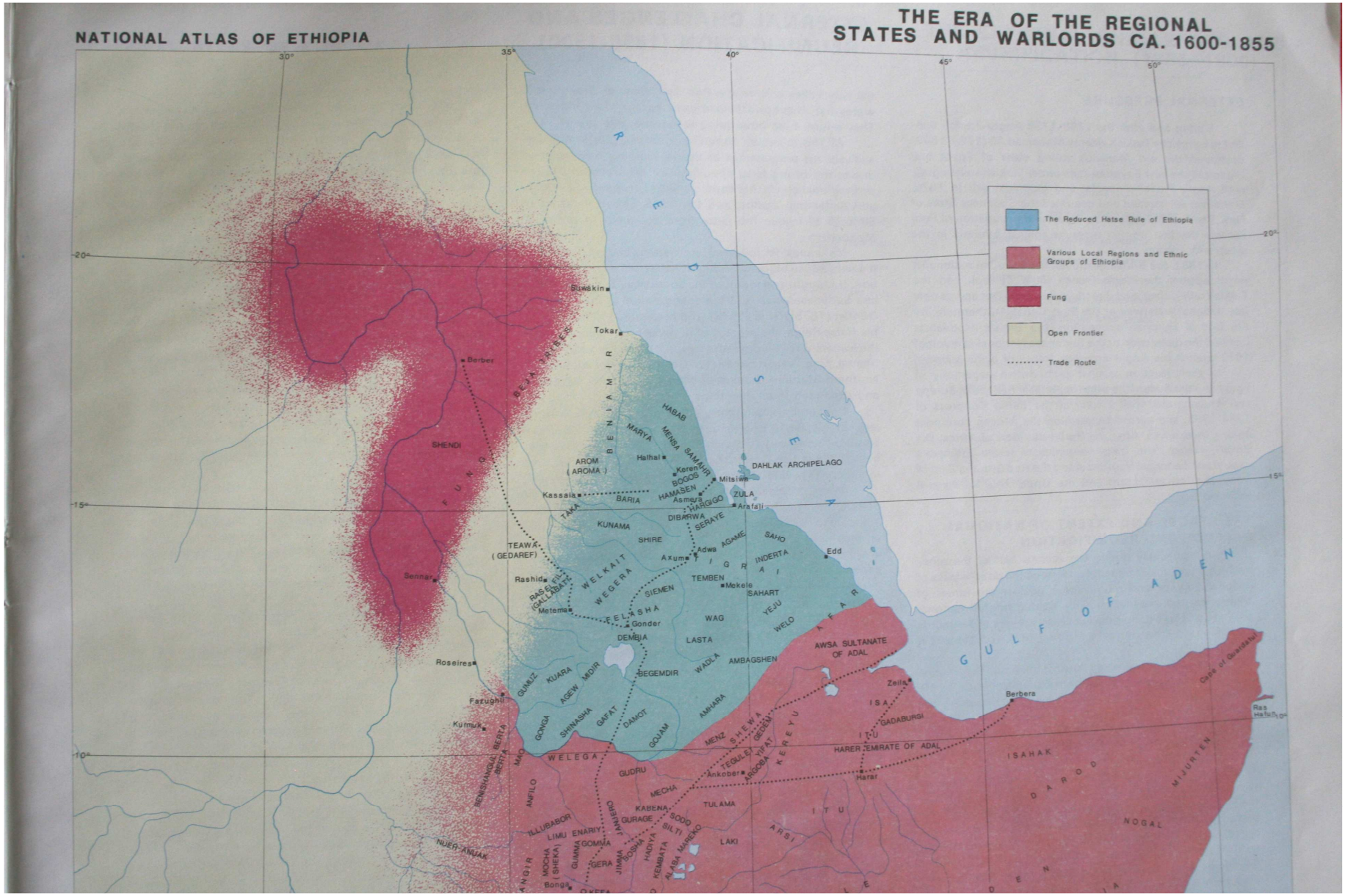
Соломон I (ሰሎሞን:) (13.04.**1777**–17.07.**1779**)

Иясу III (ኢያሱ:), *Баала Цаггаб* (በዓለ : ጸጋብ:) (16.02.**1784**–24.04.**1788**)

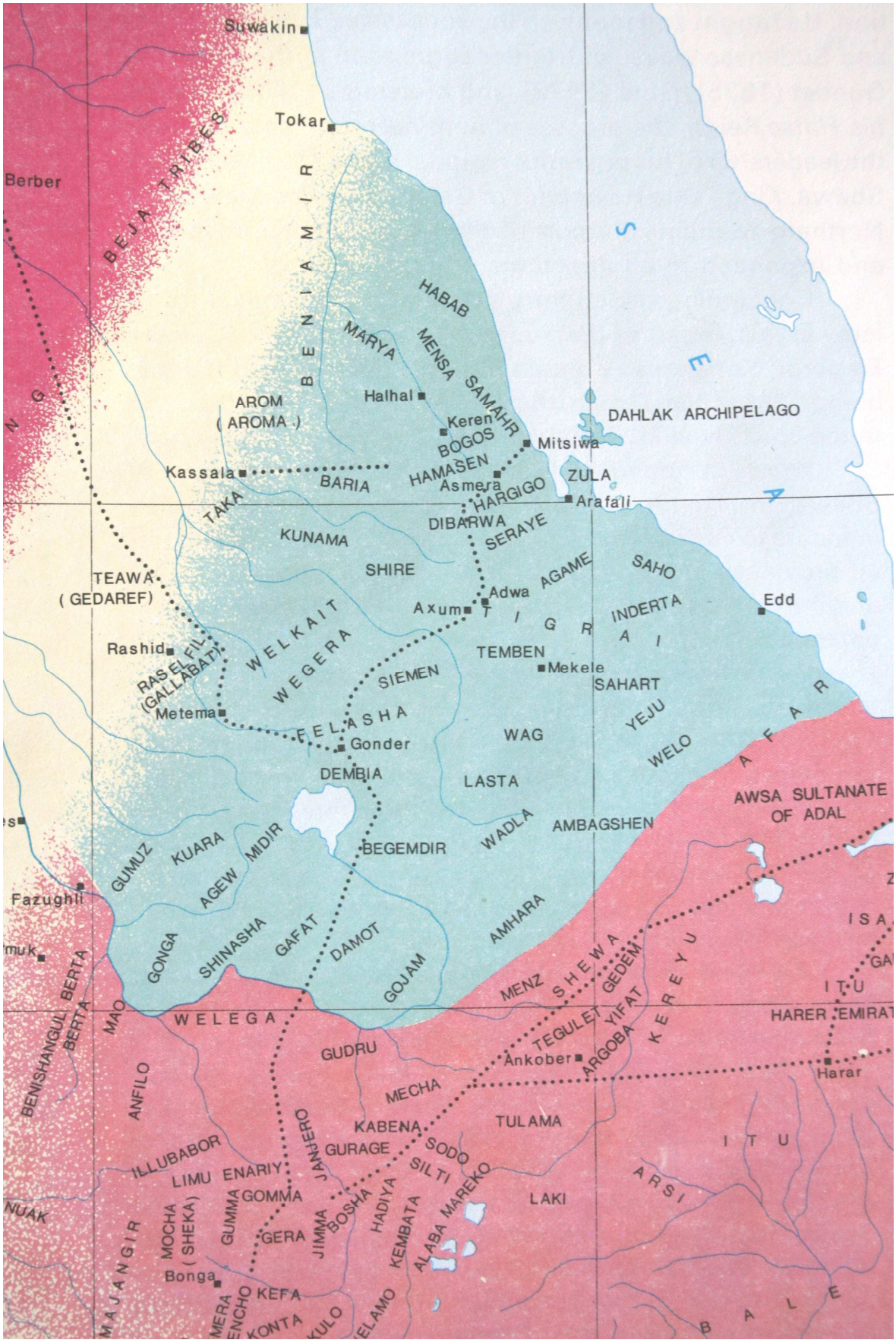
Соломон II (ሰሎሞን :), Габра Мадхэн (ገብረ: መድኃኔ:) (19.06.**1796**–15.07.**1797**; 15.06–25.07.**1799**)

?

Баэда Марьям II (በእደ: ማርያም:) (18.04–12.**1795**)



Карта 1. **Африканский Рог и Восточный Судан в XVII – середине XIX вв.** (National Altas, 1988. [Map] 73)



Карта 1а. **Эфиопское христианское государство в XVII – середине XIX вв.** (National Altas, 1988. [Map] 73)

Карта 2. **Поход Такла Гиоргиса I против мятежника Гадлу** (январь–май 1781 гг.)

Карта 3. **Военная кампания Такла Гиоргиса I против оромо в землях Волло и Вучале**
(середина ноября 1782 – начало апреля 1783 гг.)